

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»

На правах рукописи

ЛЕОНТЬЕВА
Светлана Геннадьевна

Литература пионерской организации: идеология и поэтика

Специальность 10.01.08 — Теория литературы. Текстология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
кандидат филологических наук,
А. Ф. Белоусов

Тверь
2006

Оглавление

Введение	5
Глава 1	
Литература пионерской организации и ее жанры	32
1. Литература пионерской организации как литературное явление XX века	32
2. Жанровый состав пионерской литературы	36
2.1. Афористические жанры	36
2.1.1. Девиз	36
2.1.2. Речевка	41
2.2. Песня	58
2.2.1. Изменение семантики пионерских песен	61
2.2.2. Песенники 1920-х годов: состав и поэтика	62
2.2.3. Песенники 1930–80-х годов: состав и поэтика	69
2.2.4. Сопоставительный анализ названий песен	74
2.3. Драматические миниатюры: состав и поэтика	75
Глава 2	
Пионерский героический сюжет в идеологическом контексте: генезис, морфология, поэтика	86
1. Сюжетное воплощение пионерской идеологии	86
2. Соцреализм и героический пионерский нарратив	91
3. Предшествующая традиция героических нарративов для детей	93
4. Ранние формы пионерского героического нарратива	96
5. Беллетризованные биографии пионеров-героев	97
5.1. Традиция текста	99
5.2. Характеристика персонажа героического нарратива	104

5.2.1.	Имя героя	104
5.2.2.	Портретная характеристика персонажа	105
5.2.3.	Описание раннего детства: жанровые и стилистические традиции	105
5.2.4.	Деталь как средство создания образа пионера-героя . .	111
5.3.	Структура жизнеописания пионера-героя (на примере раз- вернутых редакций)	116
5.3.1.	Морфология героического сюжета: сюжетные ситуации и варианты	117
5.3.2.	Изображение мученической смерти	130
5.3.3.	Возможности сюжетного варьирования	137
5.4.	Жанровые традиции в беллетризованных биографиях пио- неров-героев	138
5.5.	Сниженные варианты жанра	139

Глава 3

Функционирование пионерских текстов

и их жанровая трансформация 142

1.	Письменная фиксация пионерского праздника	142
1.1.	Пионерский праздник как ситуация исполнения пионерской словесности	142
1.2.	Типы исполнения пионерских текстов	144
1.3.	Методические пособия по подготовке праздников	145
1.4.	Виды фиксации праздника	146
1.5.	Создание и тиражирование сценариев	151
1.6.	Монтаж словесных текстов	152
2.	Характеристика текстов по типу исполнения	156
2.1.	Пение	156
2.1.1.	Источники материала для пения	156
2.1.2.	Обучение пению	156
2.1.3.	Исполнение песен в пионерских ритуалах	158
2.2.	Декламация	167
2.2.1.	Источники материала для декламации	167
2.2.2.	Обучение декламации	168

2.2.3. Декламация в пионерских ритуалах	169
2.2.4. Межжанровые миграции	180
2.3. Инсценирование	181
2.3.1. Источники материала для инсценирования	181
2.3.2. Обучение инсценированию	181
2.3.3. Инсценирование в пионерских ритуалах	182
Заключение	189
Литература	193
Исследования	193
Источники	210
Приложение	230
Пионерская идеология в Уставе пионерской организации: текстологический анализ	231

Введение

Среди литературных явлений есть такие, которые по форме и функции хотя и напоминают литературу в общепринятом понимании этого слова, но возникают не как результат творческого самовыражения автора, а благодаря заказу какого-либо социального института: государственного аппарата, политической партии, религиозных организаций. Одним из таких литературных явлений в советское время была литература пионерской организации.

Литература, созданная по заказу пионерской организации, находится в одном ряду с литературными явлениями, в которых доминирует идеологичность. Это — например, популярная церковная литература, содержанием которой являются адаптированные (пересказанные) для неподготовленных читателей сюжеты житий святых, поучения, наставления и т. д. Другую разновидность такой литературы представляет агитационно-пропагандистская литература политических партий. Круг подобных литературных явлений невелик, что объясняется тем, что стройная идеологическая система бывает развита лишь в тех областях общественной жизни, которые связаны с властным воздействием на человека. А это — прежде всего политика и религия. Политические и религиозные институты назначают литературе по преимуществу агитационно-пропагандистскую роль: она должна в первую очередь формировать у своих читателей идеологические ориентиры.

В советское время партийный аппарат приписывал вообще всей литературе функцию сначала политической агитации, а затем пропаганды коммунистической идеологии или иначе — «социалистической идейности» [Волков:1968, 610]. Еще в дореволюционных работах В. И. Ленина формулировалась агитационная функция литературы: «Вся социал-демократическая литература должна стать партийной», и, как следствие этого, «идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды» [Ленин:1974, 52]. После революции и на протяжении всего существования

советского государства в манифестах партии, ее программе, выступлениях партийных и государственных лидеров декларировалось особое место литературы в идейном просвещении и воспитании советских людей: «Советская литература и искусство, проникнутые оптимизмом и жизнеутверждающими коммунистическими идеями, играют большую идейно-воспитательную роль, развивают в советском человеке качества строителя нового мира. Они призваны служить источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли, служить средством их идейного обогащения и нравственного воспитания» [Программа:1961, 420]. Таким образом, в советской литературе должна была быть представлена только политическая идеология коммунистической партии: «Внутри коммунистического движения особую роль приобретает политическая форма идеологии и политическая партийная организация» [Волков:1968, 610].

Вместе с тем, в советский период производилась *специальная литературная продукция*, адресованная членам партии, комсомола, пионерской организации. Функция этой литературы прежде всего политико-идеологическая. Эта литература зачастую издавалась в составе серий «Библиотека агитатора», «Библиотечка Госкультпросветиздата», «Библиотека юного ленинца», «Для тех, кто работает с пионерами» и т. п. Впрочем, история этой функциональной разновидности литературы началась не в XX веке, ее корни уходят во вторую половину XIX века, в агитационную литературную продукцию революционеров-народников.

Огромное количество такой агитационно-пропагандистской литературы было адресовано особой группе внутри советской читательской аудитории — детям. Эта продукция не исчерпывалась тем, что принято называть «детской литературой». Дело в том, что советские дети были пионерами (в возрасте от 10 до 14 лет) или готовились вступить в пионерскую организацию, одновременно становясь адресатами специальной *пионерской литературы*. Мы будем употреблять определения *литература пионерской организации* и *пионерская литература* как тождественные.

Собственно с зарождения пионерской организации в 1922 году началось создание агитационно-пропагандистской детской литературы и продолжалось на протяжении всего существования пионерской организации до 1991 года. Этим периодом ограничиваются **хронологические рамки нашего ис-**

следования. В резолюции XIII съезда партии (май 1924 года) утверждалось: «Необходимо приступить к созданию литературы для детей под тщательным контролем и руководством партии, с целью усиления в этой литературе моментов классового, интернационального трудового воспитания. В частности, развернуть дело издания *пионерской литературы* <курсив наш — С. Л.>, привлекая к этой работе в помощь комсомолу партийные, профессиональные и советские организации» [Резолюция:1972, 113]. В последовавших затем тезисах VI съезда РЛКСМ (июль 1924 года) можно обнаружить аналогичные директивы о становлении новой разновидности детской литературы: «В связи с ростом детских организаций и повышения их требований необходимо расширение издания литературы, *обслуживающей пионерское движение* <курсив наш — С. Л.> Издающаяся в настоящее время партийными и советскими издательствами массовая детская литература далеко не отвечает задаче классового воспитания детей. Необходимо реорганизовать эту работу при непосредственном участии комсомола. Печатное слово является мощным средством воздействия на развитие ума и характера ребенка и поэтому созданию революционной детской литературы должен быть уделен максимум внимания» (Цит. по:[Разин:1926, 7]). Создание и развитие пионерской литературы с первых лет контролировалось со стороны партийного аппарата, свидетельством чему, например, является резолюция Оргбюро ЦК РКП(б), опубликованная в журнале «Вожатый» от 24 августа 1925 года (Вожатый № 13–14, С. 3), в которой констатировалась «слабость пионерской литературы» и выдвигалось требование ее усилить. Таким образом, государственный идеологический запрос реализовался в создании нового корпуса текстов, своим содержанием и прагматикой транслирующих пионерскую идеологию¹.

Современные исследователи детской литературы советского периода, характеризуя ее особенности, отмечают ее двойственный характер: «Положение детской литературы и детского чтения при советской власти было

¹Надо отметить, что контроль над литературным процессом касался всего советского общества, а не только детской его части (см.[Добренко:1997]). Однако именно в детской среде проект создания нового человека осуществлялся с особой тщательностью. Этому служили социальные институты: школа, библиотека и общественные организации, но первое по значимости место в реализации «политизированной педагогики» заняла пионерская организация. Подчиненное положение библиотечных и школьных учреждений по отношению к пионерской организации состояло в признании пионерской воспитательной системы как исходной для всех воспитательных структур страны [Херсонская:1924], [Касаткина:1928].

глубоко двойственным. С одной стороны, детская литература была частью общей пропагандистской схемы; детям были адресованы особые, именно для них адаптированные, образы, лозунги и литературные тексты, издававшиеся огромными тиражами. С другой стороны, именно детская литература в то же самое время была одной из самых свободных сфер литературы» [Кукулин:2003, 215]. Правильнее будет сказать, что определенная часть литературы, предназначенной для детей, носила ярко выраженный политико-идеологический характер, и именно эта часть — *литература пионерской организации* — представляет собой особое явление внутри детской литературы и, шире, советской детской культуры². Иными словами, наряду с литературой для детей, в основании которой лежали категории художественного и эстетического, существовала и особая литература, выполнявшая совершенно иные функции. Она носила ярко выраженный политико-идеологический характер, а художественное и эстетическое начала в ней, если и были представлены, подчинялись идеологическому началу.

Особое место *литературы пионерской организации* в структуре советской детской литературы осмыслялось самими ее создателями, ведь эта литература определяла существование самой организации, ее коллективную практику. Выделение проводилось по прагматическому признаку. В одной из библиографических работ того времени противопоставление заявлено в заголовке раздела: «Пионерская и детская литература» и далее читаем: «Очень часто путают термины «пионерская» и «детская» литература. Следует дать точное объяснение каждому из этих терминов. Мы считаем, что слово «пионерская» литература определяет только ту литературу, которая *обслуживает руководство пионердвижением и отдельные виды пионерской работы*. Меж тем, подчас, под этим словом подразумевается вся литература, издаваемая для детей пионерского возраста. В действительности всю остальную (не руководящего характера) литературу следует отнести к «детской» литературе» [Разин:1926, 8]³.

²Точно так же, как внутри советской литературы для взрослых, отдельное место занимает агитационно-пропагандистская литература: беллетризованные биографии партийных вождей, массовая песня, государственный гимн и, шире, «пропагандистские тексты» (термин Д. Вайсса), а именно партийные манифесты и программы, толковые словари, присяги и пр.

³Здесь и далее в цитатах из источников орфография и пунктуация приводится в соответствии с оригиналом.

Мы будем отграничивать объект нашего исследования на основании аналогичного принципа. Во-первых, из огромного количества литературных текстов, предназначенных советским детям, мы обратимся к тем, которые специально *создавались для использования в работе с пионерами*, прежде всего в коллективной пионерской практике. Объединяющим признаком этих текстов пионерской литературы является их адресация: именно пионерам они адресовались и именно пионеры должны были быть их читателями (и исполнителями). В этом случае, правда, изданная литература могла и не использоваться по назначению, но для нас важен сам факт создания особой литературы с особой прагматикой: она предназначена для обслуживания пионерского движения. Это обуславливает содержание пионерской литературы: она выражала адаптированную для детей коммунистическую идеологию.

Во-вторых, прибегая к такой дифференциации детской литературы и *литературы пионерской организации*, нельзя не учитывать еще одно обстоятельство: литература пионерской организации не была изолирована от остальной советской литературы, предназначенной как детям, так и взрослым. Существовали литературные произведения, которые, хотя и не создавались специально для работы по идейному воспитанию детей, тем не менее, *функционировали* в пионерской среде и *намеренно использовались пионерскими* работниками в коллективной пионерской практике. Этому способствовало то, что в идеологических аппаратах партии и комсомола складывалась вполне определенная тенденция — поставить всю детскую словесность на службу идеологии. Таким образом, к пионерской литературе мы относим всю литературу, которая не только публиковалась для пионерских работников и пионеров в специальных изданиях, в том числе серийных, но и *de facto использовалась в пионерской коллективной практике*: последнее восстанавливается нами по сценариям проводившихся пионерских ритуалов, мемуарным свидетельствам, отчетам и рабочим дневникам пионерработников, летописям пионерских дружин, сообщениям в периодической пионерской печати и из других источников.

В целом, **материалом нашего исследования** являются тексты, опубликованные в пионерской периодике, методических пособиях, репертуарных сборниках, серийных изданиях пионерской беллетристики («В помощь пионерскому вожатому», «Для тех, кто работает с пионерами», «Библиотека

юного ленинца» и др.); часть литературных материалов была почерпнута из личных архивов и архива ЦАМО (Центральный архив молодежных организаций. Москва).

Пионерская литературная продукция достаточно многообразна и разнообразна в плане жанровой природы. С одной стороны, пионерскую литературу составляют произведения, которые имеют традиционную для литературоведения жанровую атрибуцию: это песни, пьесы, стихотворения, беллетризованные биографии. Они являются ядром пионерской литературы. И в то же время реальная ритуальная практика пионерской организации потребовала создания текстов, отнесение которых к литературным требует либо серьезных оговорок, либо попросту невозможно, они составляют периферийное поле афористических жанров (призывы, девизы, лозунги, речевки)⁴. Учитывая это, мы не можем отказаться от их рассмотрения, потому что для пионерских текстов в высшей степени характерны межжанровые взаимосвязи и миграции; и, что важно, не только между «ядерными» жанрами, но в немалой степени между «ядерными» и «периферийными». Речь идет о едином поле пионерской литературы и словесности, в котором наблюдается общность формул и клише, персонажей, нарративных схем и т. д. Опираясь на методологические положения Ю. М. Лотмана, высказанные, в частности, в его работе «К проблеме типологии текстов» [Лотман:2000], можно утверждать, что различные по своей природе тексты могут приобретать функции литературности, то есть и создаваться, и восприниматься как явления литературного порядка.

Круг авторов, создававших литературу пионерской организации, был весьма широк. Это в первую очередь непрофессиональные поэты, писатели, драматурги: Ш. Бейшаналиев, Е. Гай, С. Глязер, Я. Задыхин, В. Каринский, Г. Пушкарёв, А. Резапкин, хотя к созданию некоторых текстов, использовавшихся в пионерской коллективной практике оказались причастны и поэты-комсомольцы А. Жаров, А. Безыменский, и детские писатели «первого ряда» А. Гайдар, В. Губарев, Л. Кассиль и др. Однако удельный вес текстов,

⁴Существует возможность обобщить все перечисленные афористические виды текстов термином словесность, но имеющиеся на данный момент определения этого термина (например, у Ю. В. Рождественского [Рождественский:1979], а также у других исследователей, например [Шмелева:2005]) достаточно размыты и интуитивны. Впрочем, при отсутствии в литературоведении другого термина для описания подобных языковых явлений мы будем его использовать по мере необходимости.

созданных непрофессиональными, часто анонимными авторами, значительно больше.

Как уже говорилось, возникнув в 1920-е годы, пионерская литература закончила свое существование вместе с ликвидацией пионерской организации в 1991 году⁵. Показательно то, что в последние 15 лет в городских и районных детских библиотеках литература пионерской организации планомерно уничтожается (например, пионерские песенники, книги серийных изданий типа «В помощь пионерработнику», «Для тех, кто работает с пионерами»), прежде всего потому, что эта литература потеряла своего читателя (и исполнителя) — пионера; на данный момент это литературное явление не функционирует в прежних формах. Поэтому литература пионерской организации может быть определена как литература, имеющая не просто генетическую связь с организацией, но и как явление, которое вне связи с пионерской организацией теряет свою функциональность. В этой ситуации можно сказать, что корпус текстов пионерской литературы закрыт, создание пионерской литературы как производной пионерской организации завершилось. Это позволяет взглянуть на пионерскую литературу как целостное, законченное явление, дает возможность проанализировать ее в динамике становления и умирания. Исходя из теории литературного процесса, выдвинутой Ю.Н. Тыняновым, пионерскую литературу можно рассматривать как «литературный факт» — динамичное явление литературного процесса советского периода.

Высказанные положения подтверждаются наличием типологически сходных ситуаций создания и функционирования литератур детских организаций. Между другими детскими организациями (того же периода) и их текстами, которые создаются и функционируют как организационные, существует аналогичная связь. Речь идет о литературной продукции скаутской организации в России и соответствующих детских организаций в европейских странах. Словесность и литература⁶ этих организаций в жанровом, стилистическом и прагматическом аспекте имеет много типологических соответствий

⁵В последующие годы пионерская организация возобновила свое существование, но, несмотря на постулировавшуюся преемственность постсоветских пионерских союзов по отношению к советской пионерской организации, их литературная продукция существенно отличается, а главное — функционирует в другом масштабе и формах.

⁶К исследованиям, в той или иной степени описывающим скаутскую словесность, можно отнести следующие: [Шободаева: 1995], [Подтынная:1995], [История:1992], [Черных:1996], [Кудряшов:2000].

в пионерской литературе (а в случае со скаутами можно отметить и генетическую связь двух словесных традиций).

В связи с этим, говоря о литературе пионерской организации, необходимо по-возможности четко определить ее место в ряду смежных явлений литературы/словесности — в силу специфики данного вида творчества и особого веса внелитературных, внехудожественных элементов в ней.

В современной филологической науке существует несколько терминов, присвоенных определенным группам литературных явлений: **литература — беллетристика — массовая литература — словесность**. В ходе формирования литературоведческой терминологии значения этих терминов претерпели существенную эволюцию, границы между явлениями, которые эти термины определяют, подвижны, так как сам литературный процесс динамичен. Обозначение того или иного литературного явления каким-либо одним из этих терминов безотносительно к конкретно-историческим или национально-специфическим факторам приводит к субъективному отбору текстов, недопустимому в научном подходе к материалу, так как в этом случае ряд литературных явлений остается вне поля зрения литературоведов как «нелитература» и собственно литература тем самым лишается важнейшего контекста своего существования.

Вместе с тем мы не можем отказаться ни от принятой терминологии (с необходимыми оговорками), ни от попыток соотнести литературу пионерской организации с другими феноменами литературной культуры.

Смысл, вкладываемый в понятие **литература**, претерпевал значительные изменения (некоторые особенности этой динамики в европейской культуре описаны, например, в [ГудковДубин:1994, 16–21, 27–39], в русской культуре [Биржакова:1972, 161–162]). При этом в отечественном литературоведении закрепился подход, при котором в основу понятия кладется критерий эстетической ценности (например, [Томашевский:2003, 28–29]), поэтому понятие «художественная литература» стало употребляться синонимично слову «литература». В то же время решающее значение в преодолении абсолютизации этого критерия сыграл исторический взгляд на литературу: по словам Б. В. Томашевского, «даже самая граница литературы, граница того, что мы называем художественной литературой, есть явление историческое, и в разное время под «литературой» подразумеваются самые различные явления»

[Томашевский:1959, 499] (ср. сходные рассуждения в статье Ю. Н. Тынянова «О литературной эволюции» [Тынянов:2002, 170–175]).

Свидетельством постоянного пересмотра границ понятия **литература** являлись попытки в 1990-х годах объявить произведения соцреализма «нехудожественными», «малохудожественными», наделить их другими оценочными эпитетами, однако при этом игнорировался факт, что эта литература в момент своего функционирования воспринималась как образец высокой литературной традиции, то есть по существу являлась «литературным фактом» (Ю. Н. Тынянов). Это относится к таким жанрам, как историко-биографический роман (беллетризованная биография), в частности, так называемая лениниана, историко-революционный роман⁷ и другие жанры советской литературы.

Такие литературные явления, как, например, соцреалистический роман и советская массовая песня в значительной степени связаны с пионерской литературой, в том числе и единой политико-идеологической функцией. Этой идеологизированной литературе предшествовали, как уже говорилось, так называемые агитационные «книги для народа» второй половины XIX и начала XX веков (см. публикации текстов [Вольная:1959], [Агитац:1970]), демократическая литература второй половины XIX века. Исследователь одной из разновидностей этой литературы (агитационных произведений, написанных революционерами-народниками) В. Г. Базанов высказал в предисловии к сборнику текстов «Агитационная литература русских революционных народников: потаенные произведения 1873–1875 гг.» очень существенное, с нашей точки зрения, соображение: «художественное значение опытов в стихах и в прозе, созданных специально для распространения в народе, не следует преувеличивать» [Базанов:1970, 41]. Однако и выводить это явление за границы понятия **литература** не стоит.

Если перевести обсуждение этой проблемы в область дискурсивного анализа, то соотношение *литература — литература пионерской организации* получит еще одно измерение: если в **литературе** субъект письма и субъект рецепции в равной степени суверенны по отношению к тексту; вся

⁷ Термин, присвоенный в советском литературоведении, жанровой разновидности романа, своим содержанием имеющего изображение революционных событий 1917 года (например, этот жанр рассматривается в работах В. И. Баранова [Баранов:1977], Д. Б. Деркача [Деркач:1989], В. Д. Оскоцкого [Оскоцкий:1977], И. В. Скачкова [Скачков:1984]).

свободная полнота представлений автора о мире коррелирует со всей, свободной же, полнотой представлений о мире, которой руководствуется читатель, то в пионерской литературе *субъектно-объектная* составляющая дискурса принципиально модифицируется – реципиент из полноправного субъекта литературного сотворчества превращается в объект идеологического воздействия⁸. В этом — в разрушении *субъектно-субъектной* и создании *субъектно-объектной* структуры дискурса — и состоит принципиальное отличие **литературы** от *пионерской литературы*; последняя, будучи в ряде своих формальных особенностей **подобна литературе**, принципиально отличается от нее по своим прагматическим характеристикам.

Определение **беллетристики**, как правило, дается через оппозицию оригинальность, самобытность vs. шаблонность, подражательность⁹. Тексты, обладающие первыми признаками, относят к высокой литературе, тексты, обладающие вторыми, — к беллетристике, что, по мнению некоторых исследователей, не отменяет способности беллетристики выражать оригинальное авторское мировидение [Вершинина:1997, 9]. Беллетристика эксплуатирует приемы высокой, элитарной литературы, но — для решения уже не эстетических, а других (чаще всего — развлекательных и/или коммерческих задач). Беллетристика актуальна для читательской аудитории, она обращена к читательскому опыту, насущным проблемам, она «... размывает границы между внеэстетической и эстетической сферами деятельности. При этом не только происходит естественное обогащение литературной области за счет контактов с жизнью, но и — на уровне массовом — возникает особая опрощенно-обывательная эстетика» [Вершинина:1997, 8]. Таким образом, качественная беллетристика близка элитарной литературе по ряду существенных параметров, хотя и отличается от нее — тогда, когда речь идет об оригинальности авторского мировидения и способах его воплощения.

Вместе с тем, «вторичность» и «шаблонизация» свойственны не только беллетристике. Как мы показываем в нашем исследовании, пионерская литература, будучи вторичной по отношению к целому ряду жанров высокой ли-

⁸На возможность интерпретировать эту особенность пионерской литературы в рамках дискурс-анализа автору указал В. А. Миловидов.

⁹В социологии литературы проблематизируется сама ситуация такой оценки, так как выдвигается вопрос о том, кто определяет конкретное литературное произведение в терминах «избитости», «шаблонности» [ГудковДубин:1994, 70].

тературы, вместе с тем лишена такого признака беллетристики, как самоценность текста: «Под беллетристическим типом текстов понимаются такие, которые имеют своей первой ценностью сам текст как источник эстетического (не ангажированного утилитарной внешней целью) чтения» [Богатырев:2001]. Литература пионерской организации несет прежде всего внеэстетическую идеологическую функцию. Именно здесь проходит демаркационная линия между беллетристикой и литературой пионерской организации.

При определении места пионерской литературы в кругу литературных явлений ее следует соотносить и с таким понятием, как **массовая литература** ([ГудковДубинСтрада:1998, 48–55], [ГудковДубин:1994 69–77], [Черняк:2005]). Во многом это понятие включает в себя конституирующие признаки **беллетристики**: «Обычные оценки, практикуемые в нормальном литературоведении, определяют массовую (она же — низовая, тривиальная, банальная, макулатурная, развлекательная, популярная, китчевая и т. д.) литературу как стандартизованную, формульную, клишированную, подчеркивая тем самым примитивность ее конструктивных принципов и экспрессивных произведений» [ГудковДубин:1994, 70]. Содержание массовой литературы определяется аналогично беллетристическому: «Массовые повествования строятся на принципе жизнеподобия, рудиментах реалистического описания, «миметического письма». В них социально характерные герои действуют в узнаваемых социальных ситуациях и типовой обстановке, сталкиваясь с проблемами и трудностями, знакомыми и насущными для большинства читателей» [ГудковДубинСтрада:1998, 49–50]. Содержание пионерской литературы сопоставимо с содержанием массовой литературы: это сюжеты из пионерской повседневности, современной читателю или относящейся к недалекому прошлому; это литература о сегодняшнем и вчерашнем дне пионерской организации. Исследователи массовой литературы указывают на типологическую общность таких явлений, как «массовая литература» и «детская литература», и, в частности, утверждают, что «конститутивные для высокой литературы принципы «оригинальности» и т.п. в данных формах недействительны: образец может адаптироваться или пересказываться (а иногда даже переводиться) под именем другого автора, что свидетельствует о незначимости авторского права и тех универсалистских ориентаций, которые стоят за ним (ср., например, русскоязычные варианты «Трех поросят», «Буратино», рома-

нов об Урфине Джюсе и т. п.)» [ГудковДубин:1994, 35]. И действительно, авторы литературы пионерской организации (как разновидности детской литературы) обращаются к весьма ограниченному числу сюжетов и образов, воплощают их в различных жанровых формах, и при этом склонны оставаться анонимными. Анонимность — это та черта пионерской литературы, которая противопоставляет ее художественной литературе и позволяет соотнести тексты пионерской литературы с текстами массовой коммуникации, тем более что наличие автора в печатном издании произведения не мешает функционировать тексту как безавторскому (девизы, песни, пьесы, сценарии пионерских ритуалов). Это как раз связано с тем, что оригинальность авторского замысла и его индивидуальное художественное текстовое воплощение ни для создателей пионерских текстов, ни для аудитории не определяли достоинств этих текстов.

Указанные особенности рецепции литературы пионерской организации обусловлены типом коллективного реципиента этой продукции: это читатели с очень небольшим опытом чтения, но при этом идентифицирующие себя как единицу партийной структуры — члена пионерской организации. Таким образом, адресат этой литературы — многотысячный пионерский коллектив, а не отдельные читатели¹⁰. Здесь уместно вспомнить, что идеологи создания новой литературы для «массового культурного роста» советских людей [Ополитике:1954, 343] адресовали ее «миллионам и десяткам миллионов трудящихся» [Ленин:1974, 52]; к ним относились и дети трудящихся — пионеры. Поэтому и функционировала пионерская литература прежде всего в коллективной деятельности пионеров: ее публично исполняли особыми способами (декламация, пение, инсценирование)¹¹. Эта литературная продукция распространялась различными способами: помимо издания книг различного типа и объема, ее тиражировали в периодической печати, исполняли по радио, а затем и по телевидению. Учитывая наличие нескольких способов распространения, можно занести пионерскую литературу в один ряд с другими текстами массовой коммуникации (радиопостановка, экранизация и т. п.) [Рождествен-

¹⁰Несмотря на то, что статистическим данным советского периода не всегда можно доверять (особенно в 1920–30-е годы они были сильно преувеличены), в целом численность детей, бывших в разные годы членами пионерской организации, весьма велика.

¹¹Это, конечно, не исключало возможности индивидуального ознакомления с текстами пионерской литературы, но предназначались они для использования в коллективной (часто ритуальной) практике: хоровое пение песен отрядом, декламация рассказов о пионерах-героях и речевки и пр.

ский:1979, 162–163]. Причем все средства массовой информации дублировали и тиражировали реальную модель использования пионерской литературы в коллективной пионерской практике: хоровое исполнение песен в радиопередаче «Пионерская зорька» или кадры видеоряда, в котором запечатлено исполнение текстов в пионерских ритуалах, описание их исполнения в периодике и т. д. Существовала и обратная связь: в пионерскую ритуальную практику литература попадала из средств массовой информации — рассказы о пионерах-героях, опубликованные «по горячим следам» в периодике, зачитывались на пионерских сборах, там же разучивались пионерские песни, услышанные по радио и т. д. Таким образом, распространение литературы пионерской организации не обязательно осуществлялось непосредственно через книги, для этого использовались и другие формы массовой коммуникации.

И анонимность, и способы тиражирования, и отсутствие самооценности текста — все эти черты позволяют сравнить литературу пионерской организации с таким явлением, как **словесность**. Однако по ряду других признаков этот термин неудовлетворителен в применении к нашему материалу. Словесность есть вся совокупность словесных текстов, существующих в национальной культуре — и литературно-художественных, и беллетристических, и тех, которые реализуют иные прагматические установки (например, научных, публицистических, документальных и т. д.). По определению Ю. В. Рождественского, произведением словесности (словесным произведением) принято называть «высказывание, созданное кем-либо и так или иначе завершённое» [Рождественский:1979, 8]. Такое широкое понимание словесности «размывает» границы нашего материала, лишает возможности поставить его в ряд с вышеназванными однотипными литературными явлениями (агитационно-пропагандистская литература для взрослых, детская литература) и жанрами (беллетризованная биография, авантюрно-приключенческая повесть, массовая песня, пьеса). Поэтому для определения интересующего нас феномена, в качестве рабочего термина, мы оставляем термин *литература пионерской организации* (пионерская литература), но — с учетом приведенных выше рассуждений.

Таким образом, на основании единой семантики и прагматики, особенностей функционирования выделяется **объект исследования** — *литература пионерской организации*. **Предметом исследования** является *идеологиче-*

ское содержание пионерской литературы, взятой в ее жанровых разновидностях. Поскольку идеология как культурная форма есть явление развивающееся (что связано с динамикой социально-политической жизни), в диссертации рассматривается динамика самих литературных форм, обусловленных развитием идеологии.

Основной **целью** исследования стало выявление идеологической системы значений в литературе пионерской организации. Для выполнения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. определить место пионерской литературы в составе детской литературы советского периода;
2. выявить корпус текстов, в наибольшей степени содержащих идеологические значения;
3. проанализировать способы реализации идеологических значений в выявленном корпусе текстов;
4. проследить изменения семантики и прагматики жанров пионерской литературы в социально-историческом контексте;
5. установить преемственность пионерской литературы по отношению к предшествующим литературным (жанровым) традициям;
6. установить специфику функционирования пионерской литературы в пионерской ритуальной практике.

Специфика материала и круг поставленных задач потребовали поиска методов исследования. Литература пионерской организации практически не попадала в поле зрения литературоведов, поэтому нет и разработанной методологии ее анализа. Это потребовало обратиться не только к литературоведческим исследованиям, выполненным на близком материале, но и к лингвистическим исследованиям этого же материала (в частности, массовой советской песни, советских лозунгов), а также к антропологическим и историческим работам, посвященным различным советским реалиям (школе, библиотеке, учебной книге и др.).

Постановка проблемы «идеология и литература пионерской организации» в настоящей работе опирается на глубокую традицию, сложившуюся в отечественном и зарубежном литературоведении. Причем эта традиция — в силу известных причин — претерпевает кардинальную эволюцию, а сам

же процесс рассмотрения идеологических аспектов литературного творчества распадается на два ясно очерченных этапа.

Изучение темы «идеология и искусство» в советском литературоведении опиралось на марксистскую философию искусства, представленную, в частности, в работах: В. Е. Глезермана [Глезерман:1954], В. А. Ядова [Ядов:1961], Н. Б. Биккенина [Биккенин:1978], М. В. Яковлева [Яковлев:1979] и мн. др. Идеология в этих философских теориях есть «систематизированная теоретическая форма духовной деятельности» [Ядов:1961, 8]. Начиная с двадцатых годов XX века (например, [Полянский:1925], [Григорьев:1929], [Секерская:1929]) и заканчивая началом восьмидесятых годов, искусство трактовалось как область творчества, служащая пропаганде советской идеологии.

При этом стоит отметить, что зависимость литературы от идеологии понималась в партийных директивах и марксистском литературоведении как жестко детерминированное отношение (например, [Поспелов:1964], [Волков:1966], [Куницын:1973], [Куницын:1979]). Искусство рассматривалось не только «в одном ряду с идеологическими — философскими, нравственными, политическими и др. — взглядами на жизнь» [Волков:1966, 7], но и как «вид идеологии» [Поспелов:1964, 168].

В самой же литературной продукции эта директива реализовывалась не столь прямолинейно в силу того, что «литература не просто «отражает» внелитературные явления, она неизменно приспособливает их к себе» [Кларк:2002, 16], подчиняя внутрилитературным факторам (литературной традиции, жанровой специфике, индивидуальному стилю писателя). На этот аспект проблемы — динамичность отношений между литературой и «идеологическим кругозором» — указал еще в 1920-е годы М. М. Бахтин (П. Н. Медведев) [Медведев:1993, 169]. Таким образом, для советского времени «политика» и «идеология» не могли быть определены как некое монолитное единство, с которым взаимодействует литература» [Кларк:2002, 16].

С середины восьмидесятых годов оценка идеологической функции литературы в российском литературоведении изменилась. Зависимость литературы от идеологии стала осмысляться исследователями в русле изучения тоталитаризма и его словесных практик.

В ряде первых работ в этом направлении объектом исследований стало тоталитарное искусство, понимаемое как некая целостность (вне анализа его видов и жанров). Используя философскую и психоаналитическую терминологию, исследователи интерпретировали совокупность текстов разной природы, в том числе и литературных, которые объединялись под грифом «советский миф». К таким исследованиям следует отнести работы Э. Надточего [Надточий:1989], С. Зимовца [Зимовец:1989], М. Розина и Д. Давыдова [РозинДавыдов:1990] и др. В них авторы обращаются прежде всего к анализу прагматики политического дискурса и его рецепции в советском обществе.

В то же время исследователи (и публицисты) по-новому стали интерпретировать и оценивать такое явление, как социалистический реализм. В вышедшем в 1990 году сборнике статей «Избавление от миражей: соцреализм сегодня» [Соцреализм:1990] были представлены первые попытки осмыслить литературу соцреализма с точки зрения новой аксиологической парадигмы. А. Синявский, В. Тюпа, И. Золотусский, Е. Добренко, Д. Урнов, Г. Митин и другие авторы сборника ставят вопрос о месте соцреализма как метода в истории литературного процесса, его философских, политических и социальных корнях. В. И. Тюпа, в частности, высказывает важные замечания об идеологическом воздействии советской литературы в целом и утверждает, что «содержанием лозунга социалистического реализма явилась авторитарная политизация искусства» [Тюпа:1990, 345].

Следующим этапом стало изучение проявлений тоталитарной идеологии в отдельных видах искусства и жанрах. В основном, это работы, выполненные в границах историко-культурологического подхода. К ним можно отнести исследования, посвященные советскому киноискусству [Маматова:1990], [Мурашов:2002], радиопублицистике [Шерель:2004], иллюстрированию детских книг [Штейнер:2002], советскому плакату [Толстой:2002], [Бабурина:2002], агитационному театру [Бибикова:2002.]. В некоторых работах предпринимались обобщающие попытки рассмотреть практически весь перечисленный выше материал, интерпретируя его как «культурные практики» [Плаггенборг:2000]. В качестве представительных проектов по исследованию тоталитарного искусства, и в частности литературы, следует назвать коллективную монографию «Соцреалистический канон» [Соцканон:2000] и

сборник статей «Советское богатство» [Советскоебогатство:2002], продолживший разыскания в том же методологическом направлении.

Другим важным направлением изучения тоталитарной идеологии стали лингвистические исследования, выполненные в границах дискурс-анализа. Начиная с 1970-х годов, в западной лингвистике методология дискурс-анализа формируется на основе интегративного подхода, объединяющего подходы социолингвистики, психологии, социальных наук, и реализующего себя в сферах прагматики, конверсационного анализа, нарратологии, риторики, стилистики, социолингвистики, этнографии речи, анализа средств массовой информации и т. д. Методология дискурс-анализа реализовывалась в исследовании различных сфер культуры, социальной жизни, политической практики (см. об этом, например, [Макаров:1990], [Макаров:2003], [Милловидов:2000]). Вместе с тем, принципы дискурс-анализа лишь в незначительной мере затронули столь важную сферу языка, каким является язык тоталитарной идеологии. При описании языка советского тоталитарного дискурса исследователи обращаются, как правило, к материалу толковых словарей и советской публицистики, это существенно ограничивает поле исследуемых текстов. Исследования в этом направлении начались еще в двадцатые годы: например, в работах А. М. Селищева [Селищев:2003], который анализировал советскую периодику первых послереволюционных лет и выявлял в ней идеологический субстрат. Возобновились эти исследования только в 1990-е годы. Н. А. Купина своей работой «Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции» [Купина:1995] заложила основу изучения идеологических составляющих языка советской эпохи, разыскания Н. А. Купиной продолжил ее ученик Н. Н. Ромашов в своем исследовании «Система идеологем русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет» [Ромашов:1995]. Изучение тоталитарного дискурса в отечественной лингвистике на материале лозунгов проводилось Ю. И. Левиным [Левин:1998], на материале публицистики — Е. Г. Рабинович [Рабинович:2000] и А. П. Романенко [Романенко:2000].

Особый вклад в изучение советского тоталитарного дискурса внес П. Серио [Seriot:1985], [Серио:1999]. Анализируя доклады политических лидеров (Н. Хрущева и Л. Брежнева), П. Серио выявил особенности номинализаций, которые, в частности, функционируют как «высказывания-прекон-

структы» и демонстрируют очевидность «внеязыковой действительности» — тоталитарной идеологии. Не только его конкретные наблюдения и выводы, но и сами подходы к анализу текста (статистический обсчет, анализ сочетаемости, анализ синтаксических конструкций и др.) являются существенной опорой для нашего исследования.

С середины 1990-х годов литературоведы обратились к целостному анализу советских литературных фактов. М. Гловинский, применяя нарратологический метод анализа литературного текста, интерпретирует коммунистический партийный манифест (Краткий курс ВКП(б)); он дает жанровое определение этому тексту — «тоталитарное сказание» — и характеризует его специфику [Гловинский:1996]. М. Вайскопф обращается к политическим текстам, созданным И. В. Сталиным [Вайскопф:2001]. Исследователь анализирует риторические приемы и стереотипию образов в сталинских произведениях (публицистике и др.). Н. Тумаркин в исследовании, посвященном культу В. И. Ленина, среди прочего рассматривает историю возникновения ленинианы, указывает на особенности стереотипии беллетризованных биографий вождя и приводит аргументы в пользу возможных жанровых образцов этих текстов — житий святых [Тумаркин:1997]. М. Балина, рассматривая мемуары советского времени как один из жанров соцреализма, констатирует, что мемуаристика оказалась «полностью подчиненной официальной истории» [Балина:2002, 246]. Характеризуя стандартизованность поэтики легитимированных мемуарных текстов, М. Балина применяет к ней определение «мемуарный этикет», который проявляется, в частности, при создании образа героя как героя-мученика [Балина:2002, 248–249]. Можно отметить, что мемуарные тексты имеют много общих черт с таким жанром пионерской литературы, как беллетризованная биография пионера-героя. Кроме того, что эти тексты имеют общие элементы «этикетной» поэтики, они выполняют одну и ту же функцию: агитационно-пропагандистскую (ср. [Балина:2002, 244–247]).

Некоторые исследователи рассматривают поэтику советской массовой песенной лирики. Так, в статье В. Сквозникова характеризуются особенности поэтики массовой песни 1930-х годов, в частности, наличие образной стереотипии, транслирующей политико-идеологическое содержание [Сквозников:1990]. Аналогичным образом рассматривается советская песенная лирика в статье Б. Менцель [Менцель:2000]. Н. А. Купина анализирует идео-

логический план песен, соотнося содержание песенного текста с его прагматикой: «Песня стала явлением массовой культуры, орудием, с помощью которого в сознание людей внедрялись идеологические догмы, источником идеологически выверенных прецедентных текстов» [Купина:1999, 88]; исследовательница приходит к выводу, что «производство песенного текста сводится к конструированию сетки мифологем и идеологем, соединенных по правилам идеологической синтагматики» [Купина:1999, 89]. Н. А. Купина делает множество конкретных наблюдений, которые находят подтверждение и на нашем материале, но избранный ею лингвокультурологический подход к материалу, к сожалению, заведомо эклектичен: это контент-анализ, компилятивное сочетание лингвистической и культурологической терминологии, обобщения в когнитивных категориях и пр. Х. Гюнтер интерпретирует содержание советских песен с точки зрения наличия в нем архетипических значений [Гюнтер:2000].

Отдельное направление филологических исследований составили работы, посвященные пропагандистским функциям советской журналистики. Хотя таких работ много, лишь немногие из них ставят вопрос об использовании литературных текстов в идеологизированных периодических изданиях. К таким исследованиям относятся, в частности, работы Р. В. Белькова [Бельков:2005], [Бельков1:2005]).

Наибольшее количество литературоведческих работ последних лет посвящено соцреалистическому роману. Изучение идеологического плана в соцреалистическом романе началось с исследования М. Геллера [Геллер:1974], и было продолжено в работах западных славистов [Klark:1981], [Günther:1984], [Günther:1990], [Groys:1992], [Гройс:1993] и др. И Х. Гюнтер, и А. Синявский анализируют роман М. Горького «Мать», который понимался в советской литературной традиции как образец соцреалистического романа [Синявский1:1990], [Günther:1993]. Е. А. Добренко систематически обращается к анализу типа героя, системы персонажей, конфликта, реализации коммунистической идеологии в соцреалистическом романе (например, [Добренко:1993], [Добренко:2000]). Есть исследования, которые сосредоточены на обусловленности типа героя идеологией. Положительному образу героя-мученика, например, посвящены исследования И. Есаулова [Есаулов:2000] и К. Кларк [Кларк:2000]; отрицательный образ врага рассматривается в рабо-

те М. Рыклина [Рыклин:2000] и других. Ю. С. Подлубнова, описывая формы реализации житийного канона в советском романе 1920–1940-х годов, присваивает им общее наименование «коммунистическая» агиография [Подлубнова:2005].

Особого внимания заслуживает книга Катерины Кларк ([Klarck:1981], русский перевод [Кларк:2002]). В ее исследовании соцреалистический роман анализируется с применением различных методов: литературоведческих, антропологических, исторических, семиотических. Такой многосторонний взгляд на предмет исследования (соцреалистический роман в его становлении и развитии) представляет его как целостный феномен, находящийся в тесной связи с культурно-историческим контекстом. Исследовательница отмечает: «Проблема взаимоотношений литературы с ее политическим и социальным окружением, зависимостью от внелитературных факторов не может быть решена без введения исторического или внетекстового измерений» [Кларк:2002,10]. «Идеологический аспект» [Кларк:2002,10] у К. Кларк анализируется в его культурно-исторической специфике, что дает, с нашей точки зрения, весьма продуктивные результаты (в отличие, например, от философских или психоаналитических кроссжанровых интерпретаций текстов, к которым зачастую прибегают другие исследователи). Продуктивность объясняется отсутствием «внеисторичного сциентизма» [Кларк:2002,11] и, с другой стороны, эмоционального публицистического дискурса, которые во многих исследованиях подменяют научный анализ текста. Для нашего исследования эта работа К. Кларк является существенной опорой как по части конкретных наблюдений над текстами М. Горького, Ф. Гладкова и др. (многие из этих наблюдений находят параллели в пионерской литературе), так и в методологических подходах к материалу.

На фоне филологических разысканий последних лет в области «взрослой» советской литературы изучение советской детской литературы с точки зрения ее идеологичности осуществлялось спорадически и выборочно, причем прежде всего речь идет о произведениях признанных авторов А. Гайдара, М. Пришвина, К. Паустовского и др. Одно из первых исследований принадлежит М. Чудаковой, которая в текстах этих писателей анализирует отступления от «элементарных идеологических схем» взрослой литературы [Чудакова: 1990, 248].

Очевидно, что наличие коммунистической идеологии в советской детской литературе может быть рассмотрено не только в произведениях писателей – классиков детской литературы (как это сделано в обзорной работе О. Ронен [Ронен:2000]), но и на разнообразном литературном материале детской массовой песни, школьной повести, беллетризованных биографий, учебной книги, детской публицистики и периодики, стенной печати, безавторской пропагандистской брошюристики.

Одним из первых исследований в этом направлении стала работа Ю. В. Дюжева о типе героя в приключенческой пионерской литературе 1920-х годов [Дюжев:1972, 104]. Ю. В. Дюжев обращает внимание на социально-исторические причины возникновения сюжетов о пионерах (резолуции съездов партии), а затем переходит к критической характеристике героев этих сюжетов. Он, в частности, отмечает: «Восторженная интонация, когда речь заходила о смысле и значении пионерской организации и о роли пионеров в социальных изменениях не только внутри страны, но и за рубежом, углубление в «мировые» проблемы, нарочитая оторванность от будничных жизненных деталей — эти черты весьма типичны для «пионерских» книг тех лет, когда пионерская организация только-только начинала становиться на ноги» [Дюжев:1972, 104]. В приведенной цитате можно обнаружить, как аналитические положения Ю. В. Дюжева сочетаются с оценочными суждениями, присущими скорее публицистическому критику, ангажированному все той же идеологической системой. Впрочем, это не мешает Ю. В. Дюжеву сделать ряд конкретных замечаний о героях произведений С. Григорьева, С. Ауслендера, Л. Остроумова, П. Бляхина, Г. Никифорова, С. Заяицкого, Т. Мещерякова и других, и обобщить особенности прагматики их текстов: «Пионерские книги зачастую носили характер своеобразных агиток, призванных привлечь внимание несоюзной молодежи к делам организации, расширить ряды пионерской армии» [Дюжев:1972, 104].

В других работах, посвященных детской литературе о пионерах, пионерская тематика, как правило, не анализируется как специфическая¹². Ее характеризуют в контексте «советского детства», однако это явление гораздо шире пионерского компонента, а с другой стороны — во многих (особенно

¹²Например, такой подход представлен в работе Л. Н. Колесовой, посвященной советской школьной повести, публиковавшейся в пионерских журналах 1920-х годов [Колесова:1970].

послевоенных) авторских произведениях пионерская тема не только не является доминирующей, но и в некоторых случаях используется как ретушь для изображения подростковой повседневности. Вне поля зрения исследователей были и остаются разножанровые произведения, специально созданные для пропаганды пионерской (шире, коммунистической) идеологии. Лишь в одном случае можно говорить о систематическом изучении пионерской идеологии в ее жанровом воплощении. Это работы Е. В. Душечкиной, посвященные детской советской песне ([Душечкина:2000], [Душечкина:2001], [Душечкина:2005]). Е. В. Душечкина выделяет тематические группы песен (песни о дружбе, здоровье, песне) и анализирует текстовое воплощение этих тем; в ходе анализа исследовательница обнаруживает устойчивую сочетаемость словоформ, образующих эти тематические значения и делает выводы о способах репрезентации идеологических смыслов в массовой детской песне. Эти выводы учтены в нашем исследовании.

Следует упомянуть и небольшую статью А. М. Губергриц об агитационной драматургии для детей [Губергриц:2003], в которой исследовательница описывает процесс становления репертуара профессиональных и самодеятельных театров для детей в 1920–30-е годы и дает беглую характеристику драматических сюжетов «открыто агитационного характера» [Губергриц:2003, 260] .

Исследование С. Б. Адоньевой [Адоньева:2001], среди прочего затрагивающее такой жанр пионерской литературы, как жизнеописание пионера-героя, осуществляется в границах антропологического подхода, который порой не страхует исследовательницу от эскизных публицистических обобщений, не учитывающих как особенностей поэтики этого жанра, так и влияния специфических форм культа пионеров-героев в ритуальной практике пионерской организации на литературные тексты. Из последних серьезных исследований в этой предметной области можно назвать лишь одну работу — книгу Катрины Келли, посвященную беллетризованной биографии одного из пионеров-героев, — Павлика Морозова [Kelly:2005], в которой представлен комплексный подход к материалу пионерской литературы (и шире, советской культуры).

Исходя из высказанного нами положения о жесткой связи между пионерской организацией и литературой, следует остановиться и на работах, посвященных среде функционирования этого типа литературы: шко-

ле, библиотеке, самой пионерской организации. История и функционирование институтов воспитания советских детей рассматриваются в исследованиях Е. Добренко о советской библиотеке (шире, культуре чтения) [Добренко:1997] и Е. Балашова о советской школе [Балашов:2003]¹³.

Е. Добренко, описывая культурно-исторические особенности рецепции литературы в Советской России, обращается в том числе и к характеристике читателя-ребенка. В этой связи он характеризует детские библиотеки как «некий придаток школы и прежде всего «общественно-политических организаций молодежи» [Добренко:1997, 74], но конкретизация этого положения не входит в задачи исследования, которое прежде всего посвящено детской рецепции литературной продукции 1920–1930 годов.

Исследование Е. Балашова посвящено школе как социальному институту Советской России в 1917–1927 годах. В этот период школа только становилась одним из главных воспитательных институтов советских детей: «воспитание приобрело тотальный политико-идеологический характер, который изначально определялся установкой на превращение школы в «орудие коммунистического перерождения» [Балашов:2003, 30], пионерская организация функционировала еще отдельно от образовательных учреждений, лишь начиная с 1930-х годов, процесс их объединения стал фактом повседневности (хотя декларировалось это и раньше). Утверждая, что «в 1920-е гг. массовым средством политического воспитания как в школе, так и вне школы стала детская и юношеская литература» [Балашов:2003, 37], Е. Балашов характеризует советскую детскую литературу этого периода в целом, а, в частности, выделяет основной, с его точки зрения, жанр — приключенческий роман — и характеризует его тематику: гражданская война и пионерская повседневность: «направлением детской литературы стало изображение современной жизни советского ребенка, прежде всего, «нового» ребенка — пионера» [Балашов:2003, 37]. Однако зависимость в последнем случае предмета изображения (пионерская жизнь) от такого института как пионерская организация не входит в задачи его исследования, ограничивающегося общей характеристикой сюжетов и героев. При этом Е. Балашов выделяет единую функцию идеологического воспитания у литературы, преподаваемой в школе, и самой

¹³Некоторые наблюдения над культурно-историческими особенностями советской школы содержатся в статье К. Келли [Келли:2003].

пионерской организации: «Задаче политического воспитания в школе, наряду с внедрением форм «детского коммунистического движения» (то есть созданием комсомольских, пионерских и октябрятских групп), должны были служить все учебные предметы, в особенности гуманитарные») [Балашов:2003, 31]. Исследование Е. Балашова является систематичным описанием советской школы, в котором, помимо первой интерпретации содержания отдельных текстов словесности пионерской организации (торжественное обещание, законы пионеров), заявлена тема идеологичности учебной и детской литературы.

Первым же, кто обратился к способам и видам представления идеологии в образовательной учебной книге советского периода, был С. С. Шведов. Объектом его изучения стал букварь и учебники русского языка и литературы для начальных классов общеобразовательной средней школы 1930–50-х годов. Существенно, что наравне с учебными книгами С. Шведов привлекал содержание октябрятско-пионерской периодики — журналы «Мурзилка» и «Пионер», которые являлись органами печати ЦК ВЛКСМ и ЦС ВПО имени В. И. Ленина. В своих работах [Шведов1:1991], [Шведов2:1991], [Шведов3:1991] С. С. Шведов рассматривает «некоторые идеологические конструкции» [Шведов2:1991, 56], выделенные им на основе анализа текстов и изобразительных материалов учебных книг: к таким «конструкциям» он относит следующие — «Сталин», «личное и общественное», «весь мир», «советский человек за границей», «счастье». С. Шведов выделяет стереотипию сюжетов и образов и некоторые клише, которые применяются в конструировании этих идеологических доминант учебных книг. Персонажный аспект в анализе учебных книг интересует Д. Мамедову [Мамедова:2002], которая приходит к выводу, что «литературные произведения для детей, созданные в Советском Союзе в 30–50-е годы представляют собой один из наиболее идеологически нагруженных типов текста», тем более что «тексты, отобранные для хрестоматий и книг для чтения, создают еще в большей степени, чем литература для детей вообще, мир правильный и правильно описанный, а значит пригодный к выполнению задач обучения и воспитания» [Мамедова:2002]. Д. Мамедова анализирует персонажный состав этих текстов, принципы изображения персонажей и особенности топики. Интересный сопоставительный материал приводится в работе Г. Орловой [Орлова:2004], которая в ходе анализа советских учебников географии приходит к аналогичным выводам о про-

пагандистском подтексте «в самой ткани «географического»: «Вырабатывая устойчивые способы транскрибирования физических фактов в политические артефакты, школьная физическая география вносила свой вклад в радикальное преобразование физической реальности, ее идеологическую формовку и в «очеловечивание природы» [Орлова:2004, 186]. Таким образом, идеологический план занимает существенное место в советской учебной книге, но, к сожалению, исследователи еще редко обращаются к его изучению.

Пионерская литература в своей зависимости от пионерской организации типологически сходна с учебной литературой в ее обусловленности школьными программно-методическими установками, а социальные институты, пионерская организация и школа, сходны в свою очередь тем, что оба они транслируют коммунистическую идеологию. Однако именно в этом аспекте пионерская литература изучена еще явно недостаточно.

Первым обратил внимание на этот аспект В. А. Рогачев [Рогачев:1970]. Избрав в качестве материала для анализа первые стихотворные переложения устава пионерской организации, вышедшие в 1920-е годы, он указывает на их непосредственную связь с организацией и ее уставными документами: «Рождение пионерской организации, процесс ее становления проходили с естественными трудностями, вызванными неопытностью первых вожатых, не знавших как следует возрастных особенностей ребят, и потому порой неоправданно переносивших в отряды формы работы комсомольских и партийных организаций. В самых различных противоречиях, кончавшихся и хорошо и плохо, накапливался опыт, выводились первые буквы законов, появлялись первые традиции. И вот поэтический пересказ стал как раз тем другом вожатого, другом ребят, который знакомил их с азами пионерской жизни, да и не только, но и всех тех, чье внимание привлекала страна Пионерия. Так появились «Азбука пионера» В. Каринского (1925), «Будь готов Всегда готов» Михайловского и Преображенского (1925), «Пионерский устав» Л. Савельева (1926) и другие. Определенное положительное значение книги подобного рода, конечно, имели; они рассказывали о задачах движения, раскрывали содержание законов юных пионеров» [Рогачев:1970, 132]. Помимо указания на истоки содержания текстов, исследователь констатирует прагматическую их направленность: «Такие книжки-плакаты, книжки-агитаторы всей силой заложенных в них идей призывали маленького чита-

теля к действию, старались мобилизовать его сознание по дидактической прямой» [Рогачев:1970, 132]. Правильная постановка проблемы и отдельные наблюдения над поэтикой этих текстов сочетаются в работе В. А. Рогачева с литературно-критической оценочностью (в частности, обсуждаются художественные достоинства материала), а сам материал ограничивается не только периодом (1920-е), но и количественно: авторские стихотворные переложения устава лишь малая часть огромного числа агитационных текстов указанного периода. Несмотря на это, в исследовании В. А. Рогачева намечается новый круг текстов («руководящая пионерская литература») и подходы к его интерпретации — выявление семантико-прагматической специфики. К сожалению, работ, продолживших бы изучение пионерской литературы в этом направлении, не последовало.

Лишь спустя 30 лет после статьи В. А. Рогачева А. С. Башарин на материале пионерской песни продолжил рассмотрение вопросов не столько возникновения (как его предшественник), сколько функционирования этих текстов в коллективной пионерской практике. Он осветил репертуарные особенности пионерской песни в ее функционировании в пионерском лагере, выявил принципы процесса фольклоризации пионерской литературы [Башарин:2000].

С учетом вышеописанных исследовательских подходов и в соответствии с конкретными задачами исследования были использованы следующие **методы анализа** нашего материала. Текстологический анализ и дискурс-анализ (критический анализ дискурса) редакций уставных документов позволяет проследить хронологические изменения в идеологическом содержании пионерской литературы. С помощью контент-анализа определяются значимые семантические компоненты, организующие единое смысловое поле пионерских текстов. Структурно-типологическое изучение сюжетов пионерской литературы позволяет выяснить место пионерской литературы в ряду близких ей идеологизированных литературных традиций, что подкрепляется анализом поэтики текстов. Пионерская литература исследуется как динамическое литературное явление, прослеживается генезис ее основных жанров и дается анализ разных аспектов социального функционирования пионерских текстов.

Идеологическая концепция пионерской организации приведена в **Приложении** «Пионерская идеология в Уставе пионерской организации: текстологический анализ». Устав возник вместе с созданием пионерской организации, в нем разъяснялись основные принципы пионерской организации, задачи, формы и методы работы, организационная структура, организационные формы, внешние атрибуты, форма одежды, праздники. Аккумулируя пионерскую идеологию, он являлся тем фундаментом, на основе которого создавались другие пионерские тексты.

Устав может быть поставлен в ряд с другими «пропагандистскими текстами» (термин Д. Вайсса [Вайсс:2000, 539]): с партийными манифестами и программами, беллетризованными биографиями партийных вождей, толковыми словарями, государственным гимном, присягой и пр. Будучи декларативным по своей сути, он конструировал существование цельного пионерского движения, вне зависимости от того, что в реальности процесс становления пионерской организации шел с большими сложностями.

В уставе нами выделяются два типа текстов: «метатексты» (в понимании Ю. М. Лотмана и П. Г. Богатырева) и самостоятельные устойчивые тексты, имеющие особые жанровые наименования, — призыв, обещание, законы и обычаи пионеров, которые могли функционировать отдельно от Устава. Эти тексты составляют собой «словесное ядро»: в них в лаконичной форме изложены основные принципы организации и заключена система идеологических ценностей и приоритетов пионерского движения.

За семидесятилетний период существования пионерской организации каждый из названных пионерских текстов претерпел определенную эволюцию. Дискурсивный и текстологический анализ помогают установить, что с изменениями в коммунистической идеологии (и соответственно в пионерской идеологии), вызванными историческими причинами, меняется и содержание уставных текстов. Видам литературной реализации идеологии, выраженной в уставе, посвящено основное содержание диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей 495 работ (182 — исследования, 313 — источники) и приложения: «Пионерская идеология в Уставе пионерской организации: текстологический анализ».

Глава 1

Литература пионерской организации и ее жанры

1. Литература пионерской организации как литературное явление XX века

Пионерская литература отсчитывает свое начало с 1922 года. К созданию литературы пионерской организации были привлечены детские поэты и писатели, педагоги, организаторы первых пионерских отрядов. Причем на первом этапе (1920-е годы) созданием пионерской литературы занимались авторы с различными политическими установками и эстетическими вкусами. Это обусловило неровность политического и художественного «качества» первых текстов пионерской литературы. В частности, политическую некорректность можно объяснить тем фактом, что создателями пионерской словесности во многих случаях становились бывшие скауты, подключившиеся к работе в пионерской организации (В. Зорин, М. Стремяков, Я. Смоляров, В. Попов и др.). Следующую группу первых авторов составили прокоммунистические поэты и писатели, как молодые «комсомольские» поэты (А. А. Жаров, А. И. Безыменский), так и «взрослые» писатели, сочувствовавшие пионерскому движению (В. В. Каменский, С. М. Третьяков, С. А. Ауслендер, В. М. Инбер).

Отдельную группу авторов, постепенно ставших основными производителями пионерской литературы, образовали непрофессиональные авторы — самодеятельные пионерские работники (методисты и вожатые). Они и являются основными проводниками идеологии пионерской организации в чистом виде, создателями массива пионерских текстов, начиная с уставных и ин-

структивных и заканчивая в большей или меньшей степени художественными текстами.

Практически одновременно со взрослыми сами члены пионерской организации (пионеры) занялись пополнением словесного корпуса. Авторы-дети публиковали свои творческие опыты (стихотворения, песни, частушки, лозунги и пр.) на страницах периодической печати, но их произведения редко становились достоянием многотиражных изданий. Влияние детских произведений (в основном это поэтические опыты) на пионерскую литературу косвенное и достоверно не верифицируемое. Отдельный и очень существенный вопрос составляет вмешательство в детские произведения цензурно-редакторской правки (и не только идеологической), которая улучшала несовершенные по каким-либо причинам детские пионерские произведения.

В период становления пионерского движения адресатами агитационной продукции были все советские дети, так как предполагался массовый охват возможных членов формирующейся организации, поэтому пионерская литература сначала была адресована без возрастных ограничений всем читателям-детям. И, что немаловажно, многие потенциальные пионеры могли быть только слушателями, ведь в 1920-е годы процент самостоятельно читающих детей пролетарского и крестьянского происхождения был весьма невелик, а именно эта социальная группа являлась прежде всех других объектом политико-идеологической агитации. Создавались произведения, адресованные как младшему возрасту ([Ильина:1923], [Давидов:1925], [Жаров:1926], [Акульшин:1927], [Гралица:1926], [Минаев:1926], [Шапошников:1927]), так и среднему и даже старшему ([Будьготов:1923], [Будьготов1:1923], [Беседук:1923], [Горд:1924], [Рожикиб:1927]). Последнее объяснялось не проясненной в 1922–1924 гг. возрастной границей между пионерами и комсомольцами. К 1930-м годам членский возраст стандартизировался (октябратский, пионерский и комсомольский) и создаваемые тексты получили более четкую адресацию.

Пионерская литература 1920-х годов — это огромное количество авторских и анонимных произведений на пионерскую тематику. Они отличались разной степенью художественности. В этот момент все «пионерское» было еще экзотикой, областью новой и популярной, активно пропагандируемой властью, впрочем, и сами авторы живо откликнулись на рождение детского

коммунистического движения. Агитационным задачам в 1920-е годы служили многочисленные художественные произведения детской литературы различных жанров (песни, пьесы, повести), посвященные пионерскому образу жизни, в которых главными действующими лицами были пионеры или дети, вступающие в пионерскую организацию (в том числе и негры, как в книжке Г. Давидова «Как негренок Джой стал юным пионером» [Давидов:1925] (кроме того, [Данько:1925], [Гумилевский:1925], [Кореньков:1925], [Кожевников:1926], [Минаев:1926] и мн.др.).

Заказ на агитационно-пропагандистскую пионерскую словесность в наибольшей степени реализовался в произведениях, в которых разъяснялись уставные принципы новой организации: например, «Азбука пионера» В. Каринского [Каринский:1925], «Рассказы о законах» А. Иркутова [Иркутов:1925], «Пионерский устав» Л. Савельева [Савельев:1926] и др. Эти произведения и положили начало собственно агитационно-пропагандистской литературе «руководящего характера» [Разин:1926, 8].

В 1930-е годы с укреплением позиций пионерского движения пропала необходимость «увлекать» неорганизованных детей в ряды пионерской организации, а вместе с ней отпала необходимость в создании художественных агиток. Многие агитационно-пропагандистские тексты стали анонимны, вместе с потерей авторства они утратили и минимальную художественность, свойственную произведениям первых авторов-пропагандистов. Именно эти тексты становятся основой массовой пионерской литературы (например, анонимные жизнеописания пионеров-героев).

К началу 1930-х годов пути развития детской литературы разошлись в двух направлениях. С одной стороны, это высокохудожественная литература, посвященная современной жизни советских детей. Наиболее успешные опыты художественного представления пионерской жизни стали классикой советской детской литературы (творчество Аркадия Гайдара, Льва Кассиля, Владислава Крапивина и мн. других). В творчестве этих и других авторов все дети от 10 до 14 лет, персонажи литературных произведений, явно или по умолчанию являлись пионерами. Эти художественные произведения не стали предметом нашего исследования, так как, представляя собой часть общей истории советской детской литературы, не являются пионерской литературой в том ее значении, которое принято в нашей работе. Советская детская ли-

тература являлась частью индивидуального детского чтения, озвучивалась в библиотечных и школьных учреждениях, входила в списки рекомендованного чтения для пионеров, но не имела устойчивого функционирования в самой пионерской традиции, не являлась формой репрезентации этой организации. С описанной частью детской литературы связана еще одна тенденция: в послевоенные годы произошло снижение степени ее «пионеризации» за счет дифференциации функций пионерской литературы и собственно детской литературы.

Другая ветвь развития детской литературы советского периода — это литература пионерской организации, в ней аккумулировалась пионерская тематика в узком смысле слова (атрибутика, символика, ритуалистика), а также идеологические ценности пионерской организации. Иначе говоря, презентативные составляющие организации реализовывались через пионерскую литературу, а в остальной детской литературе, посвященной жизни советского ребенка, они же минимизировались, получили подчиненное отношение к эстетике авторских текстов.

Пионерская литература практически сразу имела особые формы распространения. В 1920-е годы она распространялась прежде всего через периодическую печать: первые пионерские газеты и журналы появились в 1923–1925 годах (в апреле 1923 года начал выходить московский журнал «Барабан», в марте 1924 года вышел первый номер всесоюзного журнала «Пионер», в марте 1925 года первый номер всесоюзной пионерской газеты «Пионерская правда»; для взрослых, работавших с пионерами, с июня 1924 года выходил журнал «Вожатый»). Центральные издания дополнялись большим числом региональных пионерских периодических изданий¹⁴. В периодической печати публиковались как уставные, так и художественные агитационные тексты. Одновременно начали издаваться малотиражные брошюрные издания литературных произведений, предназначенных для работы с пионерами, часто они выходили в составе серий (например, «Библиотека юного пионера», «Библиотека юного ленинца», «Библиотека пионера» и мн. др.): это и песенники, и репертуарные сборники, и моножанровые сборники прозы и по-

¹⁴ «Юный Спартак» издавался Киевским Губбюро юных спартаковцев и Губсоцвоса с 1923 года, «Юный Ленинец» — газета издавалась Сибирского Бюро ЦК РКСМ с 1924 года, «Ленинские ввучата» — журнал издавался Тульским Губкомом РКСМ с 1924 года.

эзии. К 1930-м годам налачился выпуск методических пособий, в которых среди инструктивно-методических материалов можно обнаружить и отдельные жанры пионерской литературы и словесности (девизы, речевки, песни и пр.). В дальнейшем распространение пионерской литературы осуществлялось и через периодическую печать, и в виде книжных изданий (сборников, пособий, изданий отдельных произведений и пр.)

2. Жанровый состав пионерской литературы

Жанровый состав пионерской литературы был весьма разнообразен: афористические жанры (девизы, речевки), рассказы, повести, стихотворения, песни, драматические миниатюры. Независимо от жанровой принадлежности в текстах было представлено единое содержание: это идеологические приоритеты пионерской организации. К последним относились: любовь к советской стране, героизм, трудолюбие, коллективизм и др. Эта тематика представлена во всех жанрах без исключения, начиная с малых афористических бессюжетных жанров и заканчивая развернутыми нарративами. Динамика идеологического дискурса реализовывалась в текстах вышеназванных жанров. Обратимся к их характеристике.

2.1. Афористические жанры

2.1.1. Девиз

Девиз — краткое изречение, в котором содержится идейное кредо пионерского отряда.

Он представляет собой разновидность лозунговых высказываний. Однако если лозунг обращен к массовому адресату, то девиз выражает «руководящую идею» пионерской группы — отряда. В одном из методических пособий девиз получает следующее определение: «Девиз — это краткое выражение главной цели и идеалов коллектива. Он должен быть кратким, не обязательно рифмованным, но обязательно содержать идею — коллективности, устремленности в будущее, борьбы за счастье людей, завтрашнюю радость и т.п.» [Организацпериод:1988, 12].

Происхождение девизов разнообразно: это самодеятельные рифмованные изречения, цитаты из литературы и кинофильмов, советские лозунги.

Часть девизов констатирует основной отрядный принцип или ориентир: *Один за всех и все за одного; Бороться и искать, найти и не сдаваться; Наша слава вечная — звезда пятиконечная*, — в своей констатирующей функции они сближаются с лозунгами-констатациями (по [Левин:1998]). Часть девизов сходна по прагматике с призывами: *Пусть добрым будет ум у вас, а сердце умным будет; Будь как Мальчиш честным и смелым, верность Отчизне доказывай делом*. Некоторые девизы имеют прогностическую функцию: *Полетим на Альтаир, завоюем звездный мир; За все будем бороться смело, верность Отчизне докажем делом*.

Широкое распространение девизы отрядов получили в послевоенное время. Присвоение девиза отряду осуществлялось на первом отрядном сборе.

В методических пособиях, ориентировавших в возможностях выбора, девизы приводились либо списками в сочетании с названием отряда (например, [Организацпериод:1988, 28]), либо отдельным списком (например, [Вожатый:1985]). Довольно часто при одном названии приводилось два (реже более) девиза. Например, для отряда под названием «Дерзание» предлагалось два девиза:

- (1) Мечтатели, романтики,
Творители, дерзатели. . .
И вечный бой,
Покой нам только снится.

- (2) Назад — нет,
В стороны — нет,
Только вперед и ввысь

[Организацпериод:1988, 28].

В методической литературе подчеркивается, что девиз — текст, зависимый от названия отряда: «Название и девиз должны соответствовать друг другу. Девиз как бы раскрывает смысл названия отряда, конкретизирует его» [Организацпериод:1988, 13]. Как правило на практике девиз тематически соотносился с названием отряда:

<i>Дружба</i>	Ни шагу назад, ни шагу на месте, Только вперед и только вместе.
<i>Товарищ</i>	Один за всех — все за одного.
<i>Пионерские фонарики</i>	Светить всегда, светить везде

[Книгавож:1965, 140].

Однако тематическое соответствие названия и девиза понималось довольно широко, вплоть до того, что название и девиз могли быть связаны очень отдаленно:

<i>Атланты</i>	Бороться, искать, найти и не сдаваться.
<i>Исток</i>	Если не мы, то кто же Если кто-то, то почему не мы.
<i>Рекорд</i>	Пусть добрым будет ум у вас, а сердце умным будет

[РВД]¹⁵.

Любопытно, что отдельные девизы по своим формулировкам напоминают метафорические загадки, а названия отрядов соответственно становятся отгадками:

<i>Компас</i>	В походе и труде впереди везде.
<i>Парус</i>	Море шумит, волна бежит и нас зовет вперед.
<i>Колосок</i>	Один за всех и все за одного

[РВД].

В некоторых случаях название отряда помещалось в девиз:

<i>Парус</i>	Волна всегда бежит вперед и «Парус» наш не отстает.
<i>Бригантина</i>	Пусть и штормы и ветры Пусть дороги круты, Но ведет «Бригантину» Алый парус мечты.
<i>Крылатый</i>	Мы к солнцу взлетим, Когда подрастем Недаром отряд наш «Крылатым» зовем

[Организацпериод:1988, 28].

У отрядов, названия которых относились к одной тематической группе, часто встречались одни и те же девизы: например, распространенный девиз отрядов из тематической группы Свет (Солнышко, Светлячок, Заря, Зенит,

¹⁵Здесь и далее РВД — рукописный вожатский дневник.

Луч, Гелиос) — *Гореть всегда, гореть везде* (до дней последних / вот мой девиз и солнца).

Как показывает этот пример, несмотря на то, что существует большой фонд различных высказываний, которые потенциально можно было присваивать отряду в качестве девиза, в методической литературе рекомендовалось (а в устной традиции использовалось) весьма ограниченное количество текстов.

Одним из способов пополнения корпуса текстов новыми девизами была трансформация уже имеющихся девизов. Распространенным приемом трансформации девиза была замена некоторых словоформ в уже существующем девизе:

Турист Турист всегда идет вперед и наш отряд не отстает.

Парус Волна всегда бежит вперед и «Парус» наш не устает
[РВД].

Синтаксическая модель — N всегда *бежит/идет/летит/плывет* вперед и наш *отряд не отстает/устает* — заполняется словоформами в зависимости от названия отряда. Сходная ситуация описана Е. В. Кокориной на материале языка советских газет: «Слово, попадая в ряды фразеологизмов, взаимодействует с другими словами не само по себе, а как репрезентант упорядоченной серии» [Кокорина:1996, 173] Такие ряды Е. В. Кокорина относит к цепочкам клише, в которых «семантические возможности любого «нового» слова, включенного в ряд мгновенно редуцируются» [Кокорина:1996, 174].

Редко удастся установить, какой из вариантов является исходным, а какой — производным. Случай очевидного предшествования представляет собой пара *Кто ищет — тот всегда найдет!* (слова песни из кинофильма «Дети капитана Гранта») и производный от него *Кто хочет, тот всегда найдет* [Вожатый:1985, 46].

Десемантизация слов при таких механических трансформациях предложения порождает немотивированные словосочетания (из примеров Е. В. Кокориной на материале советской периодики: *дирижеры хлебных потоков, часовые здоровья, лоцманы советской науки*). Нечто подобное можно обнаружить и при подборе девиза к названию отряда. В силу того что выбор девиза осуществлялся из единого корпуса клишированных синтаксических структур, распадающихся на отдельные лексемы, становится возмож-

ным аномальное сочетание названия отряда и его девиза: «Турист — Дельфин всегда плывет вперед и никогда не отстает» [РВД].

Взаимозаменяемость слов (*турист, волна и дельфин*) связана еще и с тем, что они входят в одну тематическую группу: романтика. Впрочем, такое «семантическое размывание» (Е. В. Кокорина) свойственно не только отдельно взятой тематической группе, но и всем словам, входящим в тезаурус пионерских девизов (и шире — пионерской словесности). Поэтому становятся возможными «упорядоченные серии» (Е. В. Кокорина) девизов: Гайдар/ Данко/ Факел/ Моряк *всегда идет вперед и никогда не устает*.

Некоторые модели максимально константны, в них подставляется только название отряда:

Если тебе *** имя,
Имя крепи делами своими

[РВД].

В одном из пособий это девиз отряда «Факел» [Организацпериод:1988, 30], а в рукописном вожатском дневнике — отряда «Отважные».

Некоторое количество девизов деиндивидуализированы:

Наш девиз: всегда готов
больше дела — меньше слов.
Наш девиз совсем обычный,
Наш девиз совсем простой!
Если делать, то отлично
Если делать, то с душой

[РВД].

Идея «простоты» и «обычности» девиза появилась как реакция на помпезно-декларативные девизы.

В методических руководствах указывалось на особую прагматику девизов, вытекающую из их родства с призывами: «В лагере произносится много призывов, девизов. Отношение к ним должно быть бережным. Энергия пионерского лексикона велика, многие пионерские понятия весьма выразительны. Слова призывов должны быть обеспечены подлинными эмоциями»

[Шмаков:1983]. Несмотря на эти установки, реальная картина бытования девизов обратная: семантические различия между ними нивелировались.

2.1.2. Речевка

Речевка — небольшое по объему рифмованное стихотворение (от 4 до 15 строк). В названии *речевка* актуализирована вербальная природа жанра, а точнее особенность его функционирования: устное произнесение. Речевка, как правило, исполнялась при строевом прохождении отряда, в «смотре строя и песни» пионеры озвучивали речевки, маршируя на месте.

Жанр речевки зародился в 1920-е годы. Позволим себе привести цитату из методического пособия, которая по всей вероятности достаточно точно отражает ситуацию зарождения жанра: «Становилось традиционным, шагая в строю, помогать сохранению его четкости переключкой вожатого и пионеров. Эта веселая переключка получила название «колкрики» (коллективные крики) или речевки» [Речевки:1970, 1].

В одном из первых описаний «коллективных криков» содержится указание на прагматику текста и даются рекомендации по его созданию и исполнению: «В Международную Детнеделю следует обратить особое внимание на коллективные крики, которые, кроме агитационного значения, сплавляют и объединяют ребят. Коллективные крики кричатся обязательно в такт (под ногу во время ходьбы, а когда стоят, то лучше под помахивание руки вожатого). Можно коллективный крик делить на части паузами (напр., «Эй»... пауза, и т. д.). Необходимо, чтобы ребята проявили свою самостоятельность в выдумывании криков звеньями или даже целиком, отрядом. Полезно заниматься коллективными криками перед началом парада или заседания, тогда время пройдет незаметно. Хорошо крикнуть какой-нибудь лозунг после выступления оратора (конечно, соответствующий теме выступления). Ниже приводим несколько лозунгов к Международной Детнеделе, по которым придумать свои. Полезно помнить, что крик не поется, а кричится резко и энергично:

Коллективные крики

В мире развейся алое знамя.
Дети рабочих смело за нами.
Лезь буржуазная слизь
В сытые дыры
Эй, пионеры, вались
На Красную площадь мира.
Громче бей, барабан,
Выше красное знамя.
Пролетарские дети всех стран,
Дружно вперед за нами.
Алым пламенем горит наше знамя,
Эй, рабочих детвора, все за нами.

Можно использовать для криков также и другие лозунги, помещаемые особо в сборники [VМеждународ:1925, 59].

Количество речевочных текстов, которые можно достоверно датировать 1920-ми годами, крайне невелико, так как тексты речевок труднодоступны. Письменного бытования этот жанр практически не имел, распространявшись по преимуществу фольклорным способом: от вожатого к другому вожатому, от вожатого к пионерам, от пионера к пионеру. Исключение составляют конспекты вожатских курсов, но они сохранились в небольшом количестве и малодоступны. Печатные фиксации речевок крайне скудны, можно назвать лишь отдельные методические издания, вышедшие уже после войны ([Матвеев:1964], [Речевки:1970], [Пионертоварищ:1973], [Организация:1989]). Некоторое число текстов можно обнаружить в пионерской периодической печати и в изданиях по истории пионерской организации (например, [ИсторияВЛКСМ:1983]). Еще большие сложности связаны с установлением их реального бытования, так как в пионерской печати и воспоминаниях редко можно встретить упоминания об использовании коллективных криков или речевок, поэтому определить их востребованность в пионерских отрядах в различные периоды (и в том числе в 1920-е годы) не представляется возможным. В редких случаях тексты с точной датировкой можно обнаружить в исторических источниках, например, 1920-ми годами датируется следующий текст:

Мы малы, мы юны, мы дети коммуны.

Бодра и смела наша рать!

Мы гордо и смело рабочее дело сумеем всегда отстоять!

[ИсторияВЛКСМ:1983, 112]

Коллективные крики содержательно примыкают к политическим лозунгам (не случайно автор методического пособия 1925 года, цитировавшегося выше, для обозначения этих текстов равноправно употребляет термины «коллективные крики» и «лозунги»). Помимо политической лексики, являющейся частью советского пропагандистского языка, в коллективных криках 1920-х годов можно обнаружить заимствования из уставных текстов и пионерской литературы. Например, в одну из «перекличек-лозунгов» 1920-х включен пионерский призыв:

— Громче бей барабан!	— Выше, красное знамя!
— Ребята всех стран!	— Дружно с нами!
— Будь готов!	— Всегда готов!
— Будь готов!	— Всегда готов!
— Пионеры жизни новой...	— И готовы, и здоровы!

[Речевки:1970, 1]

Межжанровые миграции как текстовых фрагментов, так и целых текстов (обычно небольших по объему — как, например, призыв) — характерная черта речевок и в целом пионерских текстов. Еще в 1920-е годы можно обнаружить «обратное» влияние речевок на еще один пионерский жанр — песню. В песню «Будь готов!» попадают и начальные формулы-вопросы, и распространенный в речевках мотив «отставания» и парного к нему призыва к более интенсивному движению:

Кто там? Что там? <курсив наш — С. Л.>

Воздух взрезал

Топот ног и ропот ртов.

И как гром и как железо:

— Будь готов!

— Всегда готов!

Барабан, греми и грохай,

Если враг — то угрожай.

Нынче в мире рос не плохо
Пионерский урожай.
Мы — с заводов,
Мы — от стали,
Мы — из стали, от станков. . .
— *Эй, отстали:* <курсив наш — С. Л.>
— Будь готов!
— Всегда готов!
И весь мир сегодня встанет
Под знаменами детей,
И рабочий гордо глянет
На рабочих сыновей.
И всех стран и всех народов
Дети рваных батраков
Громом грянут, грянут бодро:
— Будь готов!
— Всегда готов!

[Пионерпесенник:1928]

Формулы из коллективных криков попали и в позднюю редакцию гимна пионеров «Марш юных пионеров» Александра Жарова:

В коллективных криках:

В мире развейся алое знамя.
Дети рабочих смело за нами

[VМеждународ:1925, 59].

В тексте песни:

Мы поднимаем
Алое знамя,
Дети рабочих,
Смело за нами!

[Песенникпионера:1989, 5]¹⁶

¹⁶Е. О. Путилова датирует эту редакцию 1954 годом — выходом собрания сочинений А. Жарова [Русская поэзия:1997, 677].

Впрочем, эту генетическую линию мы не склонны абсолютизировать, так как фонд формул и клише был един не только для пионерских текстов, но и во многом для всей советской массовой словесности.

В коллективных криках часто упоминаются атрибуты пионерской организации (знамя, барабан, труба (горн)). Это объясняется тем, что в 1920-е годы реальный и конструируемый в пионерской словесности образ пионера представляет собой строй детей со знаменем, горном и барабаном¹⁷. К таким речевкам относится, например, следующая:

Труд, труби! Труд, труби!
Труд труби в трубу!
Бей, барабан, бей барабан,
Бей, барабан борьбу!

[Речевки:1970, 1]¹⁸

Рост числа речевочных текстов пришелся на послевоенное время, тогда же значительно обогатилось и их содержание. Наряду с политической семантикой, появляется большое количество текстов педагогического и развлекательного содержания.

В одном из методических пособий приводятся тексты речевок с характерным для методического дискурса предуведомлением и комментариями к текстам. Приведем его полностью:

Старые пионерские работники знали много речевок, разучивали их с пионерами. Речевки можно было услышать повсюду: в походах, на пионерских субботниках, на парадах. Не возродить ли этот хороший обычай? Вот несколько речевок. Написал их поэт Николай Войткевич.

Отряд попал под дождь, до лагеря еще далеко. Некоторые ребята заныли: «Холодно! Сыро!» Вожатый командует: «Шире шаг!» и начинает речевку.

¹⁷Образы пионеров с горном и барабаном широко распространены и в других жанрах пионерской литературы (например, в песнях (см. цитированный пример и ниже раздел 2.2.2. Песенники 1920-х годов: состав и поэтика), в жизнеописаниях пионеров-героев (глава 2 раздел 5.3.1. Морфология героического сюжета: сюжетные ситуации и варианты)

¹⁸В методическом пособии дается еще одно объяснение обращения к барабану: речевка составлена «в честь журнала “Барабан”».

Вожатый:	Ребята:
— Дождик, дождик. . .	— Дождик, лей!
— Нам с тобою. . .	— Веселей. . .
— Мы до лагеря...	— Дойдем!
— Не боимся....	— Сырости!
— Только больше...	— Вырастем!

А вечером собрались пионеры у костра. Можно, конечно, просто зажечь костер. А можно сделать после такой речевки.

Вожатый (или группа ребят):	Пионеры:
— Ну-ка киньте бересты....	— В дрова....
— Чиркни спичкой, костровой...	— Раз-два....
— Чтобы наш костер дорос....	— До звезд!
— Чтоб его сиянье....	— Видали марсиане!

Или вот еще одна речевка, для октябрят.

— Это чьи идут ребята?	— Октябрята, октябрята....
— Раз, два. . .	— Вейся, флаг!
— Три, четыре. . .	— Крепче шаг!
Бодрые, умелые....	— Сильные и смелые!
Звезды алые горят...	— Нет дружнее октябрят!

Вы и сами вместе с ребятами можете придумать речевки на все случаи лагерной жизни, речевки для праздников, для сборов.... Попробуйте!

[Матвеев:1964,59–60]

В приведенном отрывке любопытно несколько моментов:

1. предполагаемые ситуации исполнения речевок
2. указание на авторский характер публикуемых текстов
3. рекомендация к самостоятельному созданию речевок.

Если первый и последний пункты в значительной степени отражают тенденции в создании и бытовании речевок, то второй пункт нуждается в комментарии. Авторская принадлежность текстов Н. Войткевичу не столь очевидна, как заявляется в методическом пособии, скорее можно говорить об авторской стилизации или даже творческом заимствовании речевочных формул. Достоверно судить о степени самостоятельности автора при создании тек-

стов речевок невозможно (и не столь необходимо). Речь идет о порождении текстов по уже имеющейся и окостеневшей модели с использованием ограниченного числа словесных средств (речевочных формул — *раз, два, три, четыре; вейся, флаг; крепче шаг; это чьи идут ребята?* и др.).

В методических пособиях, публикующих речевки, они дифференцируются по функции (строевые), по принадлежности к структурной единице пионерской организации (отрядные, пионерские, октябрятские, лагерные), по ситуации исполнения (костровые) и тематически (спортивные, орлятские, космические, морские, и т. д.). Подобные классификации мало что дают для систематизации речевок, скорее они свидетельствуют о попытках методистов фиксировать накопившиеся тексты, которые не укладываются в реестр в силу особенностей своего бытования. Например, речевки на спортивную тематику могли использоваться одновременно как октябрятские, отрядные и строевые. Большинство наименований речевок (костровые, космические, морские, речевки здоровья и пр.) скорее всего являются плодом фантазии публикаторов, нежели фиксацией реальной речевой практики называния речевок. В подавляющем большинстве свидетельств о бытовании речевок (представленных в периодической печати и мемуаристике) лексема *речевка* сочетается с *пионерская, отрядная*.

В послевоенное время возникла тенденция выбирать отдельную речевку для отряда (наряду с названием, девизом, песней). Она могла соотноситься с названием отряда тематически, название отряда могло упоминаться в речевке и служить презентации отряда:

Речевка отряда юных журналистов

— Кто идет?	— Мы идем, четко и быстро
— А куда?	— Статьи писать.
	<i>Мы — журналисты.</i>
— Раз — два. . .	— Статья готова
— Три-четыре. . .	— Пишем снова!
— Наш девиз. . .	— «Не пиццать, стенгазету выпускать»
— Пусть она не будет броской.	— Но зато по смыслу хлесткой
- [Речевки:1970, 5].

Гайдаровцы

Раз, два	Три, четыре
Три, четыре	Раз, два
Кто шагает правой?	Левой! Левой! Левой!
Кто шагает дружно в ряд?	<i>Наш гайдаровский отряд!</i>

[Пионертоварищ:1973, 23]

Красногвардейцы

Раз, два, три	<i>Красногвардейцы мы.</i>
Мы буржуев не боимся	И пойдем мы на штыки
Армия пролетариатов	Встань стройна!
Да здравствует революция	Ура! Ура! Ура!

[Пионертоварищ:1973, 23]

В методической литературе давались шаблоны речевок, в которые нужно было вставить название отряда:

Лагерная речевка

— Раз, два. . .	— Три-четыре!
— Три-четыре. . .	— Раз-два!
— Кто шагает дружно в ряд?	— Это наш отряд

(указать номер или название отряда)

[Речевки:1970, 9].

Приведенное начало речевки является наиболее распространенным в корпусе доступных нам речевочных текстов. Графически выделенное «пустое место» заполнялось: в него подставлялись названия: *отряд орлят, отряд ребят, юных ленинцев отряд, наш гайдаровский отряд, юных капитанов дружный наш отряд* и т. д. О сходной ситуации с девизами шла речь выше.

В то же время речевки часто никак не соотносились с названием отряда:

Отважный

Раз, два	Шире шаг
Три, четыре	Тверже шаг!
Боевое настроенье	Нам всегда держать.
Мы орлята молодые,	Мы орлята боевые.
Только учимся летать	Можем горы покорять,
	можем песню сочинять

[Пионертоварищ:1973, 23].

В целом согласование речевки с названием отряда было факультативным — в отличие от девиза, который, как правило, был более тесно связан с названием (впрочем, см. выше случаи нарушения такой связанности).

Главная функция речевки — помогать четкости строевого хождения. Отряд при прохождении (например, в походе, на демонстрации и т. д.) мог выкрикивать любые речевки, а не только свою отрядную. Прагматическая направленность речевки — задать стройный ритм шага — реализуется и в речитативной форме речевки, и в ее содержании. Многие речевочные тексты начинаются со счета (чаще до четырех) или указания на ногу (левая-правая), которой надо сделать шаг:

Раз, два	Дружно в ногу!
Три, четыре	Тверже шаг!
Если пушка бьет тревогу	Поступаем только так!

[Пионертоварищ:1973, 21]

— Раз, два...	— Три, четыре!	
— Мы шагаем	— По четыре.	
— Раз, два...	— Вейся флаг	[Речевки:1970, 11].
— Три, четыре...	— Тверже шаг.	
— Громче бей, барабан,	— Нам шагать помогай	
Раз, в ногу раз!	Раз, в ногу раз!	
Рей, знамя!	Знамя рей!	
Нас много, много нас!	Кто с нами, тот смелей!	
	Шагай за нами!	

[Речевки:1970, 3]

Левой, правой, левой правой
Кто шагает дружно в ряд?

[РВД]

Счет может располагаться не только в начале текста, но и в середине речевки:

Раз, два	Три, четыре
Раз, два	Мы шагаем по четыре!
Три, четыре	Вьется флаг!
Горны звонкие трубят?	Да, трубят!
Собирают всех ребят	Всех ребят!
Раз, два	Вьется флаг!
Три, четыре!	Тверже шаг!
Комсомольскою сменой	Будем вырастать!
У нас	Ребят.
Сердца	Горят!
Знаменосец, выше знамя	Знамя выше поднимай!
Запевала, нашу песню	Песню нашу!
Запевай!	

[Пионертоварищ:1973, 21]

Созданию четкого ритма способствует и рифмовка, как правило парная. Рифмы речевки в большинстве своем мужские и точные.

По функциональному назначению (поддержание шагового ритма) речевки близки к таким жанрам, как солдатские маршевые выкрики («Ать-два, левой»), артельные выкрики и песни (прежде всего бурлацкой ватаги, так как для нее принципиальное значение имеет одновременное шагание). К сожалению, исследовательских работ, посвященных наиболее близким словесным явлениям — солдатским выкрикам — обнаружить не удалось. В исследованиях артельных песен, в которых в той или иной мере рассматриваются трудовые выкрики и «шаговые песни», указывается на определяющее значение ритма [Путилов:1994, 78–81], [Еремина:1977, 118], [Банин:1971]. Он играет организующую роль в регулировании коллективных действий, в частности шага. Не меньшее значение имеют в этих текстах элементы счета (выраженные, как правило, количественными числительными до четырех, реже до десяти). Характеризуя трудовые песни, Б. Н. Путилов приводит примеры таких элементов, которые он называет «возгласами, командами, призывами»: «Ой, бери еще, ой, еще! Давай раз еще! Ой, раз еще», «Еще первый, другой раз, Ой, разом, разом мы» [Путилов:1994, 79].

Вместе с тем по наличию элементов счета и своей вопросно-диалоговой форме речевка напоминает один из жанров детского фольклора — считалку:

Раз, два, три —
Поди водить ты!

[Мудрость:1991, 313]

Раз, два, три, четыре —
 Меня грамоте учили,
 Пять, шесть, семь —
 Покосился пень.
 Он, Додон,
 Выйдет от нас вон

[Мудрость:1991, 313].

Раз, два —
Голова,
Три, четыре —
Прицепили,
Пять, шесть —
Сено везть,
Семь, восемь —

Сено косим <...>

[Мудрость:1991, 314].

Тани, Вани,
Что за вами, —
Вы стоите все столбами?
Там за вами лавка есть,
На нее надо присесть:
Поскорее все беги,
А ты, мальчик, поводи!

[Мудрость:1991, 328]

Наряду с тем, что в речевках счет в первую очередь призван отсчитывать шаги пионерского отряда, он имитирует и подсчитывание участников

строю. Не случайно, что со счетными элементами соседствуют вопросы счетного характера (*Сколько нас? Посчитайте сколько вас?*):

Это чьи идут ребята?	Октябрюта, октябрюта.
Посчитайте сколько вас?	Целый класс, целый класс.
Раз, два!	Вейся, флаг!
Три, четыре!	Тверже шаг!

[РВД]

Однако установка на счет оказывается ложной: в ответе звучит несчетное множество (*целый класс, весь отряд*). Таким образом в речевке никто и никого не считает, происходит лишь коллективная идентификация.

Оппозиция считалки «считающий — считаемые участники игры» тоже, казалось бы, реализована в речевке через оппозицию «вожатый — члены отряда». Вожатый задает вопросы, среди которых счетные, а члены отряда ему отвечают. Но дифференциацию целого счет в речевке не осуществляет (в отличие от «функциональной персонификации» в считалке [Литягин:2000, 84]). Исполнители речевки образуют собой недифференцированное множество, которое обладает характерными чертами пионерского коллектива: коллективность, готовность к подвигу, дружба, неутомимость. Основную же черту, декларируемую именно в этом жанре, составляет способность к «движению-хождению» (С. М. Толстая). В большинстве текстов употребляются словоформы с корнями «шаг», «ход»:

Левой, правой, левой правой
Кто *шагает* дружно в ряд?
Отряд стремительных ребят.
Ни *шагу* назад, ни *шагу* на месте
Только вперед и только вместе.

[РВД]

Раз, два...	Три, четыре...
Ровнее ряд...	Идет строительный отряд.
Тверже <i>шаг</i> ...	Мы дружны и стране всегда нужны
Шире <i>шаг</i> ...	<i>Шагаем</i> в ногу. Нам, строителям, — дорогу!

[Речевки:1970, 11]

Лексемы со значением ходьбы сочетаются с наречиями — *дружно, твердо, широко* и пр. С шаганием же связано и употребление лексем *путь, дорога*. Кроме того, в речевках называются культовые персонажи: Ленин, Гайдар, Гагарин, Егоров, Титов и др., которым приписывается «шагание» вместе с пионерским отрядом. Не вдаваясь в подробности, заметим, что «речевочный универсум»¹⁹ складывается из устойчивых концептов, характерных для всей пионерской словесности²⁰.

У вопросно-ответной формы речевки есть еще одна аналогия, а возможно, и источник. Это различные жанры «материнского» фольклора (так называемые *пестушки, потешки* и пр.). Нередко текст в них построен по принципу диалога (взрослый-ребенок). При этом, как правило, подобные тексты бытуют в монологической форме — весь текст озвучивается взрослым:

Галки вороны,
Все ли вы здоровы?
Одна галка не здорова,
Себе ножку наколола <... >
[Мудрость:1991, 143].

<... > Куда, Захар, едешь?
Овес косить.
Зачем тебе овес?
Куриц кормить
[Мудрость:1991, 146].

Кисонька-бурысонька,
Где была? — У бабушки.
Что бабушка дала? — Масличка.
Чем колупала? — Ножичком <... >

¹⁹Термин употреблен по аналогии с термином «лозунговый универсум», предложенном в работе Ю. И. Левина [Левин:1998].

²⁰Позволим себе одну параллель между речевками и литературными текстами. Как отмечают исследователи творчества Д. Хармса, его стихотворение «Миллион» представляет собой гетерогенное произведение, восходящее среди прочего к считалке и маршевым текстам фольклора [Тренин:1939, 24], [Калашникова:1984, 93]. Можно уточнить, что еще одним источником, и, как кажется, наиболее близким, являются пионерские речевки. Не только счет и маршевый ритм, но и само содержание стихотворения связано с речевкой: в тексте описывается маршевое прохождение пионерского отряда.

Речевки, напротив, в подавляющем большинстве озвучиваются на два голоса (вожатый — члены отряда), хотя бывали случаи хорового исполнения отрядом без участия вожатого, но они встречались все-таки реже. Двухгласность речевки, как одна из важнейших черт жанра, в сниженных вариантах речевок подвергается осмеянию:

Не торопись — Пись!
Приободришь — Дришь!
Мы застрахуем — Хуем!
Вашу жизнь!

[ЛА]²¹

В приведенном примере в качестве ответной реплики повторяются конечные фрагменты слов вожатого. Комический эффект создается за счет обыгрывания особенностей рифмовки речевок: точные мужские рифмы.

Двухголосное исполнение речевки по большей части отображалось при публикации текстов: текст печатается в два столбика, слева располагаются слова вожатого, справа — членов отряда:

1. Кто шагает дружно в ряд?	1. Наш отряд, отряд орлят!
2. Как орлята здесь живут?	2. Дружно очень любят труд!
3. А девиз орлят каков?	3. Больше дела, меньше слов!
4. Слушай голос барабана	4. Тверже ногу, шире шаг!
5. Гордо реет стяг багряный	5. Озаренный солнцем флаг!
6. Даль весенняя лучится	6. Мы идем за рядом ряд!
7. И взлетает словно птица	7. Песня маленьких орлят!

[Пионертоварищ:1973, 22]

Чей отряд шагает?	— Дружный
Подтянуться нужно?	— Нужно
Кто вам друг, ребята?	— Солнце
Кто в пути с отрядом?	— Ветер
Кто всегда шагает рядом?	— Песня

[РВД].

²¹Из устных воспоминаний пионера 1950-х годов, текст хранится в личном архиве автора.

В речевках можно обнаружить синтаксические модели, изоморфные baby talk (о амплификации в baby talk см. в [Гаврилова:2003]). В речевках в качестве ответа повторяется последнее слово вопроса:

Это где вы почернели?	Мы на солнце загорели.
Ноги наши быстрые?	Быстрые, быстрые.
Кто вы?	Бегуны и прыгуны
Наши мускулы сильны?	Да сильны.
На реке мы плавали?	Плавали, плавали <... >

[РВД].

Жанровой основой речевек выступали и заклички. Речевки такого типа в одном методическом пособии получили название «На дождик» [Речевки:1970, 6]:

— Дождик, дождик...	— Дождик, лей!
— Силы, дождик,	— Не жалей!
— Нам с тобою...	— Веселей...
— И под дождиком...	— Дождем
— Мы до лагеря	— Дойдем!
— Не боимся	— Сырости!
— Только больше	— Вырастем!

[Речевки:1970, 6].

Если дождик, не беда. Мы веселые всегда!
Дождик, дождик, дождик, лей!
Нам с тобою веселей! Мы до лагеря дойдем!
Не боимся сырости, только лучше вырастим!

Дождик, дождик	Дождик лей!
Нам с тобою...	Веселей!
И под дождиком, дождем	
Мы до лагеря	Дойдем!
Не боимся	Сырости!
Только лучше	Вырастаем!

[Пионертоварищ:1973, 26]

Все приведенные примеры содержат обращение к дождю, аналогичное обращению в закличках:

Дождик, дождик, посильне!
Мы поедем на свинье <...>
[Мудрость:1991, 242].

Дождик дождик, пуще!
Дадим тебе гущи <...>
[Мудрость:1991, 243].

Реже встречаются речевки, обращенные к солнцу:
Раз- два- три Солнышко светлее
Четыре-пять-шесть Мы идем играть
Петь и веселиться, бегать и резвиться
[РВД].

Речевки «на дождик» обычно располагаются в разделах «октябратские речевки», что демонстрирует отношение к ним публикаторов как к текстам, предназначенным для младшего школьного возраста.

Помимо названных жанров, оказавших влияние на речевочные модели текстообразования, в одном из поздних речевочных текстов (не ранее 1970-х годов) можно обнаружить схождения и с одним из жанров письменного детского фольклора, который в девичьем альбоме имеет название «Адрес любви».

Приведем речевочный текст середины восьмидесятых годов:

На берег мужества, на мыс Героев
На остров Подвига наш путь лежит
[РВД].

Строение приведенного текста такое же, как и в альбомном тексте — на основе перечисления топонимов:

Мой адрес:
Город Любовь,
Улица Страдания,
Дом ожидания,
А пока — до свидания
[Калашникова:2003, 601].

Хотя текст сам по себе в альбомах, по утверждению исследователя девичьей субкультуры С. Б. Борисова, встречается с 1960-х годов, в речевки он проникает скорее всего в 1970-е годы — возможно, это связано с тем, что в эти годы в школьной/лагерной среде активизировалось бытование девичьего альбома²².

Семантика сопоставляемых текстов существенно различается. В альбомах актуальное пространство складывается из домашнего адреса владелицы альбома²³, а в речевке из маршрута пионерского похода. В этом отражается принципиальная разница двух универсумов: альбомного и пионерского. В первом случае — это сентименталистская домашняя «ниша», а во втором случае — романтические «горизонты». Иными словами, географические термины: берег, мыс, остров — служат созданию особого текстового пространства, топоса моря и морских путешествий. Появление морской топики в этом тексте нужно связывать с общим процессом поэтизации моря и корабля в массовой советской культуре 1970-х годов. Морская тематика в эти годы серьезно потеснила паровозную тематику 1920-х годов и авиационную тематику 1930-х годов²⁴ и — в несколько меньшей степени — космическую тематику 1960-х годов. Хотя абсолютизировать такую хронологическую поступательность не стоит; морская тематика в массовой культуре, пожалуй, всегда занимала видное место: если не лидировала, то, по крайней мере, составляла конкуренцию модным «транспортным» темам.

Поэтизация «морских далей» отразилась в появлении названий отрядов, дружин, лагерей с морской семантикой (Волна, Бригантина, Парус, Дельфин, Чайка, Каравелла²⁵ и др.), морских девизов и речевок [Речев-

²²Впрочем, такого типа картографические тексты вообще распространены в массовой культуре XX века (достаточно вспомнить шлягер В. Харитонova и Д. Тухманова «Мой адрес — Советский Союз», в котором есть слова: «Мой адрес не дом, и не улица...»). С. Борисов проводит более раннюю аналогию «Адресу любви», датированную XVII веком [Борисов:2000, 65].

²³Текст «Адреса любви», опубликованный в [ГоловинЛурье:1998, 288], оформлен в виде надписи на почтовом конверте (Куда, кому), тем самым пространство, описываемое в тексте, интровертировано.

²⁴Е. Штейнер на материале детской книги 1920- и отчасти 1930-х годов убедительно иллюстрирует эти закономерности моды на изображение транспортных средств [Штейнер:2002]. Есть исследования, конкретизирующие историю и поэтику отдельных транспортных тем, так, в работе Ю. Левинга освещается авиационная тематика (в терминах исследователя «авиационный текст») в советской поэзии 1920–1930-х годов [Левинг: 2005].

²⁵Под руководством Владислава Крапивина в 1970-е появился клуб юнкоров «Каравелла», довольно скоро он приобрел всесоюзную известность (через массовую печать), стали возникать

ки:1970, 7]. Приобрел популярность девиз *Бороться и искать, найти и не сдаваться*, заимствованный из романа В. Каверина «Два капитана». Эта цитата использовалась и в морских речевках:

— Раз-два. . .	— Шире шаг!
— Три-четыре. . .	— Раз, два!
— Кто шагает дружно в ряд?	— Это наших капитанов
Дружный (третий) наш отряд.
— Выше голову держи!	— <i>Не сдаваться и бороться,</i>
<i>Все искать и все найти</i>
— Чайка вьется над волной	— Реет наш отрядный флаг!
— Раз-два. . .	— Так держать!
— Три-четыре. . .	— Не пищать!
— Тверже курс держи, моряк!	— Что нам шторм!
Что нам бриз!
— Путь свободен. . .	— Наш маяк свет и счастье —
коммунизм.
— Всем отрядом к коммунизму	— Всем пути для нас ясны,
Будем дружно мы идти
[РВД].

Примеров восприимчивости речевки к другим текстам множество. Речевочный текст — это своеобразный пазл из фрагментов лозунгов и советских песен, детского фольклора и литературы. Важно и то, что речевки не только вбирали в себя отрывки и обрывки больших и малых советских текстов, но с годами все больше мимикрировали под детские словесные игровые формы: считалки, заклички, различные жанры «материнского фольклора». В общем и целом речевки представляют собой гетерогенное образование, единство которого определяется особенностями его исполнения: «шагают и кричат».

2.2. Песня

Сразу после возникновения пионерской организации стали выходить сборники песен под типовыми названиями «Пионерский песенник», «Песни пионеров» и пр. Такие сборники выпускались большими тиражами и доста-

подобные журналистские кружки. Все это в целом наравне с другими причинами стимулировало создание пионерской словесности морской тематики.

точно регулярно. Из них вожатые брали песни и разучивали их с пионерами. Разучивание песни было важным с точки зрения воспитательной задачи, которую ставили перед собой пионерские работники, озабоченные консолидацией пионерского коллектива. После войны стали выбирать одну отрядную песню, в связи с чем идентификационные и презентационные функции этой пионерской песни, которые прежде маркировали всех пионеров в целом, сужались до отрядных:

У всех отрядов все одинаковое: и форма, и флажок, и рапорты. Это хорошо: все пионеры — члены одной организации. Но у каждого отряда есть и свои отличия.

Своя песня.

Свой любимый цвет.

Свой тайный знак.

Как запоют «Веселого барабанщика», так сразу все знают: идет четвертый отряд!

[Матвеев:1964,20]

Песня маркировала отряд не только «изнутри», но и «снаружи»: слушающие песню ассоциировали ее с определенным отрядом.

Выбор отрядной песни осуществлялся на первом пионерском сборе. К сожалению, сведения о составе отрядных песен весьма разрозненны, поэтому ограничимся лишь общими соображениями. Во-первых, в 1950–1960-е выбор песни, казалось бы, во многом зависел от того, соответствует ли ее ритм строевому хождению. Ведь предполагалось, что песня должна была звучать на отрядных и дружинных линейках, «смотре строя и песни», а это требовало наличия у песни маршевого ритма, который был особенно популярен еще до войны, в двадцатые-тридцатые годы. Напомним расхожее мнение тех лет о пионерах — «идут и поют». Образ пионера как шагающего и поющего ребенка в красном галстуке — отражение массового представления 1920-х — 1930-х годов. Именно соответствие внешней атрибутике и церемониальному поведению (демонстративное ношение пионерского галстука, маршировка под барабан, пение пионерских песен, подчеркнуто антирелигиозное пове-

дение и пр.) эксплицировало политическую принадлежность. И песня была обязательным элементом этого набора²⁶.

В отличие от 1920-х годов, в послевоенное время увлечение маршами пошло на убыль, но не случайно именно в эти годы появляется ритуал «смотра строя и песни», в котором было предусмотрено обязательное хоровое исполнение песни при прохождении отряда, — песня замыкала представление отряда. Сложилась ситуация, при которой отряд выбирал песню, ориентируясь на условия ритуала, а не на семантику названия отряда. Это и обусловило немногочисленность отрядных песен, так как в эти же годы проявилась встречная тенденция: в моду вошли камерные песни: под гитару, у костра, в «орлятском кругу». Мода на лирические ритмы изменила состав актуальных для пионеров песен, из которых они выбирали отрядные. Известных пионерам песен с маршевым ритмом, необходимым для отрядной песни, оказалось совсем немного: например, «Песня о первом пионерском отряде» (Слова С. Рунге), «Старый барабанщик» (Слова Е. Долматовского), «Песенка о веселом ветре» (Слова В. Лебедева-Кумача) и другие. Но к 1970–80-м годам наметилась компромиссная тенденция: «для смотра строя и песни» пионеры выбирали отдельную песню, а отрядная могла быть и камерной, лирической. Таким образом, отрядная песня находилась в прямой зависимости от ритуала «Смотра строя и песни», но песенная традиция пионерской организации этой формой бытования песни не исчерпывалась (об этом подробнее в главе 3 разделе 2.1. «Пение»).

Существовала мода на определенные песни: многие отряды имели в качестве отрядной песни популярный в детской среде песенный текст. Например, по свидетельству одного из методистов: «Одной из самых любимых героических песен 50-х годов стала песня «Бьют барабаны» из кинофильма «Судьба барабанщика» на музыку Л. Шварца. Многие отряды сделали ее своей отрядной песней» [История песни: 1967, 5]. К 1980-м годам, когда традиция выбора отрядной песни сформировалась и окостенела, состав вы-

²⁶ Любопытна в этом контексте история возникновения главного марша пионеров «Взвейтесь кострами», получившего впоследствии название пионерского гимна. Его создатель А. А. Жаров почерпнул ритм и размер текста, посетив оперу «Фауст», когда услышал исполняемый там «Марш солдат» [Жаров: 1961, 27]. Эта история свидетельствует об определяющем значении ритма для создания первых пионерских песен и о подчиненном по отношению к нему содержанию.

бираемых песен был настолько невелик, что часто название отряда и его песня плохо согласовывались друг с другом.

2.2.1. Изменение семантики пионерских песен

С 1920-х годов пионерские песни издавались как специальными сборниками (песенниками), так и в составе репертуарных сборников. Но, в какой степени они использовались «на местах», судить трудно. Единственная возможность проанализировать семантику пионерских песен состоит в анализе всего корпуса опубликованных песен, которые могли потенциально использоваться в коллективной пионерской практике. Мы воспользуемся только официально изданными песенниками «общепионерской» адресации, в стороне останутся специфические песенные тексты элитарных пионерских лагерей и дружин («Артека», «Орленка», «Океана», «Зеркального» и пр.), их песенное наследие нуждается в отдельном анализе.

Очевидно, что за семьдесят лет песенный репертуар, представленный в песенниках, претерпел изменения и довольно значительные. Для удобства анализа мы разделили песенный корпус на две части, руководствуясь двумя принципами. Состав песен, публиковавшихся в пионерских песенниках, отчетливо различается по двум периодам: первый — 1920-е, второй — начиная с 1930-х. Внутри каждого периода содержание издаваемых песенников варьировалось крайне незначительно, в то время как между периодами различия существенны. Такое деление согласуется с этапами становления советской песенной традиции, с другой стороны, хронологическая граница конца 1920-х — начала 1930-х годов актуальна не только для массовой советской песни [Гюнтер:2000, 766] (в том числе, пионерской), но и для советской культуры в целом [Соцканон:2000], [Малышева:2004, 11–12].

Поэтому мы пренебрегли более дробным делением, что, безусловно, делает результаты анализа достаточно приблизительными. Но такое деление отвечает задачам нашего исследования: выявить устойчивые области значений в песенных текстах и проследить общую динамику изменений семантики песен.

2.2.2. Песенники 1920-х годов: состав и поэтика

В 1920-е годы была поставлена задача создать новый песенный фонд, отличный от предыдущих песенных традиций (школьных, скаутских, семейных и пр.). Отличие состояло прежде всего в содержании новых детских песен: «... песня песне — рознь. Пионеры готовятся к большому делу. Им предстоит борьба за лучшее будущее, им придется доканчивать дело своих старших товарищей — строить новое, коммунистическое общество. А потому в их песнях поется о жизни рабочих и крестьян, поют пионеры о своей работе и борьбе; в своих песнях они вспоминают погибших бойцов за рабочее дело, песней же сзывают миллионные рати рабочих ребят под свои боевые знамена», — так характеризовалось содержание пионерских песен во вступлении к одному из первых пионерских песенников [Песнипионеров:1925, 5].

С середины 1920-х годов начали выходить многочисленные пионерские песенники (например, [Пионерпесенник:1924], [Пионерпесенник:1925], [Песнипионеров:1925], [Пионерпесенник:1926], [Пионерпесенник1:1926], [Пионерпесенник2:1926], [Песнипионеров:1927], [Пионерпесенник1:1927], [Пионерпесенник:1927] [Пионерпесенник:1928], [Пионерпесенник:1929] и мн. др.). Одновременно песни публиковались в пионерской периодике и сборниках пионерской самодеятельности (среди стихотворений и драматических миниатюр).

В начале песенника обычно помещались «взрослые» песни «Интернационал», «Марсельеза», «Марш Буденного», а уже затем следовали детские песни, которые были посвящены мифологизированной истории, борьбе угнетенных детей в буржуазных странах, пионерской повседневности и пр. Неизменно в песенники включался написанный Александром Жаровым «Марш пионеров». Кроме того, в первых песенниках публиковались песенки развлекательного характера — так называемые «пионерские частушки»: они помещались циклами под названиями «Пионерский журавль», «Пионерский клуб», «Пионерское яблочко», «Пионер-частушки». Приведем выдержку из последнего:

Делегат письмо привез

Из страны немецкой:

Шибанем буржуя в нос
Мы неделей детской.

Свой союз мы укрепим
Против своры барской,
Всех ребят объединим
Цепью пролетарской.

Выход верный мы найдем:
Захотим, так сможем.
С Коминтерном мы пойдем,
Западу поможем.

Ванька треплет головой,
Увлечен примером:
«Был все время я шпаной,
Стану пионером».

Поразился дед Аким —
Чешет свою лысину:
Во всю хату слово «Ким»
На стене написано

[Песни пионеров: 1925, 23].

Отдельную и значительную часть в песенниках 1920-х годов составляли перетекстовки непионерских песен. Переделывание заключалось в том, что при сохранении исходного мотива содержание этих песен заменялось на пионерское. В первых песенниках переделывание было очень популярно, что объясняется очевидными причинами: пионерские песни нужно было быстро распространить среди первых пионеров. Это возможно, только если мотивы знакомы потенциальным исполнителям новых песен. Ведь разучивание и мотива, и текста требует времени и специальных усилий, но в условиях становления пионерского движения для этого не было возможностей. Поэто-

му быстрая «подгонка» содержания осуществлялась на популярных и, как правило, взрослых мотивах.

Переделки отличались разной степенью искажения текста. Это могло быть небольшое изменение (как в случае со скаутской песней «Картошка»²⁷, в которой было заменено одно словосочетание и сокращен один куплет); или тексты подвергались более основательной трансформации с фрагментарной («Пионерские провода»²⁸) или полной сменой содержания («Мы»). Среди мотивов, на которые сочинялись новые тексты, «Хаз-булат» <так в песеннике — С. Л. >, «Мы фабричные ребята», «Варшавянка», «Паровоз», «Вихри враждебные», «Картошка». Пользовался популярностью и мотив пионерского гимна «Марш пионеров» («Взвейтесь кострами»). Так, текст песни «Если ленинцем быть хочешь» должен был исполняться на мотив «Картошки», текст песни «Пионерский клуб» — на мотив песни «Проводы», текст песни «Пионерская ночевка» — на мотив «Хаз-Булата» [Песнипионерии:1925].

Процесс становления структуры пионерского песенника и соответственно состава пионерских песен наглядно представляет издание «Песни пионеров», вышедшее в Ленинграде в 1925 году (оно было неоднократно переиздано в течение 1925–1927 годов). В нем песни разделены на три группы: «Песни первого поколения», к которым причислены «коммунары, рабочие, крестьяне — борцы за рабочее дело» [Песнипионерии:1925, 7], «Песни второго поколения» — «комсомольцы, рабоче-крестьянская молодежь» [Песнипионерии:1925, 11] и «Песни третьего поколения» — «Смена смене», пионеры и все рабочие и крестьянские дети» [Песнипионерии:1925, 18]. В первых двух частях приведены те песни, которые потом уже без «поколенческой» маркировки будут располагаться в начале песенников. Это «взрослые» «Интернационал», «Красное знамя», «Дубинушка», «Смело, товарищи, в ногу», «молодежные» «Юношеская Марсельеза», «Красная Армия», «Проводы», «Марш Буденного», «Вдоль да...», «Молодая гвардия». В составе же пионерских

²⁷ Автор В. А. Попов, впервые опубликовано в Вестнике скаутизма (областной периодический скаутский журнал. Архангельск. 1921. № 2). Переделано А. А. Жаровым.

²⁸ Набор песенных текстов, которые переделывались, был весьма ограничен. Об этом свидетельствует и тот факт, что для новых комсомольских песен (создаваемых в те же годы и по тем же технологиям) использовались все те же тексты, например, песня «Комсомольские провода» (или просто «Проводы») и «Пионер-провода» (она же «Пионерский клуб») являются переделкой рекрутской песни Д. Бедного «Проводы» (1918). Эта песня (музыка Д. С. Васильева-Буглая) была очень популярна в 1920-е годы.

песен — только переделки: например, «С комсомольцем дружно в ногу», «Пионерская ночевка», «Пионер-частушки» и др. Но постепенно ситуация выправилась и появляются пионерские песни с самостоятельным мотивом²⁹.

Песенный состав типичного сборника пионерских песен 1920-х годов выглядит следующим образом:

Пионерский песенник. Москва, 1925

Интернационал
Коммунистическая Марсельеза
Красное знамя
Варшавянка
Песнь Коммуны
Смело, товарищи, в ногу
Расстрел коммунаров
Красная армия (Красная армия, марш вперед)
На штыки (На штыки под набат и пожар)
Кузнецы
Замучен тяжелой неволей
Марш Буденного (Мы — красная кавалерия, и про нас)
По пыльной дороге телега несется
Пролетарская Марсельеза (Мы Марсельезы гимн старинный)
Похоронный марш
Памяти Ильича (Ты умер, учитель, на славном посту)
Молодая гвардия (Вперед, заре навстречу)
Юношеский Интернационал (Мы — смерть)
Юношеская Марсельеза (Яркий светоч велик)
Мы — дети рабочих кварталов
Дружно, братья, тесным строем
Пионеры (Бодростью жизни сверкая)
Городки (За деревней у речки Камышки)
Будь готов в минувшем году

²⁹Об истории пионерской песни существуют историко-педагогические работы, например, [Гольденштейн:1963], [Гольденштейн:1965], [Гольденштейн:1971], находящиеся в границах идеологически-ангажированных исследований. Но мы в любом случае не будем останавливаться на этом аспекте, так как нас интересует не история отдельных песенных текстов, а поэтика всего песенного корпуса.

Песня пионеров (В мощной могучей заводов)
Взвейся выше, наше знамя
Песня Спартаков (В Риме клич борьбы раздался)
Наша песня трудовая
По улице (Пусть вьюга скулится)
Кто за нас — иди за нами
Разведчик (Небесный свод порозовел)
Первомайская песнь (Гей, пионеры, в ряды)
Компасхальный марш (Только будем немного постарше)
Мы — дети коммунаров
Дети Коммуны (Мы малы, мы юны)
Песня гамбургских пионеров
Песня нем. коммунистических детских групп
О рождественском деде
Дети Октября (Родились мы в бурю)
Песня октябрят (Плакаты и знамена)
Марш октябрят (Мы идем веселым маршем)
Лагерная пионерская песенка (Шмель гудит)
У задумчивого леса
Поход (Барабан забил тревогу)
Картошка
В лагерях я бывал

Вслед за Н. А. Купиной, которая в своем исследовании массовой советской песни, выявила идеологический план содержания этого жанра, мы с той же целью обратились к пионерской песне. Любопытные результаты дает частотный анализ словоформ, употребленных в текстах пионерских песен 1920-х годов. В качестве материала обшчитано 1371 словоупотребление из песен анализируемого периода.

Используя лингвокультурологические методы и терминологию, Н. А. Купина приходит к выводу, что «производство песенного текста сводится к конструированию сетки мифологем и идеологем, соединенных по правилам идеологической синтагматики. Каждый песенный текст конструируется на базе узуальных идеологем» [Купина:1999, 88–89]. Этот

вывод можно распространить и на наш материал. К примеру, в песнях 1920-х годов наиболее употребительны лексемы, имеющие значение «движения/хождения», — это глаголы *шагать* и *идти* (47 словоупотреблений), к ним примыкают лексемы *дорога* (10) и *путь* (5). Следующее по частотности слово *пионер* и его дериваты (36) имеет значение политической принадлежности, которая в свою очередь задает идеологические приоритеты *труд* (28), *наш* (27), *дружба* (26), *борьба* (24) *работа* (21). Эти концепты обладают устойчивой высокой частотностью во всех текстах пионерской литературы, и прежде всего в уставных документах (см. **Приложение**). Лексемами *барабан* (19), *лагерь* (18), *песня* (18), *знамя* (16), *ряд* (16) создается контекстное окружение для субъектов действия — *пионер* и *мы* (17), действия же заключены прежде всего в движении и издавании звуков (общее число словоформ, обозначающих звук, — 25; среди них: *гром*, *крик*, *клич*, *звон*, сигнал). Семантика движения, а точнее интенсивного начала движения обозначается и грамматически: характерны формы побудительного наклонения или изъявительного в 1 лице мн. числа у глаголов с приставками, также выражающими интенсивность действия: *взвевай*, *взвевайтесь*, *взвейтесь*, *вздувайте*, *вздымайся*, *водрузим*, *возведем*, *воспрянем*, *разрешим*, *разроем*, *раскинем*, *распустите*.

Из прилагательных наиболее частотны *красный* (15) и *новый* (15), что характерно для словесности 1920–1930-х годов (ср. на материале массовых песен [Купина:1995, 10], самодеятельной советской драматургии 1920-х годов [Малышева:2005, 190–193; 310–313]).

Выводы частотного анализа уточняются анализом сочетаемости наиболее частотных лексем. Такой подход на материале пионерской словесности, и в частности пионерской песни, впервые был предпринят Е. В. Душечкиной в ее исследовании, посвященном употреблению лексемы «песня» и ее контекстному окружению в пионерских песнях [Душечкина:2000], в дальнейшем этот подход был применен и на материале лексем «здоровье» и «дружба» [Душечкина:2001], [Душечкина:2005].

Приведем примеры типичных контекстов для частотных словоформ на нашем материале:

1. Движение, призыв к движению

Вставай, проклятьем заклеименный (Интернационал)³⁰; Вперед, друзья! Идем мы вместе (Красное знамя); Вперед, заре навстречу, / Товарищи в борьбе. / Штыками и картечью / Проложим путь себе (Молодая гвардия); Веди ж, Буденный, нас смелее в бой!.. (Марш Буденного); На бой кровавый, / Святой и правый, / Марш, марш, вперед, / Рабочий народ (Варшавянка); Идем мы, малые ребята, / Идем мы, дети бедняков <...> Предстанем смело мы перед врагами, / Вот смена юная идет! (Песня немецких коммунистических детских групп); Выход верный мы найдем: / Захотим, так сможем. / С Коминтерном мы пойдем, / Западу поможем; Все идут, идут полки / Красных легионов: / Есть и будет нас на мир / Много миллионов (Пионерские частушки); Нога в ногу мы идем / С Комсомолом (Пионерский клуб); Дети фабрик и школ, / Собирайтесь к нам; / Мы на смену пойдем / Всем уставшим борцам (Пионерская ночевка) Так дружно в ногу, наш отряд / Литейного завода / Вперед, к коммуне, где горят / Огнем семь букв: «Свобода».

2. Труд

Вся наша жизнь — тяжелый труд, / ... Мы путь земле укажем новый, / Владыкой мира будет труд (Красное знамя); Мы поднимаем знамя. / Товарищи, сюда! / Идите строить с нами / Республику Труда! / Чтоб труд владыкой мира стал / И всех в одну семью спаял! (Молодая гвардия); Свергнем могучей рукою / Гнет роковой навсегда / И водрузим над землею / Красное знамя труда (Смело, товарищи, в ногу); Если ленинцем быть хочешь, / В школе хорошо учись. / А, являясь на работу, / Ты работай, не ленись (Если ленинцем быть хочешь); Власть труда — венец веков (Будь готов!); Как нагрузки, как работа, / Пионерский долг стране? (Солнце Первомай); Здравствуй, юная дружина, / Пионеры-молодцы. / Суждено вам в новом мире / Для труда создать дворцы (Привет пионерам).

3. Борьба

³⁰В скобках указывается название песни, откуда взяты цитируемые строки.

Если ленинцем быть хочешь, / Помни лозунг: «Будь готов!» / Сам себе ответь на это: / «Я к борьбе всегда готов!» (Если ленинцем быть хочешь); Будем примером / Борьбы и трудов (Марш пионеров); Скоро придем мы — / Судьбы властелины — / Строить, бороться и жить! (Барабан); Борьбою вспенены, / Всю жизнь сумеем мы / Отдать борьбе! / И имя Ленина / Возьмем себе!.. (У Мавзолея); И несется могучий наш клик / В борьбе за рабочее дело (Пионеры); Мы — дети тех, кто развернул / Борьбы великой знамя (Так громче, наша песнь, звучи!).

4. Дружба

Стройтесь дружнее / В ряды пионеров (Барабан) Дружно дети Октября, / Пионеры, в лагеря! (В лагеря); Мы — дружные ребята, / Отряд передовой, <...> / Мы — коммунары, / Идем мы дружною гурьбой (Мы — дружные ребята); Незаметно мы дружной семьей / Уж доходим до цели своей (Пионеры); Будем расти мы / дружной семьей (Марш пионеров); Дружно, ребята, мы лозунг наш грянем (Мы).

Такая картина наблюдается в раннем периоде формирования пионерской культуры. Позже, начиная с 1930-х годов, песенный репертуар сборников претерпевает значительные изменения: на первый план выйдут песни деидеологизированного «детского» содержания.

2.2.3. Песенники 1930–80-х годов: состав и поэтика

В 1930-е и последующие годы песенники издавались все так же регулярно, большими тиражами (например, [Пионерпесенник:1935], [Пионерпесенник:1938], [Песниленин:1945]; [Пионерский салют:1948], [Пионерпесенник:1962], [Песенки:1962], [Трубигорнист:1970], [Взвейтеськострами:1982] [Песенникпионера:1984]; [Песенникпионера:1989] и мн. др.).

Принципы расположения песен в них, как правило, иные. Если в песенниках 1920-х годов сначала помещалось 10–12 «взрослых» песен (обычно революционного содержания), а потом детские, то начиная с 1930-х годов картина несколько меняется: число «взрослых» песен сокращается до

двух-пяти (первым часто следует Гимн Советского Союза, остальные обычно содержат прославление Родины, Ленина и / или партии – «Песня о родине», «Ленин и весна», «Ленинский апрель», «Партия, слушай, родная!» и др.), а затем следуют детские песни. Причем детские песни также расположены в определенной последовательности, по хронологии возникновения: сначала песни, написанные в 1920-е годы (или содержанием которых являются революционные годы и 1920-е годы), потом все более близкие к моменту выхода сборника. Исключение составляет «Марш пионеров», который как главная пионерская песня, может произвольно занимать места с первой по пятую песни. Соответственно меняется и содержание: ближе к началу сосредотачиваются песни на историко-героическую тематику, а начиная с середины — песни о пионерской и школьной повседневности, иногда с юмористическим содержанием (частушки и вовсе перестают публиковаться).

Типичный песенник послевоенных лет выглядит следующим образом:

Песни пионеров и школьников. Курск, 1956

Партия, слушай, родная!

Марш советских патриотов (Солнце сияет нам на просторах)

Песня о родине (Широка страна моя родная)

Гимн демократической молодежи мира (Дети разных народов)

Марш юных пионеров (Взвейтесь кострами)

Пионер (Это кто, друзья, идет)

Кто в дружбу верит горячо (Не только в радости, но и в печали)

Эх, хорошо! (Эх, хорошо в стране советской жить)

Пионерская спортивная (Реют знамена)

Спой нам, ветер (А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер)

Нам открыты все пути (Собирай всех друзей)

Песенка о дружбе (Ровесницы, ровесники)

Наш край (То березка, то рябина)

Широкие просторы (Чайка крыльями машет)

Туристы (Подают сигнал горнисты)

Школьная полка (Хороша сегодня школа)

Пионерское звено (Есть песенка любимая)

Частотный анализ словоформ (общим числом — 1456), употребленных в текстах 1930–80-х годов, также весьма показателен.

Наиболее частотным оказывается местоимение *мы* и его дериваты (260) и *пионер* и его дериваты (53). Среди глагольных лексем первое место по частотности занимает глагол *идти* (51), семантическое поле движения/хождения создают и лексемы *шаг* (22), *путь* (15), *дорога* (25), *даль* (14). По мнению Х. Гюнтера, «движение к некоей дали, характерное для атмосферы 1930-х годов», коррелирует с идеей активной деятельности на благо советской страны — это время многочисленных открытий, связанных с освоением пространства, совершенных советскими летчиками, полярниками, геологами и шире первооткрывателями в области прикладного научного и технического знания [Гюнтер:2000, 769]. Не случайно в 1931 году в Законах пионеров появляется следующая формулировка: *Пионер — активный разведчик природных богатств СССР. Пионер помогает поставить природу на службу социализму* **Законы 1931**³¹. Тема освоения неизвестных миров связывается в песенных текстах 1930-х годов с понятиями свободы, воли, стихии, высоты, чему в текстах соответствуют лексемы: *ветер* (25), *любовь* (18), *сердце* (17), *море* (14), *звезда* (11)³². В 1960-е годы массовый романтизм получает дополнительные оттенки: сверхличностный оптимизм тридцатых сменяется сентименталистским любованием природой, на смену освоению мировых пространств Севера и индустриальной экспансии приходит «романтика» туристических походов и научных экспедиций. Эти тенденции советской культуры отразились и в пионерской песне, например, в песнях «Голубой родничок» (Сл. В. Суслова), «Солнечная песенка» (Сл. Легчилова), «Веселый марш» (Сл. П. Синявского), «Луг-лужок» (Сл. В. Суслова), «Зачем остывать костру» (Сл. П. Синявского) и мн. др.

Из лексем, частотных в песнях 1920-х годов, сохраняются прежде всего *друг* (80) и *барабан* (32), при этом число словоупотреблений лексемы *друг* резко возрастает: с 28 до 80. Такой резкий скачок объясняется изменениями в ценностной системе пионерской организации и в советской культуре в

³¹Полный текст Законов приведен в Приложении, здесь и далее жирным шрифтом выделены редакции формулировок Законов пионеров.

³²Е. Штейнер, характеризуя детские книги 1930-х годов, также отмечает возникновение произведений, посвященных освоению воздушного пространства, в частности, персонажами этих сюжетов стали самолеты [Штейнер:2002, 199].

целом. Об этих изменениях свидетельствует и актуализация в лексемах тех значений, которые в двадцатые годы либо не были актуальны вовсе, либо существовали на периферии. Так, у лексемы *мир* (28) актуализировалось значение «отсутствие войны»³³: контекстное поле такого значения создается лексемами: *весна* (33), *свет* (33), *жизнь* (30), *солнце* (29), *хорошо* (26), *мечта* (19), *счастье* (13), *радость* (11). В послевоенное время пропагандистскими приоритетами государства станет антивоенная направленность, и в пионерских песенных текстах этого периода тема «борьбы за мир» представлена весьма широко.

Не меньшее место занимает и тема государственности, единой советской страны. Об этом свидетельствуют частые случаи употребления слов *страна* (28) и *родина* (19). Тем самым создается новое поле значений, которых не было в 1920-е годы, так как главной темой была революционная борьба за создание нового строя³⁴. В 1930-е же годы на первый план выходит прославление могущественной советской страны, а *борьба* (10) становится менее актуальной. Не случайно к 1939 году в Законах пионеров первым пунктом появится формулировка: *Пионер горячо любит Родину, Коммунистическую партию. Законы 1939* До этого момента в Законах пионеров слово Родина не встречалось, а первым пунктом следовало положение о политической ориентации пионера, например: *Пионер — верен делу рабочего класса, заветам Ильича Законы 1928*

Кроме того, начиная с середины 1930-х годов в песенных текстах появляется еще один новый мотив: широта родных просторов, красота родной земли. Совокупность лексем *страна*, *родина* и *земля* (16), *край* (10), в сочетании с прилагательными *родной* (13), *большой* (5), *широкий* (5) составляет новый, качественно отличающийся от революционного образ советского государства (о значении слова *широкий* в массовой советской песне 1930-х годов см. в [Сквозников:1990, 6–8], аналогичные наблюдения см. в [Купина:1999, 100]). Х. Гюнтер, характеризуя массовую советскую песню, делает следующее наблюдение: «Начиная с 1934 года песенное начало быстро вытесняет идеологически насыщенную революционную музыку» [Гюнтер:2000,

³³В 1920-е годы, как правило, лексема употреблялась в значении «земной шар», так как были значимы другие темы: мировая революция, союз революционного пролетариата всех стран и пр.

³⁴Аналогичные наблюдения на материале массовой советской песни см. в [Менцель:2000, 958].

766], он связывает это изменение с появлением и утверждением нового для советской культуры понятия — «материнского, женского начала», которое он называет «архетипом матери». Развитие новой образности (плодородие, широта, теплота земли) он склонен трактовать как проявление этого архетипа. Любопытно, что широта просторов советской Родины в этот период становится актуальной и для других видов словесности, предназначенной детям: например, текстах учебных книг по географии 1930-х годов (см. об этом [Орлова:2004]).

С 1970-х годов все большее значение получает тема школьной жизни, учебной повседневности, о чем свидетельствует распространение таких лексем как *школа* (18) и *учеба* (15). В песенных текстах 1920-х годов эти лексемы не встречались. Из наиболее часто встречающихся песен назовем: «Утро школьное, здравствуй!» (Сл. К. Ибряева), «Наши учителя» (Сл. М. Садовского), «Школьные каникулы» (Сл. С. Богомазова), «Школьные годы» (Сл. Е. Долматовского). Появление темы школы обусловлено тем, что к этому моменту снялась оппозиция организованные/неорганизованные дети: все дети советской страны были пионерами и все учились в школе, соответственно и тема школьной жизни становится пионерской/детской темой.

Из прилагательных наиболее частотны *веселый* (47) и *смелый* (17). Они характеризуют иную систему ценностей и оценок, в отличие от лексем *новый* и *красный*, доминировавших в 1920-е годы.

Приведем примеры типичных контекстов для наиболее частотных словоформ:

1. Родная страна, Родина.

Родина строек и мира оплот / — Наша Отчизна / Твёрдой рукою над нами зажжет / Свет коммунизма (Марш пионерских дружин)³⁵; Дымком потянуло от пашен, / Запахло прохладой лесной, / Становится Родина наша / Прекраснее с каждой весной! (Скворцы прилетели); Родина, Родина, / Цветущие края! / Родина, Родина / Любимая моя (Родина); Родина, наша держава! / Реки, поля и леса. / В хоре твоём величавом / Наши слышны голоса! (Поют пионерские горны); Нам встречаться чаще нужно,

³⁵В скобках указывается название песни, откуда взяты цитируемые строки.

/ Мы в большой стране живем (Пионерская столица); И в праздник, и в трудный час / Не гаснут в сердцах у нас / Звезды Отчизны, солнце Отчизны / — Свет материнских добрых глаз! (Свет материнских глаз); Край, который с детства дорог, / Родиной зовется (Край, в котором ты живешь); Да здравствует море растущего хлеба, / Да здравствует наша родная земля! / И нет ничего нам роднее и краше, / Чем солнышко ясное Родины нашей (Родины мирное небо); Вы нашу летопись прочтите! / О Родине идет там речь! (Наша школа); Песней горна начинаем все дела, Этот голос горну Родина дала (Песня горна).

2. Дружба

Дружат дети на планете, / Ты — со мной, а я — с тобой. / Дружба — это вечный праздник / Твой расцвет и мой расцвет (Дружат дети на планете); Потому что дружба — / Сильное оружие, / Главное оружие / На земле! (На улице мира); Дружбой гордится / Школьная наша семья! (Наши учителя); Дружба, дружба, — / Что это такое? / Что это такое? / Ну, а вместе — двое! (Что такое дружба); Вы дружнее ребят не видали (Веселый марш); Потому что на планете / Дети — дружная семья (Солнечная песенка); Мы всегда с друзьями вместе, / Мы не можем без друзей. / Значит жить нам нужно / весело и дружно (Мы - октябрята); Если вдруг придется тугο, / Друг спасет от разных бед. (Такой хороший дед); Самым дружным будет наш, / Наш веселый экипаж! (Наш веселый экипаж); Нам с тобою здесь всех чудес не счесть, / Если песня есть и дружба есть (В нашем лагере); Друга взять не забудь в путь, / Другом верным всегда будь (Мир похож на цветной луг).

2.2.4. Сопоставительный анализ названий песен

Выборка наиболее частотных лексем в названиях песен 1920 годов, с одной стороны (146 словоупотреблений), а с другой — песен, включенных в песенники после 1930 года (126 словоупотреблений), показывает, что при наличии некоторых (и иногда весьма существенных) расхождений наиболее

частотными в обоих случаях оказываются слова *пионерский* (больше 15 словоупотреблений) и *мы* (больше 10 словоупотреблений). Эти лексемы формируют существенные для жанра пионерской песни идеологические значения коллективности и принадлежности к пионерской организации.

2.3. Драматические миниатюры: состав и поэтика

В 1920-е годы начали выходить многочисленные публикации (в периодике и отдельными изданиями, в том числе сборниками), содержащие материал для пионерского самодеятельного театра и театра «живой газеты»³⁶. В большинстве своем это были произведения на историческую (Октябрьская революция и т. д.), пионерскую тематику (образ жизни пионеров, образ жизни угнетаемых детей зарубежья, праздники и повседневный быт пионеров, героические поступки, жизнь в пионерском лагере и пр.) или произведения о жизни советских людей, истории социалистического строительства (например, [Театршкол:1924], [Никифоров:1925], [Юрцев1:1925], [Юрцев2:1925], [Задыхин:1925], [Школспект:1926], [Путевка:1932], [Школэстрада:1924], [Пионерколхоз:1931], [Пионерсев:1931], [Шнирман:1933], [Введенский:1933] и мн. др.). Авторские издания пьес и сборники драматических миниатюр постоянно публиковались на протяжении существования пионерской организации (например, [Шумяцкая:1967], [Репертуар:1973], [Воронкова:1983], [Федяков:1987]). Помимо этого, многократно выходили сборники под названием «Пионерский театр» ([Пиотеатр:1927], [Пиотеатр:1946], [Пиотеатр:1950], [Пиотеатр:1958], [Пионерокттеатр:1959], [Пиотеатр:1959], [Пиотеатр:1967], [Пиотеатр:1971], [Пиотеатр:1973], [Пиотеатр:1980

Выходили специальные периодические издания, например, журнал «Затейник», в каждом номере которого публиковались драматические миниатюры на пионерские темы. Авторы этих миниатюр, в том числе и анонимные (среди которых было много пионерских работников), формулировали через драматический сюжет воспитательные и идеологические идеи «текущего момента». Так, на страницах журнала в 1920–1930е годы появлялись миниатюры на тему родительского пьянства, борьбы с религией, кулаками, шпио-

³⁶ О театре «живой газеты» существуют историко-искусствоведческие работы, например, [Розовский:1970]. В пионерской среде создание «документально-поэтических произведений» (М. Розовский) тоже было весьма популярным.

нами и пр. (например, [Логинов:1929], [Иркутов:1929], [Военныйвечер:1929], [РезапкинСысоев1:1929], [РезапкинСысоев2:1929], [Слетданетот:1929], [Как-быть:1929], [Криваядорога:1930], [Глязер:1931], [Нашипапаши:1931], [Пролезущелку:1931], [Резапкин:1931]). В этот период издавались пьесы для кукольных, актерских, теневых и других видов театральных постановок.

Поэтика драматических миниатюр («сценок») находится в тесной связи с идеологией пионерской организации. Мы ограничим свой анализ произведениями рубежа 1920–1930-х годов — времени становления пионерской самостоятельной драматургии, но для сравнения будем привлекать и более поздние тексты. Остановимся на истории становления агитационных сюжетов о персонаже, вступающем в ряды пионерской организации, по большей части это сюжеты о Петрушке и Пете-пионере.

В этих пьесах зафиксировано такое интересное для самостоятельного театра явление, как переход от кукольного театра к актерскому. Мода на драматизацию, распространившаяся в 1920-е годы, в том числе и в среде педагогов и пионерских работников, предполагала прежде всего развитие актерского театра³⁷, а с другой стороны — кукольный (петрушечный) театр имел особые возможности для использования в детской самостоятельности. Об интересе к кукольному театру свидетельствует то, что большое число публикаций в пионерском журнале «Затейник» посвящено Петрушке — хорошо известном детям персонажу площадного театра. Образ балаганного Петрушки поначалу использовался взрослым советским агитационным театром. Первенство в использовании образа Петрушки в советском театре принадлежит Н. Л. Симонович-Ефимовой³⁸. Персонажный состав этих пьес изменился: «куклы «Петрушки» из цыгана, дворника, доктора превратились в буржуя, лорда, красноармейца, рабочего, пионера. «Петрушка» стал обслуживать все темы международного положения и нашего житья-бытья», как отмечается в одном методическом пособии, предназначенном пионерским работникам [Луговской:1927,12].

³⁷Речь идет о тенденции, а не о правиле. Развитие актерского детского самостоятельного театра не мешало возникновению кукольных, теневых и прочих театральных кружков для пионеров.

³⁸Уже к концу 1918 года появились новые пьесы, в которых Петрушка выступал в обновленной функции: из простого «обличителя угнетателей» он принимает, по словам Е. Деммени, «новую роль — роль Агитатора за новый быт, борца со всеми его уродливыми явлениями» [Петрушки:1935, 54] и активно борется на стороне рабочего класса, как, например, в пьесах ГТЮЗа «Агит-Петрушка», «Проказы Петрушки», «Петрушка-вожак».

Одновременно с изменением сюжетов и персонажей во взрослом театре оформляется новая тенденция — «очеловечивания» Петрушки. Это происходит по ходу становления театральной самодеятельности и, в частности, агиттеатра первых послереволюционных лет. По словам Н.Энского, именно «московскому режиссеру Д.Г.Гаутману пришла на ум счастливая мысль использовать петрушечный театр для агитационно-пропагандистских целей, заменив кукол играющими их актерами» [Энский:1920,9]. Так был создан репертуар театра «Политического Петрушки»³⁹.

Актер, игравший Петрушку, должен был быть «молодым парнем» в «красной рубахе, картузе, на всклокоченной голове» [Энский:1920,10], с гримом — красными карминными кругами на щеках: так подчеркивалась исходная кукольность персонажа. Этот внешний образ будет в дальнейшем ретражирован в массовых советских праздниках и во всевозможном затаеиичестве, в том числе и детском. Кукольное прошлое проявлялось и в манере двигаться: «появляться следует из-за ширм, быстро и несколько боком, подражая появлению кукол «петрушек» [Энский:1920,10]. Установленная ширма позволяла видеть актеров только по пояс, что также соотносится с кукольным происхождением героя.

В пионерские актерские пьесы образ Петрушки попадает через взрослую агитационную драматургию. Это существенно отражается на чертах его сценического характера и особенностях исполнения. В одной из пьес представлено своего рода «семейное предание» о происхождении «актерской династии» Петров:

Раньше был Петрушка носатый,
Некрасивый и волосатый.
Ходил по дворам и базарам
Вечно с одним ре-пер-ту-аром:
О городовом поганом,
Который всегда дрался с цыганом.
Потом ни слова не говоря,
После всем известного Октября,

³⁹Одновременно появились театры «Кооперативный Петрушка», «Деревенский Красный Петрушка». Репертуар «Политического Петрушки» создавался писателями Арго, Деге, Н.Адуевым. Это пьесы «Петруха и разруха», «Два Петра», «Три сына», «Петрушка крестьянин».

Этот Петрушка куда-то пропал
Так его с тех пор никто и не видал.
Тут получилась такая игрушка:
Появился другой Петрушка —
Грудь вперед,
Бровь стрелой,
Комсомольский,
Удалой!
Здесь произошла такая заварушка:
Понравилась Петрушке комсомолка Марфушка,
Они друг в друга влюбились —
Переженились.
Марфушка очень любила Петрушку,
Петрушка очень любил Марфушку.
И родили они нового Петрушку.
Да не какого-нибудь богомерзкого,
А красногалстучного
Петрушку, пионерского...

[Юрцев:1925,67]

В образе Красного Петрушки — собственно пионерском персонаже — сохраняются черты характера и поведения балаганного Петрушки: он дразнится, ругается, дерется с противниками советской власти.

Во многих пьесках есть второй герой — пионер. Его могут звать пионер-Ванюшка, Сергушка-пионер, но чаще просто «пионер». На этом этапе начинается происходить диффузия образов «сложившегося» героя народного площадного театра и «еще не сформировавшегося» образа ребенка-пионера.

Сюжеты этих пьес строятся по принципу взаимоагитации персонажей. Причем функция агитатора передается от героя к герою. Так, в пьесе «Друзья и враги» (1925) Ваньку-пионера одолевают Папироса, Подсолнух (имеются в виду семечки) и Футбол, насланные на пионера двумя буржуями: Иваном Петровичем и Петром Ивановичем. Сначала Петрушка прозорливо предупреждает Ваньку об опасности, а в кризисный момент вслед за Лыжами,

Коньками, Мылом, Зубной щеткой, Солнышком и Водой бросается на помощь:

Ну, уж это канитель,
Энто, братцы, не модель!
Не могу быть беспристрастным,
Дуй, Петрушка, в помощь красным!
Должен в ход пустить я палку
И вмешаться в эту свалку
[Юрцев:1925,77].

Ободренный Петрушкой, дает отпор и Ванька. В финале пьесы победа резюмируется в ремарке: «Враги на земле составляют группу поражения, друзья образуют пирамиду, на вершине которой Ванька» [Юрцев:1925,77]

В сценке «Наши папаши» [Нашипапаши:1931] Затейник-Петрушка помогает Пионеру-Ванюшке справиться с отцом-прогульщиком. В другой пьесе уже пионер зазывает Петрушку на пионерский слет:

Пионер: Ну, Петрушка. Собирайся на слет.
Петрушка: Слет? Но я не птица.
Пионер: Вот непонятный, съезжаются пионеры в столицу.
Петрушка: Пионеры? Ну, я с ними на край света
[Слетданетот:1929,6].

В пионерских пьесах Петрушка часто предстает мнимо глухим или, как в приведенном примере, его непонятливость, рождающая комический эффект, построена на использовании многозначных слов или омонимов, как и в традиционном «театре Петрушки». Герою по имени Петрушка, как и его балаганному предшественнику, в высшей степени свойственна способность к словесной игре. Кроме того, сюжеты с пионерским Петрушкой обычно представляют собой нелепые истории с перепутыванием, подменой, маскировкой, имитацией. Сюжетные ходы в пьесах зачастую осуществляются за счет трюков. Так, в цитированной пьесе он едет не на слет пионеров, а в Англию на слет скаутов, а когда пастор и генерал вешают ему фашистский значок, он протестует:

А у меня свой вкус:

Пионер стоит за Советский Союз.

Поэтому этот знак долой,

Повесим другой

[Слетданетот:1929,8].

В другой пьеске [Военныйвечер:1929] Петя записывает Петрушку в военный кружок:

Петрушка: А вот и я, Петрушка, верхом на пушке. Здравствуй, армия молодая, самая боевая! Позвольте вам показать представление небольшое! Эй, артисты, готовься к бою. Услыхал я о вашем походе и стал опрашивать в народе. (кричит) Где мне записаться в кружок?

Пионер (выскакивая): Здравствуй, Петрушка, чудачок! Помочь мне тебе что ли? Ну, записывайся в кружок при нашей школе

[Военныйвечер:1929].

Обращает на себя внимание не только сходная манера сценического поведения (пионер выскакивает), но и близость речевых оборотов.

Вместе с агитационной ролью в речи Петрушки появляются и резонансные обертоны. Он не только руководит сценическим действием, но и идеологически толкует содержание:

Получив от родителей коммунистическое благословение

Решил я взяться за представление,

Хотел я взять божественный сюжет,

Но увидел, что в этом надобности нет,

А потерявшись немного в пионерской гуще

Нашел я сюжетец получше

[Юрцев:1925,68].

В послевоенное время комментаторская функция Петрушки обособилась и окостенела в сценариях пионерских праздников. Объясняя причины подобной трансформации, уместно в очередной раз вспомнить кукольное прошлое Петрушки. Основа кукольного представления в известном раздвоении: кукольник-ведущий и кукла, которой он управляет и за которую говорит. По мнению исследовательницы Н. В. Брагинской [Брагинская:1977], кукла в

этом случае сродни любому изображению, которое комментируют, то есть изображение представляет себя за счет слов невроспа. В случае с Петрушкой функция ведущего-комментатора обособилась, и Петрушка стал сам вести пионерские праздники. В этой роли его часто заменяет пионер, «просто пионер» (человек в пионерской форме, которая означает его принадлежность к пионерской организации). Знаменательно, правда, что пионер в роли ведущего превратился в статичного оратора, затверженно декламирующего клишированные тексты, а Петрушка, напротив, сохранил живость балагурства. К концу 1930-х Петрушка как напарник пионера (Пети) встречается все реже, что, видимо, связано с перемещением этого персонажа в сценарии массовых пионерских праздников.

Наличие в Петрушке черт пионера как зачинателя борьбы с угнетателями приводит к прямому отождествлению героев. В комментарии к одной из пьес 1927 года, посвященной революционным событиям, автор замечает: «Нужно еще помнить, что фигура «Пети-пионера» — это сам «Петрушка», а не доподлинный пионер. Конечно, его можно было бы назвать «Петрушкой», «Красным Петрушкой», так как пионеров во время гражданской войны, конечно, не было. Но мы помним из сотен случаев и рассказов в пионерской литературе, что дети пионерского возраста принимали подчас самое горячее и героическое участие в гражданской войне. Поэтому мы и обратили «Петрушку» в «Петю-пионера», связывая тему представления с пионерской средой» [Луговской:1927,14]. Связь героя под именем Петя с пионерской средой действительно оказалась крепкой: очень во многих пьесах и драматических миниатюрах рубежа 1920–30-х годов героем оказывается Петя, а точнее Петька — именно в таком варианте чаще всего употребляется имя. Заметим, что даже если в списке действующих лиц он поименован как Петр или Петя, то в тексте обращаются к нему «Петька». В отличие от остальных героев пьес у Петьки есть прозвища: Огурец, Пуговица, Петух и др.

«Петрушечность» Пети проявляется и на уровне строения сюжета, и в чертах характера и речевого поведения персонажа. Большинство сюжетов строится по схеме: Петя (беспризорник, двоечник, фантазер и т. п.) упорствует в бузотерстве — оказывается в ситуации испытания — исправляется (вступает в ряды пионерской организации / становится отличником, сознательным пионером и пр.). Исключение составляют немногочисленные пьесы,

в которых Петька является идейным противником: в этом случае он обычно социально маркирован (сын кулака, сын мелкого лавочника). Буза Петьки обычно пресекается пионерами. Так, в составе монтажа «Пионер, прошел ты путь немалый» [ДемидоваХацревин:1973] есть миниатюра о Петьке Сакове, подкулачнике, и его банде. Вступив в перебранку с Павликом и затем в драку, Петька со своей командой терпит поражение и позорно ретируется [ДемидоваХацревин:1973, 45].

В качестве примера наиболее распространенного сюжета приведем пьесу, которая называется «Обращение Петьки» [Задыхин:1925]: беспризорник Петька бузит, заявляет пионерам «Плевал я на ваши красные тряпки!» В ответ пионеры наказывают Петьку: «Буян-Петька, ты наплевал на священный красный галстук пионера, ты наплевал на пионерское движение! А пионерское движение — это школа революции, светлое будущее. Поэтому мы отправим тебя в прошлое. Живи там!» [Задыхин:1925,55] Увидев ужасы до-революционной жизни (1871, 1905) и страдания детей предреволюционной Германии, Петька кидается на помещика с кулаками; выясняется, что это переодетый мальчик, на что Петька шутит: «Омолодил!» — и соглашается стать пионером:

В прошлое не бросили
Петьку-бунтаря,
Взяла папиросника
Пионер-семья

[Задыхин:1925,66].

Важно, что испытание героя совершается посредством трюка — мнимого путешествия на машине времени. Прием одурачивания героя довольно распространен, но и он сам нередко использует трюки для достижения цели. В пьесе «Петькин “святой”» [Логинов:1929] Петька-пионер хочет вылечить свою бабушку Митревну, которую безуспешно лечит молитвой поп Паисий. Петька приносит в избу портрет Карла Маркса, называет его «нашим» святым, «преподобным Карлом Марксом», который «специально от ревматизма помогает» [Логинов: 1929, 32], и вешает его на стену. Митревна молится на него и выздоравливает. Петька растолковывает бабушке ее заблуждения, объяснив, что Маркс не «преподобный», а напротив «великий ученый на-

уки» и вождь мирового пролетариата: «а святой наш, бабка, для близиру» [Логинов:1929,33].

Обман обычно оправдан: он помогает Петьке добиваться праведных, с идеологической точки зрения, целей. Так, в пьесе «Антипасхальное» [РезапкинСысоев1:1929] Петька Блинчиков «в составе хора потерпевших от религиозных праздников, получивших побои от разных безобразников», контужен дубовой палкой на Благовещение и требует себе скоромной пищи в Страстную неделю.

В образе Петьки таким образом отчетливо прослеживаются трикстерские черты: он постоянно обманывает, подстрекает, дразнит, шантажирует и т. п. Показательно, что и в более поздних произведениях эта черта героя сохраняется: в пьесе «Петькина авантюра» [Сотник:1973] герой выдает себя за другого Петю, ученика седьмого класса, а не пятого, каковым является. Он прекрасно себя зарекомендовывает, но выясняется, что герой присвоил имя своего полного тезки, Пети Иванова (в списке действующих лиц он обозначен как «Второй Петя»). Обман раскрывается. Очевидно, что возможность двойничества заложена в природе этого персонажа⁴⁰.

В образе Пети-пионера с регулярностью проявляются черты скверного «петрушечного» характера. Например, он за деньги (пятак) готов ходить в субботу в церковь [Криваядорога:1930] и, в отличие от Юрки, Володьки и Наташи, не спешит записаться в безбожники. В пьесе «Культурник» [РезапкинСысоев2:1929] герой агитирует за культурный образ жизни, но при этом у самого героя ботинки на столе стоят, руки он вытирает о гардину и читает книгу под сомнительным для пионера названием «Принцесса бенгальская, или Верность до гробовой доски», которая хороша, по его словам, тем, что «там убийств штук восемь».

⁴⁰Уже в первых пьесах для актерского театра заметна амбивалентность персонажа по имени Петр, он как бы двоится. Так, в пьесе «Два Петра» это эксплицируется в «раздвоении» Петрушки на «правого» и «левого»:

Жили левый Петрушка и правый,
И с женой, и с ребячьей оравой.
Каждый жил, как хотел, в авантаже
И рыбешку ловил для продажи.

[АргоДере:1920,17]

Если «левый» работает, чтобы сдать продналог, то «правый» богомольствует и в итоге, потерпев крах своих идей, встает на правильный путь «левого».

В речи героя Петьки постоянно встречаются шутки и балагурство. Начиная от невинно-ярмарочного юмора: продавая ворованное мыло, Петька, несознательный сын лавочника, покрикивает: «Кому мыло? Мылится. Пенится. Мойся, кто не ленится», — и заканчивая политически ангажированными шутками: в пьесе под названием «Нерукотворный образ» [Глязер:1931] на реплику попа Культяпкина: «Святое полотенце и сейчас у папы римского», — Петька отвечает: «А я слышал, не только у папы римского, у архиепископа кентерберийского, у польского епископа Щербинского, у кишиневского раввина Цирельсона и даже, говорят, у султана, как его...» [Глязер:1931,42].

Петька в самодеятельных пьесах предстает как живой, очень человечный пионер. Он, несмотря и вопреки своему амплуа бузотера и балагура, воплощает типичного пионера. Вплоть до последних образцов этого жанра: например, в сценке «Сегодня в пять!» [Федяков:1987] Петя Иванов — самый обыкновенный пионер, скучающий в пионерском лагере. Так сложилось, что в качестве среднестатистического пионерского имени в пионерских самодеятельных пьесах выступает именно «Петя». Например, в пьесе «Как быть?» [Какбыть:1929] среди действующих лиц значатся мать, пионер, пионерка. А в тексте обнаруживается, что членский статус в организации присвоен именно Петру:

Мать: Бесконечные заботы,
А помочь ни в ком охоты.
Яйца красить что ль самой?
Петька где? Сыночек мой.
Пионерка: Петь! Петькааа! Мама зовет!
Пионер: В чем это дело? Ты это чем занята!
[Какбыть:1929,45]

Обращает на себя внимание способ введения имени героя: «по ходу», как само собой разумеющееся. Петька и сам себя называет не просто по имени, а с неотъемлемым приложением — Петя-пионер. «Граждане, вы, гражданин, например: / Увидите Польшку — передайте, что ее ждет Петька-пионер», — заявляет он в пьесе «Замки и подпорки» [Резапкин:1931,13].

Таким образом, герой с именем Петя обладает некоторыми постоянными чертами характера и даже амплуа. Несмотря на «петрушечный характер»,

к финалу произведения он всегда на стороне советской власти. Логика образа призвана демонстрировать силу большевистской идеологии: каждый ребенок (даже весьма задиристый) в общении с пионерами приобретает зрелость, а затем неизбежно и сам становится членом пионерского коллектива. Так литературное произведение предлагает читателю/зрителю образцовую модель поведения, руководство к действию: вступать в ряды пионерской организации.

Агитационная составляющая пионерских пьес к середине 1930-х пойдет на убыль, но в целом для пионерского театра характерна злободневность (изображаются актуальные типичные ситуации пионерской повседневности) и восприимчивость к идеологическому заказу. Сюжеты драматических миниатюр в последующие годы освещают и актуальные темы общественной жизни советской страны: шпиономания, борьба с фашизмом, трудовая доблесть советских граждан и пр. При этом героями пьес являются пионеры, поэтому в большинстве сюжетов действие разворачивается в пионерской среде.

Реализация идеологических значений в выявленном корпусе пионерских текстов демонстрирует изменения семантики и прагматики этих жанров пионерской литературы в контексте динамики советской коммунистической идеологии. Последняя заключалась в постепенном размывании агитационного политико-идеологического содержания, начиная с 1930-х в литературных текстах реализуются концепты государственности, родной земли, дружбы и др. С изменением содержания меняется и прагматика пионерских текстов: не агитация за дело революции, а пропаганда новых советских ценностей.

Глава 2

Пионерский героический сюжет в идеологическом контексте: генезис, морфология, поэтика

1. Сюжетное воплощение пионерской идеологии

В литературе пионерской организации широко представлены сюжеты, в которых описываются будни и праздники пионерского отряда и/или дружины, взаимоотношения между пионерами, пионерами и семьей и т. д. (из первых произведений, посвященных этим темам, можно назвать [Красный билет:1924], [Богданов:1925], [Каманин:1925], [Кожевников:1925], [Логинов:1925], [Рыжов:1925], [Рыжов1:1925] и мн. др.)

Сюжетное содержание любого пионерского нарратива имеет идеологический компонент, так как главной задачей литературной продукции, предназначенной пионерам, является воспитание их в «ленинском духе». Идеология пионерской организации сформулирована в уставных текстах (они рассмотрены в **Приложении**). В какой степени ориентировались авторы пионерской литературы именно на формулировки Устава, сказать сложно, так как идеологическая программа пионерской организации была общеизвестна. Но то, что в пионерской литературе прослеживается связь (осознанно это авторами или нет) с положениями Устава, очевидно: герои этих произведений действуют в соответствии с идеологическими постулатами Устава.

Приведем примеры пионерских сюжетов, иллюстрирующих положения Устава, сформулированные в Законах пионеров. В качестве материала мы возьмем сюжетные произведения различных жанров, опубликованные в пионерских серийных изданиях: «Библиотека юного коммунара», «Библиотека

юного ленинца», «Библиотека юного пионера» и пионерской периодике «Пионерская правда», «Ленинские искры», «Затейник».

Пионер — охраняет здоровье свое и других. Он не ругается, не курит и не пьет. Встает рано утром, тщательно умывается, занимается физкультурой.

Законы 1928

В сценке «Наши папаши», предназначенной для пионерского самодеятельного театра, [Нашипапаши:1931] пионер Ванюшка конфликтует с отцом из-за его пьянства и прогулов, в финале Ванюшка одерживает победу — отец исправляется.

Пионеры стремятся вовлечь в свою организацию и работу детей всех трудящихся.

Законы1 1929

Как правило, в этих сюжетах герой, вовлеченный в пионерскую работу, перестает бузить⁴¹ (например, [Ауслендер:1924], [Лопатина:1925], [Яльцев:1925], [Ясный:1925]). Наибольшее распространение этих сюжетов приходится на 1920-е годы — время становления пионерской организации (примеры реализации этих сюжетов в драме см. выше в главе 2 разделе 2.3 Драматические миниатюры). Герой в начале сюжетного действия часто является идейным противником пионеров. В ходе действия пионерам удается привлечь бунтующего героя на сторону пионерской организации, причем основным идейным антагонистом часто становится пионер по имени Павлик⁴².

Пионеры помогают слабым, охраняют природу, не позволяют мучить животных.

⁴¹«Бузить» — «бунтовать», «саботировать»; распространенное слово в языке первого послереволюционного десятилетия. А. М. Селищев относит его к «словам деревни, фабрики, низших городских слоев», проникшим в партийную среду; приводит случаи употребления его в советской публицистике 1920-х годов [Селищев:2003, 109–110]. В пионерских текстах этого же периода это слово встречается довольно регулярно.

⁴²Часто герой-бузотер, или, шире, задиристый пионер, именуется Петя (например, [Валентин:1924], [Ауслендер:1925], [Логинов:1929], [Резапкины:1929] и мн. др.). В этой связи любопытна парность персонажей: Петр и Павел. По-видимому, ближайший источник имени «Павел» — герой романа А. М. Горького «Мать». Это имя в советской литературе было популярно и позднее, например, герой романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (1934) — Павел Корчагин.

Законы1 1929

В рассказе «Синичка», опубликованном в «Пионерской правде»⁴³, речь идет о мальчике, спасшем синицу во время зимних холодов, ухаживавшем за ней всю зиму, а весной выпустившем ее на волю.

Сюжеты могут иллюстрировать одно или несколько положений сразу. Например, в рассказе «Товарищи» [Афанасьев:1954, 151–152] повествуется о пионерах, участвующих в спортивных соревнованиях, каждый из участников стремится к победе: «они ждали сигнала преподавателя физкультуры, чтобы рвануться вперед — к победе» [Афанасьев:1954, 151], но один из участников падает в овраг, его товарищ принимает решение помочь и сходит с дистанции. Этот сюжет иллюстрирует два положения:

Пионер настойчив в учении, труде и спорте.

Пионер — честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду.

Законы 1967

Итак, положениям Законов пионеров соответствует определенный корпус текстов. Этот корпус можно систематизировать, распределить на сюжетные типы, охарактеризовать особенности поэтики. Мы предприняли такой анализ на материале сюжетов о пионерах, совершивших героический поступок.

Способность пионера к героическому поступку, подвигу формулировалась в текстах Законов пионеров всех редакций, но каждый раз по-разному. Приведем наиболее показательные:

Пионер — враг кулаков и буржуев, за интернационал рабочих.

Законы2 1929

Пионер предан делу рабочего класса, заветам Ильича. Всегда и везде дает отпор классовому врагу.

Законы 1931

Пионер держит равнение на героев борьбы и труда.

Законы 1967

⁴³Рассказ был перепечатан в сборнике для изложений [Афанасьев:1954, 46–47].

В этих формулировках заявляется способность пионера бороться с врагами советского государства, которая трактуется в первую очередь как героизм. Хотя и в более широкой формулировке «Пионер — всем пример» заложена способность пионера к высшей степени самоотдачи, и в пределе — совершению подвига. Таким образом, если понимать героизм как максимальную самоотдачу или, как сформулировал в одной из своих работ Х. Гюнтер, «радикальную самоотдачу» [Günther:1990], то требование героизма рассредоточено практически по всем положениям Законов. По замечанию одного из критиков детской литературы 1920-х годов, «пионерское движение, как организованная форма выявления революционного настроения ребят, дает выход их героическим инстинктам» [Покровская:1926, 44].

После формулировок положений о героизме во многих изданиях Устава приводились списки пионерской литературы, содержащей героическую тематику. Например, в одном из изданий 1961 года можно обнаружить следующую подборку:

ЗАКОН 5 Пионер чтит память тех, кто отдал свою жизнь борьбе за свободу и процветание советской Родины. В твоей памяти всегда живут имена тех, кто отдал свою жизнь за то, чтобы ты мог спокойно и мирно засыпать под крышей родного дома. Среди них были и твои ровесники.

Читайте книги:

Кононов. Рассказы о Чапаеве, 4–8 кл.

Островер. Николай Щорс, 5–7 кл.

Т. Космодемьянская. Повесть о Зое и Шуре, 5–7 кл.

А. Алигер. Зоя, 6–7 кл.

В. Губарев. Павлик Морозов, 4–6 кл,

Е. Ильина. Четвертая высота, 5–7 кл.

Л. Кассиль и М. Поляновский. Улица младшего сына, 4–7 кл.

Е. Кошечкина. Повесть о сыне, 5–7 кл.

А. Мойжес, Д. Богданов. Помни их имена, 5–7 кл.

ЗАКОН 10 Пионер — всем ребятам пример

Даем мы клятву пионеров:
Заветы Ленина хранить,
Во всех делах служить примером
И правдой Родине служить.

Читайте книги: А. Гайдар Тимур и его команда, 4–6 кл.
В. Губарев. Павлик Морозов, 4–6 кл .
Смирнов. Саша Чекалин; 6–7 кл..
Котик. Он был пионером, 6–7 кл.
Л. Кассиль, М. Поляновский. Улица младшего сына, 4–7 кл.
Так поступают пионеры, 4–7 кл.
Сборник: Советской страны пионер, 4–7 кл.
Л. Хотилевская. Пионер — ребятам пример, 1959
[Впомощь:1961, 3–8].

В список героических персонажей включены Василий Чапаев, Николай Щорс, Гуля Королева, Зоя Космодемьянская, комсомольцы-молодогвардейцы, пионеры-герои, литературные герои (Тимур и др.). Набор исторических персонажей нельзя считать сугубо пионерским: он является общим для всей советской идеологической системы, так как требование героизма в пионерской воспитательной программе не было изолировано от советской культуры в целом. Каждый советский человек при стечении определенных обстоятельств мог и должен был совершить подвиг, и пионеры в том числе. В советской литературе интенсивно создавались тексты (романы, беллетризованные биографии и пр.), в которых персонажи действовали согласно героической схеме поведения, и пионерские героические сюжеты органично встают в один ряд с аналогичными сюжетами взрослой литературы⁴⁴.

⁴⁴ Любопытно, что именно образцы «героического» соцреалистического романа попадали в школьную программу по литературе, что свидетельствует, по мнению Е. А. Добренко, об «инфантилизации» как черте соцреалистического метода: «... советская классика, адресованная взрослым (Островский, Фадеев, Фурманов, Шолохов, Ал. Толстой) неизменно и немедленно «спускалась» на этаж собственно детской литературы, уходила в школу: закрепленная в этой литературе парадигма сознания (с классовой ненавистью, культом героя и борьбы, образом врага, тайной заговора, сектантством, жестокостью) полностью соответствует детскому несоциализированному сознанию» [Добренко:1993, 35] (ср. о «детскости» соцреализма у М. Чудаковой [Чудакова:1990], также об этом в [Günther:1993]).

2. Соцреализм и героический пионерский нарратив

В русле героизации повседневной советской жизни создавались тексты, в которых описывалось, как образцовые советские люди (взрослые и дети) совершают героические поступки на производстве, на селе, в школе и дома. Эта тематика реализовывалась в различных жанровых формах, но прежде всего в соцреалистическом романе, массовой песне и такой разновидности художественно-документальной прозы, как беллетризованные биографии советских героев.

Х. Гюнтер связывает такое пристрастие к героизму с особенностями тоталитарных культур как таковых: «Тоталитарным культурам свойственно настойчивое стремление к узурпации энергии героического мифа, с тем, чтобы использовать его для своих целей. Массовая идентификация с героем и подражание ему ставятся на службу выполнения государственных задач. Мобилизующая функция героизма находит свое выражение в институционализированном пангероизме. В следствие этого все сферы жизни превращаются в арену борьбы, на “фронтах” и “участках” которой инсценируются “походы”, проходят “битвы” и достигаются блестящие “победы”» [Гюнтер:2000, 749]. Причем, в качестве одного из высших проявлений героизма становится жертвование своей жизнью: «Советский человек оказывался перед чреватой неврозом противоречием: для того чтобы стать бессмертным, нужно остаться в памяти народной. Для того чтобы в ней остаться, нужно совершить акт служения общему делу. В предельном случае этот акт состоит в созидании собственной смерти. Смерти особенной — красной, и — на миру. В конечном счете оказывалось, что для того чтобы избежать смерти (стать бессмертным), нужно погибнуть» [Адоньева:2001, 153]. Более того, такая ситуация интерпретируется как нормативная для советского человека: «Самопожертвование во имя социального блага оценивается в художественных текстах, реализующих рассматриваемый миф, не как идеал, но как норма. Она обеспечивает общую жизнь сообщества и возводит ее в абсолютную ценность, ради которой поступление жизнью индивидуальной не экстраординарное событие, но естественное дело» [Адоньева:2001, 141]. С. Зимовец отмечает, что «соцреализм, будучи языком власти и массы, не создает своих художественных кодов, но использует уже наработанные культурой, внутренне их перестра-

ивая», к важнейшим из таких кодов он относит «героическую парадигму» [Зимовец:1989, 121].

Поэтому советской литературе широко представлены сюжеты, в которых персонажи согласно героической схеме поведения совершали подвиг или подвиги. Это могли быть персонажи исключительно литературного происхождения (пусть и имеющие своих прототипов: например, Павел Корчагин, Глеб Чумалов).

В то же время большое число литературных текстов составляли беллетризованные биографии реальных исторических лиц: вождей ВКП(б)⁴⁵, героев Гражданской войны, замечательных современников (партийные лидеры, летчики, полярники, ударники социалистического строительства)⁴⁶ и пр. С другой стороны, в советской литературе первых десятилетий резко возрос интерес к «давней» истории, причем в силу идеологических причин истории революционных эпох и событий, поэтому «героями советских биографических романов становятся Разин, Пугачев, декабристы» [Яркова:2002, 99]. В число героических персонажей входили и другие исторические фигуры, которым был придан статус борцов за рабочее дело, например, Спартак⁴⁷. Для детей создавались отдельные произведения об этих персонажах, в частности, в 1920-е годы выходили книги о Степане Разине [Алтаев:1925], декабристах [Малиновская:1925], Спартаке [Михайлов:1924], [Гуревич:1924], [Кагаров:1924], С. Халтурине [Лещинская:1925], Тарасе Шевченко [Друнин:1925].

Независимо от историчности/вымышленности героя образ его создавался в едином «героическом коде» (об особенностях этого кода существуют авторитетные исследования, на которые мы опирались в

⁴⁵Например, о некоторых особенностях беллетризованных биографий В. И. Ленина см. в [Тумаркин:1997].

⁴⁶В 1930-е годы подобных произведений выходило множество, например, [Жизнь:1934], [Киров:1935], [Киров:1936], [Летчики:1938], [Багиров:1938], [Сталинградский:1938], [Мельчин:1939], в том числе и для детей [Солнцев:1925], [Разин:1926], [Вожди:1924], [Калинин:1924] и мн. др. И в последующие годы беллетризованные биографии советских вождей и героев продуцировались весьма интенсивно.

⁴⁷О беллетризованных биографиях Спартака существует любопытное исследование Е. А. Чигменцева, в котором он приводит сведения о становлении литературного образа Спартака, начиная с середины XIX века и заканчивая 1920-ми годами. В частности, исследователь отмечает: «Образ Спартака, бытующий в культуре нового и новейшего времени, выступал как клишированный символ борьбы за свободу <...>» [Чигменцев:2001, 150]. В серии «Библиотека пионера» (подзаголовок «Великие борцы и мятежники») распространялся вариант жизнеописания Спартака, составленный А. Михайловым [Михайлов:1924], по замечанию Е. А. Чигменцева, «это сочинение несло откровенную пропагандистскую и воспитательную окраску» [Чигменцев:2001, 148].

своем анализе ([Добренко:1993], [Добренко:2000], [Есаулов:2000], [Рыклин:2000], [Кларк:2002]), а также более ранние исследования ([Геллер:1974], [Günther:1984], [Надточий:1989], [Зимовец:1989], [РозинДавыдов:1990], [Синявский:1990], [Günther:1990], [Тюпа:1990] и др.). На основе наблюдений и выводов названных исследователей соцреалистического романа можно утверждать, что пионерский героический нарратив типологически сопоставим с соцреалистическим романом и беллетризованными биографиями советских героев.

Жанровые источники героического кода разнообразны. Это и жития святых, и русская демократическая литература XIX века⁴⁸, и агитационная «народная» литература XIX века, и некрологи советского периода, и некоторые другие жанры. Однако, в первую очередь пионерской литературой усваивались предшествующие текстовые традиции, адресованные детям.

3. Предшествующая традиция героических нарративов для детей

Среди предшественников, продолжавших традицию нравоучительной детской литературы XIX и оказавших влияние на пионерский героический нарратив, следует назвать дореволюционную литературную продукцию, описывающую похождения юных героев Первой мировой войны (например, [Сokolовский:1914], [Русаков:1915], [Чарская:1916], [Радугин:1916]). По мнению И. Лупановой, главным содержанием этой авантюрно-приключенческой литературы явилась «героика, романтика, полноправное участие юного героя в событиях важных и значительных» [Лупанова:1969, 43].

Близкая традиция изображения героических поступков была и в скаутской литературе. Описание скаутских сюжетов можно почерпнуть в аннотации на один из сборников рассказов «Будь готов», вышедший в 1923 году: «Материал сборника объединен одной тенденцией, которая выражена в заглавии первого рассказа и всего сборника: находчивость во время серьезной опасности, твердость духа, самопожертвование для спасения других, —

⁴⁸Прежде всего имеется в виду народнический роман с присущим ему особым типом героя-мученика: «Мученичество, жертвенность составили неотъемлемую черту народнической этики и явились ведущим мотивом в произведениях, посвященных изображению революционера-семидесятника и его среды» [Маевская:1988, 14] (см. также [Маевская:1975], [Маевская:1978]).

вообще геройские поступки мальчиков и девочек, причем героями часто оказываются скромные и робкие в обыденной жизни дети» [Новдеткниги:1924, 28]. Показательна и характеристика первого рассказа «Будь готов» — «типичный скаутский рассказ, *иллюстрирующий* жизненную важность скаутских принципов» [Новдеткниги:1924, 29]. В этой характеристике эксплицирована взаимосвязь воспитательной программы скаутского движения и скаутских литературных произведений. В такой же зависимости, как уже было сказано, находятся пионерские уставные положения и сюжетные произведения пионерской литературы. В одном из изданий скаутского устава [Юномуразведчику:1911] вслед за формулировками законов помещены примеры-иллюстрации из жизни исторических лиц, совершивших героические поступки. События, выдаваемые за действительные, зачастую являются вариацией исторических анекдотов или фольклорных текстов (слухов). К первым можно отнести пример о гренадере, который по приказу Петра I был готов броситься со второго этажа; ко вторым — сюжет о рядовом Кошке, который вытаскивает из траншеи погибшего унтер-офицера, чтобы турки не надругались над его трупом. В то же время в ряду героев, почитаемых скаутами, оказывались и действительно исторические лица:

Не только во время войны бывали у нас герои-разведчики, но и в мирное время (ушкуйники, запорожцы). Богдан Хмельницкий, Ермак Покоритель Сибири, Дежнев, Миклуха Маклай, Пржевальский, Грум-Гржимайло, Семенов Тянь-Шанский, Козлов, Перфильев, Поярков (Амур), Атласов (Камчатка) и другие.

Нам следует подражать им в жизни. Это славная жизнь, но к ней нужна подготовка с детства

[Памяткаюр:1911].

Таким образом, в скаутских героических нарративах герои могли быть и вымышленными, и реальными историческими лицами. Эту традицию в отборе персонажей продолжила пионерская организация, которая в качестве героев выдвигала реальных и вымышленных героев-детей пролетарского происхождения.

Ближайшим же предшественником пионерского героического нарратива является детская литература начала 1920-х годов. Героическая тема в

ранней советской детской литературе имеет, по крайней мере, две сюжетные разновидности. Первая — это тексты, в которых персонажи-дети совершают героические поступки по спасению людей, чаще сверстников. Характерным примером является сборник рассказов «Два мира», вышедший в 1923 году [Двамира:1923]. В нем пролетарские дети спасают своих сверстников дворянского происхождения. В рассказах В. Винниченко «Федька Хламидник» и В. Муйжеля «Рыжий приятель» пролетарские ребята Федя и Сеня спасают на воде барчуков; в первом случае герой, простудившись, умирает. Спасаемые барчата показаны безвольными и завистливыми, спасатели, «ребята бедноты», — решительными и великодушными. Эти черты персонажей разовьются впоследствии в сходных пионерских сюжетах, в которых в роли спасателей уже будут выступать пионеры.

Вторая разновидность сюжетов — это героические поступки персонажей-детей во имя победы революции. Типичными примерами такого типа произведений являются «Красные дьяволята» П. Бляхина [Бляхин:1924], «Макар Следопыт» Л. Остроумова [Остроумов:1925], «Дни боевые» С. Ауслендера [Ауслендер:1926] (а также книги С. Т. Григорьева [Григорьев:1924], В. Д. Ряховского [Ряховский:1926], Д. Четверикова [Четвериков:1926], А. Кравченко [Кравченко:1924], М. Михайлова [Михайлов:1925] и мн. др.). По мнению Е. М. Балашова, для этих произведений «сюжеты черпались, по большей части, из событий гражданской войны. Эта литература должна была заменить прежние аполитичные приключенческие сочинения с экзотическим, туземным, морским и т. п. фоном. Она, как и литература для взрослых, была наполнена героическим пафосом гражданской войны. Новой литературе был свойствен эмоциональный порыв, события изображались контрастно, черной и белой краской, описание героики было упрощенным и схематичным. Тем не менее, на этой основе в течение нескольких лет образовалась своего рода литературная «школа». Основным жанром литературы стал приключенческий роман, со всеми его типичными литературными приемами. Героями чаще всего были дети — «красные партизаны», которые, столкнувшись лицом к лицу с «классовым врагом» (попав в плен к белым и т. п.), ловко, быстро и просто преодолевали все опасности и препятствия и выходили победителями злодеев, противников. Белые же представлялись негодяями, обжорами, пьяницами, лентяями и дураками, так что обмануть

и победить их не стоило никакого труда» [Балашов: 2003, 38]. О схематичности этих произведений говорили еще литературные критики 1920-х годов, например, А. К. Покровская резко критиковала повесть П. Бляхина «Красные дьяволята» [Покровская:1926].

Правомерно и еще одно утверждение Е. М. Балашова: «наиболее перспективными в отношении политического воспитания являлись те сочинения, которые учитывали возрастные особенности интересов детей и были максимально приближены к этим интересам. Именно это и подтверждают примеры большой популярности книг, авторы которых использовали традиционные приемы авантюрно-приключенческого жанра: стрельбу, погоню, скачки, смертельно опасные ситуации, из которых главные герои всегда находят хитроумный выход. Однако события в этих книгах разыгрывались теперь не в североамериканских прериях, а в России времен гражданской войны, и борьба героев за добро и справедливость уже не носила отвлеченно гуманный характер, а окрашивалась определенными политическими лозунгами» [Балашов: 2003, 40].

Только начиная с 1922 года появились тексты, героями которых стали именно пионеры, современники читателей, совершающие героические поступки⁴⁹. Эти тексты были предназначены для использования в коллективной пионерской практике в качестве материалов для пропагандистских и воспитательных бесед, а также для инсценирования и пения. Рассмотрим эти сюжеты более подробно.

4. Ранние формы пионерского героического нарратива

С 1922 года и до начала 1930-х годов персонажи — дети-современники — как правило, не соотносились с историческими лицами. Вымышленные истории о подвигах пионеров имели своим содержанием предотвращение катастроф, спасение на пожаре и на водах, строительство коммунистического образа жизни в деревне и пр. Эти произведения были не только авторскими (например, [Гумилевский:1925], [Данько:1925], [Кореньков:1925], [Федоров-

⁴⁹Ср., «другим направлением детской литературы стало изображение современной жизни советского ребенка, прежде всего, «нового» ребенка — пионера» [Балашов: 2003, 38].

Давыдов:1925], [Пушкарев:1925], [Кожевников:1926], [Минаев:1927]), но и анонимными (например, [Неходи:1925]).

При этом герои этих сюжетов изображались настолько схематично, что методисты, исследующие состояние пионерской и детской литературы, делали следующие наблюдения: «Все эти новые дети, — писал один из литературных обозревателей, — все эти фабзайчики и пионеры удивительно похожи один на другого: все одинаково бодрые, жизнерадостные, всегда готовые, всегда говорят одинаковой речью, то гладкой, как пункты инструкций, то задорно-косноязычной, как кружковый жаргон» [Марголина:1926, 114].

В этих произведениях использовались не только героические текстовые модели, но и другие, уже традиционно предназначенные детской аудитории. Так, в одном из произведений — рассказе К. Минаева «Ариша-пионерка» — представлен сюжет о пионерке, проявившей стойкость по отношению к родителям, запрещающим вступать в ряды пионерской организации. В нем героиня, не смогла преодолеть сопротивление родителей, ушла из дома и замерзла на морозе. Причем показательно, что героиня сама осмысляет свою включенность в литературную традицию: «Вспомнила, что есть такая сказка в одной книжке, про одного беспризорного мальчика, который замерз в Рождество под окном» [Минаев:1926, 13]. На использование К. Минаевым жанровых особенностей «рождественской истории» впервые указал Ю. В. Дюжев [Дюжев:1972, 105]. Помимо привлечения известных мотивов святочного рассказа, встречаются и более частные аллюзии, например, библейские символы жертвенности: найденную замерзшую девочку бабы называют «овечкой беленькой». Включение уже знакомых для юных читателей приемов создания образов и сюжета должно было способствовать тому, чтобы новые идеологические постулаты становились более доступны читателю.

5. Беллетризованные биографии пионеров-героев

С начала 1930-х годов стали создаваться тексты для пионеров, повествующие о реальных исторических лицах — современниках читателей: взрослых героях и детях-героях (например, в серии «В помощь пионервожатому» в 1938 году вышли следующие книги: [Куйбышева:1938], [Оботважных:1938],

[Оботважсовет:1938], [Постапин:1938] и мн. др.). Такие тексты можно отнести к жанру художественных (или беллетризованных) биографий.

Беллетризованные биографии исторических лиц на момент начала тридцатых годов — жанр со сложившейся традицией. В жизнеописании персонажа сочетаются установка на достоверность и документальный/исторический факт, с одной стороны, а с другой — применяются литературные приемы создания образа героя. Первое обычно рассматривается в исторической науке как соотношение правды исторического факта и художественного вымысла, и в конкретных случаях вопрос об историчности решается в ту или иную пользу (среди таких работ можно назвать исторические работы о беллетризованных биографиях [Гончарова:2001], [Джаксон:2001]).

С другой стороны, беллетризованная биография как литературный (художественно-документальный) жанр многократно попадала в поле зрения литературоведов (например, [Каёс:1967], [Барахов:1985], [Яркова:1999], [Чигменцев:2001], [Яркова:2002] и др.). Особенное внимание уделялось беллетризованным биографиям писателей, поэтов, композиторов и других творческих личностей, тем более что в большом числе случаев их «литературные портреты» писались профессиональными писателями.

С точки зрения поэтики беллетризованные биографии обладают следующими чертами: последовательность повествования определяется хронологией жизни персонажа, характеристика героя включает две тенденции описания: индивидуальные черты личности и типичные черты этой личности как выдающегося представителя какой-либо отрасли человеческой деятельности (писатель, композитор, ученый, первооткрыватель и т. д.) и др. Структура повествования имеет вид «типовой схемы социализационного процесса», которая репрезентирует целостность личностного становления, жизненный путь «как последовательное и необратимое самоосуществление личности» [Дубин:2001, 102, 104], при этом изображение жизни разбивается на наиболее значимые сегменты: детство, дом, «первое» воспоминание, «последние» слова перед смертью и пр. [Дубин:2001, 118]. Как правило, круг ценностей, которые стоят за беллетризованными биографиями определяет какая-нибудь социальная группа (салон, творческое содружество, дружеско-семейный круг и пр.) или социальный институт. Так, советский партийный аппарат контролировал и направлял как серийные издания беллетризованных биографий (на-

пример, «Жизнь замечательных людей», возобновленная М. Горьким в 1933 году), так и отдельные издания. Поэтому и персонажный состав советских биографических нарративов находится в жесткой связи с идеологическими приоритетами коммунистической партии: персонажи должны были быть борцами за дело рабочего класса.

Помимо биографий взрослых героев, в 1930-е годы появились специальные произведения для детей, членов пионерской организации, персонажами которых были дети-герои, со временем за этими детьми закрепилось наименование «пионеры-герои»⁵⁰. То, что жизнеописания детей-героев возникли в конце 1920-х — 1930-х годов, связано с тем, что в новых условиях мирного строительства потребовалось сформировать представление об образе жизни типичного советского ребенка — пионера. Им стала каждодневная готовность к совершению подвига:

Весь Советский Союз знает пионера-героя Павлика Морозова, убитого кулаками. Он не побоялся выступить против своего отца, когда узнал, что тот вредит делу социализма. Таких героев, как Павлик Морозов у нас много. У нас много пионеров, предотвративших крушение поездов, разоблачивших воровские шайки, пионеры с опасностью для жизни задерживали расхитителей социалистической собственности. Эти герои должны быть примером для каждого пионера и школьника

[Пионер:1935, 5].

Обратимся к возникновению и развитию этой текстовой традиции.

5.1. Традиция текста

Беллетризованные биографии пионеров-героев в подавляющем большинстве представляют собой произведения, клонированные по одной текстовой модели. Эта модель формируется в конце 1920-х и особенно интенсивно в 1930-е годы, когда в массовой пионерской печати появляются многочислен-

⁵⁰Несмотря на то что адресатами таких жизнеописаний были дети, почитались пионеры-герои не только детьми, но и всеми советскими людьми, во многом в силу экстраординарности подвига, совершенного во младенчестве или отрочестве. Х. Гюнтер полагает, что культ молодости в его связи с героическим мифом в тоталитарных культурах 1930-х годов использовался «для консервации политического инфантилизма масс» [Гюнтер:2000, 749–750].

ные публикации, посвященные героическим поступкам юных ленинцев, — подобные публикации можно обнаружить почти в каждом номере центральных и провинциальных детских газет и журналов⁵¹. Таким образом, зарождение текстовой традиции самым непосредственным образом связано с газетно-публицистическим дискурсом. В исторических архивах в качестве документов поныне хранятся соответствующие газетные вырезки⁵². Все последующие публикации материалов о подвиге героя (как авторские, так и анонимные) опирались на газетные сообщения. Газетное происхождение этих текстов очень существенно отразилось на особенностях сюжета и языка.

В газетах же сообщалось о реакции читателей на публикации: обычно в следующем номере издания помещались письма ребят, в которых они настаивали на суровой каре для «врага народа, убившего пионера-отличника», брали на себя обязательства во имя памяти героя (учиться на «отлично», «объявляю себя ударницей имени Коли Яковлева»). Размещалась информация и о реакции общественности и органов управления пионерской организации: занести имя героя в «красную книгу имени XVII съезда партии при «Пионерской правде»⁵³, построить памятник на родине героя, на месте его гибели или в Москве, как Павлику Морозову и т. д. С началом войны роль периодики еще более возросла: во фронтовых и тыловых изданиях публикуются донесения с мест о подвигах детей на фронте и в тылу врага.

Впоследствии «голый факт» обрабатывался и перепечатывался в других изданиях. Объем републикуемых текстов колеблется от конспективной заметки до художественного очерка и повести, но качественного отличия в структуре и топике у свернутых и пространных газетно-журнальных вариантов нет.

К середине 1930-х начинают издаваться авторские и анонимные брошюры различного художественного качества [Соломеин:1933], [Зильвер:1938];

⁵¹Ср. воспоминание одного из пионеров тех лет:

К тому же и знаний у нас было маловато. Новая советская школа только создавалась. И книг хороших советские писатели еще не писали. Мы узнавали новый мир по газетам, митингам, рассказам взрослых

[Фарафонов:1969, С. 36].

⁵²Например, в ЦАМО (Москва) материалы о Коле Мяготине представлены вырезками из газеты «Красный Курган» за 1932 г. (Ф. 2. Оп. 1. Д. 12).

⁵³Пионерская правда. 1933. 27 дек. № 106 (743).

[Смирнов1:1938]; [Пушкарев:1940]. Первые отдельно изданные жизнеописания, претендующие на художественное качество, возникают в 1950-е годы (например, [КассильПолян:1955], [Корольков:1959], [Бейшаналиев:1959], [Морозов:1959], [Суворина:1959] и мн. др.).

Накопившийся материал, значительно пополнившийся во время войны, потребовал систематизации. Была создана Книга Почета Всесоюзной пионерской организации, и именно с ее появлением в начале 1950-х (она была обнародована после XII съезда ВЛКСМ (19–27 марта 1954 г.) упорядочился официальный состав пионеров-героев. Книга не только представляла собой именник героев, но и содержала краткое описание их подвигов (помимо героев, в книгу заносились отличившиеся пионерские дружины, отряды и пр). Параллельно шло создание региональных списков: областных и городских Книг Почета.

В централизованный список вошли отдельные дети-герои периода коллективизации и первых пятилеток, а также большое число детей, отличившихся в годы Великой Отечественной войны. Формального признака отбора в «основной состав», пожалуй, не было: только четверо пионеров Великой Отечественной войны были Героями Советского Союза (З. Портнова, Л. Голиков, В. Котик, М. Казей), остальные были награждены различными орденами и медалями. Однако степень награды и даже включенность в списки Книг Почета не имела значения при отборе.

Состав героев не был замкнутым: число известных советскому ребенку пионеров-героев пополнялось за счет «местнотимых» — региональные (особенно белорусские) издания с названием «Пионеры-герои» исчисляются десятками. Процесс пополнения в послевоенное время стал и ретроспективным: добавились дети-герои периода становления пионерской организации, дети-герои дореволюционного периода и первых лет советской власти — пионеры-герои обрели героев-предтеч, которые все же остались вне канонического списка⁵⁴. Эти герои-предтечи частью были зафиксированы в местных Книгах Почета, их имена и аннотации подвигов входили в биобиблиографические

⁵⁴Именно принадлежность к пионерской организации станет достаточным условием для совершения зрелого героического подвига. Не случайно, если подвиг совершает ребенок непионерского возраста, в тексте обязательно уточняется мотивировка: он будущий пионер и совершил определенный поступок, следуя примеру пионеров, — «как настоящий пионер» (или, как в случае с Павликом Морозовым, его членство в пионерской организации подтасовывается).

указатели (например, [Пионерыгерои:1972], [Орлята:1983]). Таким образом, число пионеров-героев (и, соответственно, их жизнеописаний) с 1950-х годов росло в геометрической прогрессии. Выходят многочисленные сборники, содержанием которых становятся сокращенные, развернутые, обработанные и переработанные редакции предыдущих публикаций и вновь создаваемые на основе материалов архивов и газетных сообщений. Так, в 1956 году Московский городской Дом пионеров издает брошюру [Пионерыгерои:1956], в которую входят 10 текстов, а в 1958 году сборник с тем же содержанием перепечатывается в Свердловске [Пионерыгерои:1958], а еще через год — в Воронеже [Пионерыгерои:1959]. Во втором издании добавляется один абзац, содержащий в себе директиву очередного, вновь состоявшегося за время переиздания брошюры пленума: «Знать о подвигах пионеров-героев — требование одной из пионерских ступеней, утвержденных 2-м пленумом ЦК ВЛКСМ от 30 июля 1958 г.» [Пионерыгерои:1958, 3], а в воронежском издании появляются рисованные портреты. Сложилась ситуация, при которой «изготовление» жизнеописаний было поставлено на поток.

Сборники и монографии циклизуются в серии: «Жизнь подвиг», «Юные герои», «Компас», «Библиотека юного патриота» и др. Список с прилагающимися портретами и жизнеописаниями (в виде буклета), с которым должны были быть ознакомлены все дети, вступающие в ряды пионерской организации, включает в себя около 25 имен.

Сюжеты о пионерах-героях реализуются в разных жанровых формах. Помимо прозаических, создаются поэтические и драматические переработки сюжетов: стихи, песни, пьесы⁵⁵. Жанровая специфика этих текстов сочетается с устойчивым содержанием и топикой героического нарратива. Эти произведения включались в состав репертуарных сборников для школьной самостоятельности и рекомендовались в качестве материала для пения и декламации, а также постановки силами школьных театров и самостоятельных коллективов. К середине 1950-х годов в списках рекомендованной литературы появились рубрики «Наше героическое прошлое» или «Твой герой-современник». В них нашла отражение нестройность системы: в списки входят не

⁵⁵Назовем лишь некоторые: «Песня о пионерах-героях» (слова С. Гребенникова и Н. Добронравова, музыка А. Пахмутовой), С. Михалков «Песня о Павлике Морозове», С. Щипачев «Павлик Морозов» (поэма), Л. Румянцев «Песня о нем не умрет» (пьеса), С. Васильев «Красный галстук» (поэма о Коле Мяготине), М. Познанская «Валя Котик» (поэма) и мн. др.

только пионеры [Губарев:1953], [Кассильполян:1955], [Коршунова:1957], но и комсомольцы [Космодемьянская:1950], [Кошечкина:1951], [Ильина:1954]⁵⁶. Такая нестройность имеет простое объяснение: каждый советский человек был пионером, и его поступки мыслятся как детерминированные его пионерским прошлым.

На протяжении сорока послевоенных лет кампания по накоплению материалов о пионерах-героях стабильно продуцировала и репродуцировала тексты, вплоть до того, что к началу 1980-х вышла брошюра под названием «Пионеры-герои: Учебное пособие» [Пионерыгерои:1982], представляющая собой биобиблиографический справочник, который содержит краткие «выжимки» из пионерских жизнеописаний, предельно аккумулировавшие клише, возникшие за годы развития текстовой традиции героических нарративов. Эти «выжимки», пожалуй, уже с полным основанием можно назвать краткими редакциями⁵⁷. Хотя, с другой стороны, еще в газетах 1930-х годов, и в частности, «Пионерской правде», публиковались похожие, если не сказать идентичные, аннотированные списки детей, совершивших героические поступки. Так, летом 1934 году прошла кампания под названием «200 лучших едут в Артек». В пионерской периодике рядом с именем приводилась краткая характеристика подвига ребенка:

1. Оля Балыкина — пионерка Татарии, разоблачившая своего отца и вместе с ним группу воров колхозного хлеба.
2. Ваня Бечериков — пионер Северного края, деткор «Пионерской правды», разоблачивший шайку воров колхозного имущества у себя в деревне.

<... >

⁵⁶Приведенный набор — это список рекомендуемой литературы о пионерах-героях в информационном бюллетене липецкой пионерской организации. ЦАМО — Ф 2. ОП. 1 Д. 50. (информационный бюллетень № 2. Липецк. 1958).

⁵⁷В 1970–1980-е годы, краткие редакции жизнеописаний пионеров-героев распространялись и еще одним письменным способом — через пионерский дневник. Меморативное описание такого дневника приводится в монографии С. Б. Адоньевой: «У нас были дневники пионера. Он был очень похож на песенник, тоже тетрадка в 48 листов. Куда наклеивались всякие украшения. Куда переписывались разноцветными ручками со всякими завитушечками законы пионеров Советского Союза, там нужно было писать обязательства и отчеты, и я помню, что мы писали рассказ о пионере-герое, чьим именем названа твоя улица, у нас же район партизанско-пионерский» [Адоньева:2001, 146].

17. Проня Колыбин — пионер Северного края, разоблачивший свою мать, воровавшую колхозный хлеб.

18. Казбек Хумаров — пионер Осетии, спасший колхозную лошадь, несмотря на грозившую ему опасность быть раздавленным поездом.

<...>

37. Любцев Митя — пионер Московской области, разоблачивший своего отца-конюха, который систематически пьянствовал, часто не кормил колхозных лошадей.

[Пионерская правда, 18 июня 1934 № 76 (1375);
4 июля 1934 № 84 (1383)].

Для сравнения приведем аннотацию подвига, составленную 50 лет спустя:

Любцев Митя. Разоблачил своего отца пьяницу-вредителя, который систематически недокармливал коней (Московская обл.). Летом 1934 года премирован путевкой в «Артек».

Пионерская правда, 1934, 4 июля [Пионеры-герои:1982, 46].

Правка составителя учебного пособия несущественна: борьба с пьянством родителей, столь актуальная для 1920–1930-х годов, к 1980-м годам ушла на задний план, перестала быть предметом официально-публичной критики.

Таким образом, по мере того как в конкретных произведениях реализовывалась героическая схема сюжета, развивалась текстовая традиция. Причем, как в кратких, так и в полных редакциях, как в публицистических, так и в литературных вариантах сюжетов сохранялись единые черты героического нарратива.

5.2. Характеристика персонажа героического нарратива

5.2.1. Имя героя

Персонажи именуются особым образом: и в именниках, и в жизнеописаниях все дети названы неофициальным (а иногда и уменьшительным)

вариантом имени: Павлик, Володя, Гриша, Лида и т. д. Антропонимическая «уменьшительность» акцентирует детскость персонажа, что в свою очередь придает выделенное значение подвигу. Это правило не имеет исключений, поэтому среди имен детей-героев можно встретить довольно редкие для официальной публицистики: Киря, Нюра, Луша, Проня и пр. В случае, если дети-герои оказываются полными тезками, реализуется запрет на одинаковое имяназачение, в том числе чтобы носители культа легко различали своих героев. Поэтому наряду с первым пионером-героем Павликом Морозовым есть и менее знаменитый Павлуша Морозов, который участвовал в проводимой в 1934 году акции «Дозорные урожая» и прославился тем, что одним из первых устроил смотровые вышки, чтобы надзирать за вредителями и ворами колхозной собственности.

5.2.2. Портретная характеристика персонажа

В портретной характеристике героев нет единого «образа» героя. Внешность героев не описывается как нечто экстраординарное; скорее, напротив, можно говорить об «обычности» внешнего вида героев, их незаметности на фоне остальных детей. Подчеркивание внешней обычности и даже заурядности героев должно поддерживать идею, что каждый ребенок независимо от своих внешних данных способен совершить подвиг (сходные наблюдения над внешностью героя соцреалистического романа приведены в исследовании К. Кларк [Кларк:2002, 58–61]).

5.2.3. Описание раннего детства: жанровые и стилистические традиции

В полных редакциях повествование обычно начинается с описания детства героя, которое описывается стереотипно: младенческие годы, учеба, увлечения, участие в пионерской работе.

В качестве отдаленной типологической параллели следует указать на описание детства эпических героев (например, богатырей в русском героическом эпосе). С. Ю. Неклюдов в своем исследовании изображения детства в героическом эпосе отмечает: «Функция героического детства – подготовка и предыстория сюжета, и она требует некоторого количества исходных

тематических единиц, связанных с описанием рождения и роста богатыря» [Неклюдов:1974, 130]. К таким тематическим единицам он относит мотив чудесного зачатия, чудесное рождение, наречение имени, воспитание героя вне дома, необыкновенные качества и др. Эти же элементы есть и в художественных биографиях пионеров-героев. При всех очевидных параллелях говорить об источниках именно такого изображения детства нужно весьма осторожно, генетическая прямолинейность в этом случае вряд ли оправдана. Стоит согласиться со следующим утверждением С. Ю. Неклюдова: «... рассмотренные формы обладают необыкновенной жизнеспособностью. За пределами героического эпоса и подчас вне зависимости от него к подобным типам описания тяготеют многие легенды агиографического характера, повествующие о ранних годах исторического или квазиисторического лица» [Неклюдов:1974, 140]. К такому типу текстов можно отнести и рассматриваемый материал.

В жизнеописаниях пионеров-героев можно обнаружить в первую очередь следующие черты описания детства: это особая дата (или обстоятельства) рождения и необыкновенные качества личности.

В первом случае совпадение рождения с советским государственным праздником (например, в день Великой Октябрьской революции [Симонова:1985, 20]) интерпретируется как признак предначертанности будущей героической жизни.

Особые обстоятельства рождения (во время трудовой деятельности во благо советской страны, на государственной границе и пр.) имеют не только параллель в героическом эпосе, но и вполне определенный жанровый источник — агиографический канон изображения детства святого. Так, троекратный возглас Сергия Радонежского еще в утробе матери, прозвучавший во время литургии, предрекает родителям славную судьбу будущего подвижника. Говорить о влиянии агиографического канона на жизнеописания пионеров-героев приходится с большой уверенностью, так как его черты проявляются не только в образе героя, но и в сюжетных ситуациях: например, испытание мукой, обретение тела и др. Дополнительным аргументом является и то, что влияние агиографической поэтики распространялось на многие жанры советской литературы — это явление регулярное, зафиксированное исследователями и на другом материале [Кларк:2000], [Подлубнова:2005] и др.

Вторая особенность детства пионера-героя, это проявление задатков будущей неординарной судьбы, которое выражается в присущих ребенку добродетелях: ранняя сознательность, успехи в учебе и общественной деятельности, спортивность и пр. Прогностическая функция детства героя – характерная черта любого жизнеописания выдающегося персонажа. «Это <детство — С. Л.> своего рода инкубационный период, когда происходит становление и накопление характерологических черт персонажа» [Неклюдов:1974, 129]. Также, как и многие эпические герои, пионеры-герои стремительно взрослеют (но при этом остаются молодыми, даже правильнее сказать, детьми), одна из главных характерологических черт такого ребенка — сознательность⁵⁸.

В целом, кодекс добродетельного советского ребенка гетерогенен. Часть из добродетелей — это внеидеологические нравственные ценности: почитание родителей, любовь к чтению и учебе⁵⁹, к природе, аккуратность, верность слову, а часть — нововведения пионерской организации: отличная учеба как участие в социалистическом строительстве, активное участие в общественной работе, спортивность, бережливость по отношению к социалистическому имуществу, овладение техническими знаниями:

Весть о вероломном нападении фашистских захватчиков на нашу Родину облетела все уголки страны. Об этом узнали и жители деревни Бережки Чернавского района. Прошло немного времени, в декабре 1941 года немцы оккупировали эту деревню. Пионер Леня Гладких оставил школу, но он не расстался с книгой, любил ее. Прочитав книгу Островского «Как закалялась сталь», он стал во всем подражать Павлу Корчагину, стремился быть таким, как Павка. Боевые качества Лени зародились еще с раннего детства. Он был боевым, энергичным, волевым мальчиком, любил играть с соседними детьми в лапту, в палочку-застукалочку, часто вместе

⁵⁸Об аналогичной черте героя соцреалистического романа см. в [Кларк:2002, 60–62].

⁵⁹Эта добродетель, по-видимому, также связана с житиями святых, в которых устойчиво встречается описание учебных способностей святого. Так, Феодосий Печерский в отрочестве гнушается детскими играми и учится так усердно, что вызывает общее удивление своими «премудростью и разумом». Подобное обнаруживаем и в изображении детства пионеров-героев. Но стоит уточнить, что в детях-героях высоко оцениваются те добродетели, которые значимы именно для пионерской идеологии, поэтому в жизнеописании не может встретиться персонаж, не усердно овладевающий знаниями, а, напротив, в житиях святых этот случай распространен: к примеру, Варфоломей (будущий Сергей Радонежский) в учебе не успешен.

со своим дедушкой ходил на конюшню, любил коней и катался на них. Дедушка нередко говорил: «Ну, внучек, седлай свою «Бурку», гони коней на водопой»⁶⁰. И так Леня невольно привык и полюбил животных. В первые школьные годы мальчик проявил себя способным учеником. Усидчивая работа над книгой и домашними заданиями позволила ему учиться только на отлично. Со вступлением в пионерскую организацию его охотно избирают председателем совета отряда и членом редколлегии общешкольной стенной газеты. Все поручения он выполнял с честью. Но война изменила жизнь Лени⁶¹.

Большинство добродетелей, приписываемых будущим детям-героям, можно обнаружить в Торжественном обещании, Законах и обычаях пионеров.

Описание подготовительного периода к подвигу тоже имеет ряд стереотипных черт. Из структурных особенностей его описания следует указать и на то, что текст часто разворачивается по принципу тезис — пример. В жизнеописании Лары Михеенко утверждается, что «ко всему живому она относилась по-доброму», и далее рассказывается, как она пожалела собачку и принесла ее в дом [Надеждина:1967, 4]. Наиболее высокой оценки в характеристике пионера удостоивается его политическая активность, верность советским идеалам и стремление просветить сверстников и взрослых:

Много дел появилось у отрядного председателя. «Пионер — всем пример», — любил говорить он своим товарищам и неустанно боролся за то, чтобы каждый, кто надел красный галстук, был настоящим юным большевиком. «Учиться только на «хорошо» и «отлично», — сказал Павлик на очередном сборе, и все пионеры по-ударному, как тогда говорили, взялись за науки

[Смирнов:1961, 65].

⁶⁰В беллетризованных биографиях взрослых героев также устойчив мотив умения героя обращаться с лошастью (напр., [Мельчин:1939]), эту черту героев на материале соцреалистического романа выделила К. Кларк [Кларк:2002, 144].

⁶¹ Материалы из ЦАМО — Ф 2. Оп. 1 Д. 50. (Их имена должны знать пионеры. Пионер-герой Леня Гладких — Информационный бюллетень № 2. Липецкий областной совет Пионерской организации им. В. И. Ленина. 1958. Сентябрь)

Соотношение героя и других детей всегда трактуется в пользу героя. Добродетели, свойственные будущему герою, выделяют его из детского коллектива, подчеркивают его неординарность:

Весною в школе закончились занятия, отец направил Павлика на полевой стан, здесь работали и другие школьники.

Дни горячие. Все заняты до отказа и в свободные часы спешили полежать на траве, отдохнуть, а то и соснуть. Павлик в эти короткие часы вынимал из сумки книгу <«Поднятая целина» — С. Л.>, садился где-нибудь в уголок, чтобы ему не мешали, и целиком отдавался книге

[Пушкарев:1958, 8].

Окружение героя — «другие школьники» — обычно показаны ведомыми будущим героем; они часто имеют недостатки и даже пороки, которые герой обнаруживает и критикует, например, Гена Щукин отдает найденный кошелек учительнице ликбеза, поступив тем самым против общественного мнения ребят, призывавшего на обретенные деньги купить пряники [Смирнов1:1938]. Такое соотношение между героем и второстепенными персонажами — детьми, другими пионерами, характерно в целом для создания системы персонажей в соцреалистическом методе (ср. у Е. Добренко: «Но модель этого противостояния <героя и врага — С. Л.> не исчерпывается обычным столкновением, ибо в задачу героя входит мобилизация массы на борьбу с врагом — передача «энергии созидания» [Добренко:1993, 42]).

Во многих сюжетах готовность к подвигу заявляется в письменном виде — ребенок дает письменную клятву готовности к подвигу и отправляет ее письмом по почте в газету (в Кремль, товарищу Сталину, в Москву, в сельсовет и пр.). Например, Павлик Гнездилов в своем письме Сталину обязуется:

... а когда подрасту, обязательно стану таким же отважным пилотом, как Водопьянов и другие герои Советского союза. Любое задание, которое мне даст товарищ Сталин, я выполню с честью.

1 ноября 1937 г.

Поселок «Заря» Гнездилов Паша

[Пушкарев:1958, 8].

Повседневная жизнь героя до совершения подвига часто включает участие ребенка в информаторской деятельности: он является корреспондентом местной / центральной газеты или пишет разоблачающие письма в органы власти. Мотивация его поступков заключается в активном участии в процессе строительства советского государства, необходимости информировать советскую власть о вражеских происках.

Потенциальная готовность совершить подвиг подкрепляется культом предшественников. Так, Коля Мяготин, прослушав рассказ о Павлике Морозове, в числе других членов отряда пишет письмо к матери героя:

Давайте напишем письмо матери Морозова от нашего пионерского отряда, — предлагает Александра Васильевна (учительница — С. Л.).

«Дорогая Татьяна Семеновна! Вам пишут пионеры села Колесникова». . . — старательно выводит слова Коля.

Подписи составили маленький столбик и против каждого имени пионера появилось еще по одной фразе. Коля тоже сделал приписку: «Татьяна Семеновна! Считайте меня сыном. . . »

[Сухачевский:1967–1969, 12].

Таким образом, в текстах жизнеописаний сказались современные их авторам жанровые и стилистические традиции, прежде всего заметно усвоение составителями жизнеописания жанровых черт советской деловой письменности. В частности, из приведенных примеров видно, как беллетризованные биографии фиксируют характерную для советской эпохи форму — «письмо в газету», — очень распространенный и поощряемый властью способ общения с руководством страны.

С другой стороны, во многих текстах можно обнаружить черты такого жанра как *характеристика члена советского коллектива*. Из них можно назвать следующие: организация текста в соответствии с этапами социализации в советском обществе, характерологические качества (боевитость, энергичность, сознательность и пр.), устойчивые клише: *способный ученик, со вступлением в..., позволила (работать/учиться/выращивать и т. п.) только на отлично* и др. Биографическая характеристика — одна из самых распространенных официальных форм советской деловой письменности, осо-

бенности стиля которой были хорошо знакомы и привычны составителям жизнеописаний⁶².

5.2.4. Деталь как средство создания образа пионера-героя

Отличительной чертой пионера-героя является его особое отношение к пионерскому галстуку⁶³. Из всех составляющих пионерского костюма и других пионерских атрибутов галстук стал основным маркером принадлежности к пионерской организации (ср. в главе 3 разделе 2.2.3. Декламация в пионерских ритуалах). Это объясняется тем, что, с одной стороны, в отличие от горна, барабана, отрядного флажка или знамени, галстук является предметом личной, а не групповой принадлежности. С другой стороны, в отличие от пионерского значка, он осмысляется как «изначальный» и самодостаточный атрибут пионера (значок первоначально выполнял вспомогательную функцию заколки именно для галстука).

Показательно, что будучи маркерами антагонистичных форм благочестия (христианской религии и коммунистической идеологии), пионерский галстук и нательный крест в текстах противопоставлены. Позволим себе сопоставление с одним из произведений, не относящихся строго к пионерской литературе: с поэмой Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки», написанной в 1932 году. Девочка перед смертью отказывается надеть крестик, который ей настоятельно предлагает мать. Она выбирает другой способ стать бес-

⁶²Среди источников интерпретационных схем и формул, помимо биографической характеристики, можно назвать листок по учету кадров, анкетную автобиографию и некролог. Важным жанровым контекстом для жизнеописаний пионеров-героев являются официальные *некрологи* советского правительства. М. Балина, характеризуя эту разновидность беллетризованной биографии, отмечает, что жанр некролога оказал большое влияние на советские текстовые традиции, в частности, советскую мемуаристику [Балина:2002, 245], однако к числу жанров, испытавших это влияние, могут быть причислены и беллетризованные биографии советских героев, в том числе и пионеров. Некролог можно, вслед за М. Балиной, назвать краткой редакцией «политической биографии революционера» [Балина:2002, 245]. Для кратких редакций биографий пионеров-героев их структурная и стилистическая связь с некрологом заметнее, в полных же редакциях можно обнаружить и другие жанровые влияния. В целом, в деловой письменности советского периода значение образцов и норм написания биографии было очень велико, что неизбежно сказывалось в свою очередь на литературных жанрах, в частности беллетризованной биографии.

⁶³В этом контексте массовый героизм детей Великой Отечественной войны осмыслен в прямой зависимости от наличия у всех советских детей красного галстука.

смертной, употребляет в качестве спасительных средств пионерский призыв и пионерский салют⁶⁴:

«Я всегда готова!» —
Слышится окрест.
На плетеный коврик
Упадает крест.

И то, и другое гарантирует ей возможность остаться в памяти людей. Таким образом, «ее <героини — С. Л.> отказ от магической защиты сам становится символическим действием, жестом государственного знака...» [Зимовец:1989, 122]. Смена одной системы вероисповедания (христианской) на другую — пионерскую идеологию — реализуется в данном случае на символическом уровне.

Самый распространенный ритуальный «грех» пионеров — это отказ от ношения галстука; часто к такому «греху» принуждают родители. Рассказы о вынужденной или напротив вожденной смене нательного креста на галстук, часто при участии учителя или местного партийца, уничтожение галстука воинствующими родителями сходны с традиционными крестьянскими меморатами о кощунствовании⁶⁵. Сюжеты последних содержат описание святотатства антицерковно настроенных представителей советской власти (или просто ее идеологических сторонников): они разрушают церкви, надруга-

⁶⁴В тексте Э.Багрицкого пионерский салют (поднятая правая рука со сжатыми пальцами) можно трактовать как замену крестного знамения.

⁶⁵ Позволим себе привести пример типичного крестьянского мемората, записанного нами в Новгородской области в 2000 году: «Все Богу верили, все кресты носили, вот уж у меня и дети стали, в школу ходить стали, я надевала, а потом раз придут без креста, два придут, это уж я замужем была, жила, тут в Михалкове мы жили <...> Без креста. Я говорю: «Вы куда крест дели?» — «А с нас Григорий Алексеич крест снял и кинул в туалет». Ну вот я потом опять надела, я говорю: «Вот, если буде ён скидывать, вы не давайте скидывать, скажи: вызовите маму». Ну что же, они так и сделали — не дали сорвать крест. Вызвал он меня, сам вызвал. Я говорю: «Что ж вы, у них двойки, значит за крестом?» — «У них двоек нет» — «Так почему им крест носить нельзя? Или шею им пилит, или что,- я говорю,- я вот все время ношу крест, и мне никогда не сжимает нигде ничто» — «Мы не веруем Богу, снимём крест. Пусть галстук пионерский носят» — «А, я говорю, вот судите меня, но если вы еще крест снимите, я своим судом вас рассужу, вы поняли меня, говорю, Григорий Алексеевич?! Не смейте! Не Вы надевали — не Вам и скидывать его! А как учатся — как Господь даст, я говорю. Вера евона дольше, чем Ваша». Ну больше не стали его притеснять, не стали притеснять. Толи ж не носили кресты никто. (А почему, бабушка? — соб.) Потому что видишь веры не было, не веровали Богу-то, толи ж коммунизма была. (А Григорий Алексеевич, кто это? — соб.) Это учитель, учитель в школе, он директором был у нас в школе» (Фольклорный архив АГ СПбГУ № 00030534).

тельски обращаются с предметами культа и т. д. (см. об этом, например, [Добровольская:1999]). Агрессивное действие, направленное на сакральный объект, интерпретируется как кощунственный акт.

В повествованиях о вынужденной смене креста на галстук она воспринимается как кощунство над крестом, а в обратном случае (галстук на крест) — как кощунство над пионерским атрибутом, например, в таких текстах, как «Смерть пионерки» Э. Багрицкого, «Партизанка Лара» Н. Надеждиной. Бабушка Лары Михеенко с приходом в деревню фашистов втайне сжигает ее галстук. О Лариной реакции сообщается как о психологическом срыве, потрясении. Она преодолевает стресс от потери за счет повторной ритуальной идентификации себя как пионерки, снова дает торжественное обещание:

Но она (Лара. — С. Л.) просит и без галстука считать ее пионеркой.

— Ребята! Вы слышите, вы верите мне, ребята? Наш пионерский отряд я не подведу.

— Чего бормочешь? — робко спросила бабушка. — серчаешь еще на меня?

Давно погасли в костре угольки. Но среди серой, мертвой золы по-прежнему пламенел клочок кумача. Словно яркая, непотухающая искра

[Надеждина:1968, 25].

Пионеры-герои, в отличие от рядовых членов пионерской организации, носят пионерский галстук постоянно, он оказывается спасительным оберегом в ситуации смертельной опасности (например, [Симонова:1985, 28]). Добровольный же отказ от ношения — знак самонаказания сознательного пионера (будущего героя). Так поступал, например, персонаж повести Л. Кассиля и М. Поляновского Володя Дубинин, который постоянно носил, но, «впрочем иногда все-таки снимал галстук. Это он делал тогда, когда бывал недоволен собой и не заканчивал начатое дело» [Кассильполян:1980, 5].

Манипулирование основным личным пионерским атрибутом — пионерским галстуком — в части текстов становится сюжетообразующим мотивом, например, демонстративное выполнение этикета (ношение галстука поверх

одежды) воспринимается врагами как заявление принадлежности к советской системе (об этом ниже).

В ситуации же идентификации во стане «своих» демонстрация спрятанного галстука — пароль, признак «своего». Пионер Коля Гаврилов, пробирающийся в партизанский отряд в момент, когда дозорные его не пускают, использует галстук именно с этой целью:

— Не могу я тебя доставить к командиру. . . Не имею права. Откуда я знаю, кто ты такой? Что ты за человек?

— Пионер я. — Мальчишка по локоть запустил руку в карман и вытащил красный пионерский галстук. — Вот погляди. . .

[Козлов:1962, 89]

Одно тайное ношение галстука — знак потенциальной готовности к подвигу. Партизаны, обсуждая благонадежность Коли Гаврилова, апеллируют к галстуку как безоговорочному аргументу:

— В отряд просился?

— У нас не детский сад, — сказал Ковалев.

— Видать, боевой малец. . . Галстук в кармане носит. Красный

[Козлов:1962, 90].

В особенно драматичных эпизодах жизнеописания красный галстук — неперменный атрибут внешнего облика ребенка. Эта характерная особенность портрета героя встречается еще в одном из первых описаний Павлика Морозова, свидетельствующего на суде против отца:

Павлик стоял раскрасневшийся, прямой, смелый, в непомерно большом полушубке. Правая рука его лежала на груди, и пальцы слегка расправляли кончики красного галстука

[Смирнов2:1938, 48].

Обнаружение же галстука врагами — причина гибели героя. Характерный пример представляет собой подвиг подпольщика Васи из пьесы

А.Глебова «Звено отважных»⁶⁶. Вася распространял листовки, был схвачен фашистами, при обыске они нашли у него галстук :

Тогда фашисты его раздели совсем, повязали ему пионерский галстук на шею и повели вешать. Весь народ согнали смотреть. А Вася, когда ему уже на шею петлю накинули, крикнул что-то — что никто не слышал, так как все заголосили. Мать вбежала к нему и тогда ефрейтор из автомата их расстрелял
[Глебов:1950, 78].

Враги сами повязывают галстук ребенку, чтобы обозначить его как врага: для ребенка-партизана ярлыком его враждебности становится не табличка с надписью (обычно «Поджигатель», «Партизан» и т. п.), а именно красный галстук пионера.

Не случайно одна из книг о безымянном пионере-герое носит «метонимическое» название: «Мальчик в пионерском галстуке» [Холопов:1974]. Юный герой, военнопленный, демонстративно нося галстук, принимает на себя функцию духовного вожака не только детей, но и взрослых. Он отказывается работать на немецкую хозяйку:

Привели Васю к фрау Матильде.

— Почему ты не хочешь работать, мальчик? — спросила старуха.

— Я не раб, — ответил Вася, — это рабов заставляют работать. Я — пленник.

— Кто ты есть, мальчик? — спросила старуха. — Граф? Русский барон?

— Я есть русский пионер, — ответил Вася.

— Пионер? — сдерживая смех, спросила старуха. — Хорошо, — сказала она. — Мы не будем тебя убивать. Я это приказала, и ты будешь жить. Но мы будем вышибать из тебя русский дух, непокорность. Мы сделаем тебя рабом!

[Холопов:1974, 13]

⁶⁶В этом примере, как и в следующем, персонаж — вымышленный герой. Но в соответствии с заявленной выше эквивалентностью нарративов с вымышленными и историческими героями, мы позволим себе привлечь эти тексты.

Претерпев муки голода и телесные истязания, «мальчик в пионерском галстуке» одерживает духовную победу в поединке с немецкой фрау (она умирает от сердечного приступа). Деталь его костюма — пионерский галстук — определяет поведение героя, связывает героя, находящегося в фашистских застенках, с советским народом.

5.3. Структура жизнеописания пионера-героя (на примере развернутых редакций)

После более или менее полного изображения раннего детства и подготовительного периода наступает кульминация повествования — испытание героя (перевыполнить трудовой план, предотвратить крушение поезда, спасти тонущего ребенка, уничтожить врага и т. п.), целью которого является подтвердить, что испытываемый ребенок — настоящий пионер, что его реакция соответствует заданной идеальной модели. Соцреалистический герой, в данном случае пионер-герой, по словам Е. Добренко, «в результате всех испытаний-превращений» попадает в особое социально-культурное пространство, «в пространство коллектива, сознательного служения великим целям и растворения своей индивидуальности в них, в пространство опасности и борьбы с врагом, наконец, в милитарное пространство подвига и агрессии — в досоциальное (деструктивно-социальное) пространство простоты» [Добренко:2000, 33].

В составе сюжета обычно только одно испытание, хотя есть сюжеты, в которых персонаж может совершать несколько предварительных подвигов, а затем основной⁶⁷. Гена Щукин до совершения основного подвига, помимо добродетельного поведения (защищает малышей, возвращает найденный кошелек), проявляет великодушие к своему идейному врагу Васе (не пионеру) и спасает его, когда тот тонет [Смирнов1:1938].

Факты биографии ребенка располагаются в жизнеописании таким образом, чтобы проиллюстрировать идею о воплощении героической модели поведения в судьбе ребенка. Эта модель, как уже говорилось, не является сугубо пионерской; напротив, она характерна для советских беллетризованных биографий, поэтому жизнеописания пионеров-героев можно поставить в один

⁶⁷В героическом эпосе герой тоже часто совершает предварительные подвиги.

ряд с беллетризованными биографиями советских героев для взрослых, шире героями соцреалистических романов. В исследовании, посвященном особенностям соцреалистического метода в советской литературе, Е. Добренко обобщает характерные черты героического сюжета в соцреализме: «В инварианте все соцреалистические герои обладают неизменной способностью к совершению чудес. Сами эти чудеса воспринимаются в этом мире как реальность-подвиг. В подвиге героя реализуется «волевое начало» культуры («для большевиков нет ничего невозможного», «мы рождены, чтоб сказку сделать былью» и т. п.) Этот герой вечно молод, принципиально не стареющ, как и его подвиги, и вечно жив. «Вечно живой герой», подобно сказочному персонажу проходит через все стихии (тонет, горит, замерзает и т. д.), но в результате, «смертью смерть поправ», странным образом преодолевает собственную смерть. . . » [Добренко:1993, 40].

В кратких редакциях опускается изображение детства и подготовительного периода к подвигу (например, [Пионерыгерои:1956], [Пионерыгерои:1958], [Пионерыгерои:1959], [Книгаюнарм:1982, 111–121]). Для обоих видов редакций основным, как уже говорилось, является изображение испытания героя — совершение подвига.

5.3.1. Морфология героического сюжета: сюжетные ситуации и варианты

Основная часть сюжета, посвященная испытанию ребенка, в значительной степени стереотипизирована и может быть сведена к небольшому набору сюжетных ситуаций. Это позволяет проанализировать кульминационный центр жизнеописаний с применением структурно-типологического анализа, предложенного В. Я. Проппом на материале волшебной сказки [Пропп:1998] и продолженного, в частности, в исследованиях Б. Кербелите [Кербелите:2005] и др.

Из корпуса однородных текстов жизнеописаний пионеров-героев можно выделить повторяющиеся элементы — сюжетные ситуации. Комбинации этих элементов дают устойчивые сюжетные варианты (6 структурных типов)⁶⁸. Морфология сюжета может быть представлена в виде дерева (см. схему на

⁶⁸Такой подход на материале русской литературы — массовых повестей начала XIX века — успешно применила Т. А. Китанина [Китанина:2000]. К нашему корпусу текстов в силу его сюжет-

рис. 2.1), каждая из 6 ветвей которого соответствует устойчивому сюжетному варианту⁶⁹.

Рис. 2.1: Морфологическая схема сюжетов жизнеописаний пионеров-героев

Итак, кульминационным центром жизнеописаний становится изображение ребенка (реже пары друзей, пионерской группы) в экстремальных условиях подвига. Эта сюжетная ситуация — **противостояние** героя и антигероя (врага) — демонстрирует расстановку сил: герой и враг. **Противостояние** может быть определено как *исходная ситуация*, в которой заданы отношения между героями (но еще не действия). Такой же структурный элемент с аналогичной функцией в сюжете на материале массовых русских повестей 1810–

ной стереотипности и языковой клишированности также применимы структурно-типологические приемы.

⁶⁹Сюжетным ситуациям (узлам дерева на схеме) присвоены условные названия, далее в тексте мы будем ссылаться на них, выделяя их жирным шрифтом. Сюжетный вариант (ветвь) обозначен цифрой в скобках, также выделенной жирным шрифтом.

1820-х годов выделяет Т. А. Китанина [Китанина:2000, 14] (а также другие ее работы [Китанина:1999], [Китанина:2002]).

Данная оппозиция характерна для соцреалистических сюжетов: «Демонология тоталитарной культуры беспредельна: в принципе на каждого героя есть враг (без врага герой не раскроет себя в своей героической сути). Показательно, что враги обладают такой же титанической силой разрушения, какой герой наделен для созидания» [Добренко:1993, 42]⁷⁰.

Враг может представляться в антропоморфном облике (кулак, шпион, фашист), а может являть собой природную, техногенную или иную катастрофу. При противостоянии врагу любого типа заявляется неестественность ситуации: ребенок вынужден выступать в роли равноправного участника единоборства, будь то война, коллективизация или пожар. Герой позиционирует свою готовность к вступлению в противоборство. Уже сама характеристика одного члена противостояния как «своего» (пионер-герой) и другого как «чужого» (враг) имплицитно подразумевает их потенциальное **столкновение**.

Но есть отдельные сюжеты, в которых **столкновение** так и остается нереализованным. Контакта не происходит, и сюжет исчерпывается мирным **противостоянием**, в ходе которого герой *демонстрирует свою принадлежность к советской системе*, обычно через членство в пионерской организации. В большинстве случаев это сюжеты об идейной стойкости в условиях антикоммунистического окружения, особенно на окраинных территориях и «в местах концентрации» антиобщественных элементов, например, кулацкая деревня или семья:

Акишева Заида. В 11 лет в 1925 году, несмотря на угрозы жестокой расправы от классовых врагов, была председателем пионерского отряда в Кзыл-Агагской волости Павлодарского уезда Казахстана

[Пионерыгерои: 1982, 32].

В данном случае для детского подвига обязательным сопутствующим признаком идейной твердости является ритуализованное поведение: демонстративное ношение пионерского галстука, марширование под барабан, пение

⁷⁰Об обязательности оппозиции враг / герой для соцреализма в связи с категорией мифологического мышления см. в [Гюнтер:2000, 750].

пионерских песен, показательное антирелигиозное поведение и пр. Именно соответствие внешней атрибутике и церемониальному поведению эксплицирует политическую принадлежность. Образ пионера как шагающего и поющего ребенка в красном галстуке — отражение массового представления 1920-х — 1930-х годов. Описание пионера в устах скептически настроенных «отсталых» родителей, персонажей литературы тех лет, выражается как раз в таком «расхожем» виде — «идут и поют». Идентификация пионеров по внешним признакам обусловлена точкой зрения на них со стороны. Впоследствии, со стремительным ростом числа пионеров, сторонний взгляд большинства станет замечать совсем иное — отсутствие галстуков. И тогда это станет признаком «чужого», «врага».

В рассказах же о первых пионерах дети с галстуками и барабанами — герои. В этих сюжетах нет непосредственного контакта с идеологически «чужим», но **устранение врага** достигается в исторической перспективе, а в повествовании о пионере-герое средствами сюжета постулируется идейное превосходство, а значит, и победа советской власти над антисоветскими элементами — **1 сюжетный тип «Заида Акишева» (1)**.

Напротив, большая часть сюжетов содержит не только бесконтактное **противостояние**, но и **столкновение**, имеющее определенный результат, — **устранение** или **неустранение** врага.

При контакте с неантропоморфным врагом сюжет сводится к минимальной последовательности действий: столкновение с врагом — устранение врага — победа (2). Так, если герой сталкивается со стихийным, техногенным и пр. бедствием, он не раздумывая, принимает решение усмирить бедствие, вступает с ним в контакт и одерживает победу. Результат преодоления опасности/трудности — спасенный ребенок, остановленный поезд, потушенный пожар. К примеру, в газете «Ленинские искры» в 1938 году была опубликована заметка:

Геройский поступок Саши Плетцова и Жени Спирина.

На днях на Северной Двине, в одном километре от берега, провалился под лед (у Архангельска Северная Двина еще не вскрылась) рабочий лесозавода М. Лисицын. Услышав крики, к нему на

помощь бросились активисты водной станции — ученики 10 класса Саша Плетцов и Женя Спирин.

Рискуя жизнью, они добрались к тому месту, где тонул рабочий, и вытащили его из воды. Ребятам объявлена благодарность⁷¹.

Этот тип текстов не связан непосредственно с советской идеологией. Скорее он вообще не имеет стойкой соотнесенности со временем создания и принадлежит в целом к традиционной системе ценностей, как религиозной, так и секулярной (об этом выше в разделе 5.2.3. Описание раннего детства: жанровые и стилистические традиции). Правда, бывают отдельные сюжетные инновации, когда на пожаре пионерка (Нюра Дмитриева) бросается в горящий сельсовет, чтобы спасти документы (а не человека).

Устранение антропоморфного врага также может следовать за первым столкновением с ним. В случае, если герой, одержав победу, остается жить, он получает вознаграждение (общественный резонанс, поездка в Артек, подарок и пр.) — **2 сюжетный тип «Саша Плетцов» (2)**.

Под **устранением врага** в данном случае понимается нейтрализация вредоносного действия врага, которая осуществляется активными действиями со стороны героя: донос, саморучная поимка, физическое уничтожение. По утверждению Е. Добренко, «устранение врага — главный сюжет любого соц-реалистического действия. С разоблачением антагониста (часто вся система произведения построена по принципу героев-двойников, один из которых созидает, а другой — разрушает («Русский лес», «Два капитана»)), тучи рассеиваются, и читатель погружается в мир чистого созидания» [Добренко:1993, 42].

Первым способом устранения врага является придание его вредительским замыслам публичности через советскую прессу (чаще газету) или тайное уведомление властей (написать письмо или пойти в политотдел). Способ устранения донос появился в анализируемой текстовой традиции с момента начала коллективизации. Хронологически он является первым собственно пионерским способом сопротивления врагу. В текстовой традиции он возводится к подвигу Павлика Морозова. Начиная с осени 1932 г. (датировка подвигов Павлика Морозова и Коли Мяготина), несколько лет, вплоть до

⁷¹ Ленинские искры, 28 апреля 1938 г., № 58 (2052).

начала войны, продолжался «рекламный проект» подвига Павлика Морозова и соответственно волна подражаний ему, отразившаяся в текстах. В центральных пионерских газетах практически в каждом номере публиковались заметки о *новых* Павликах, действия которых формулировались следующим образом: *совершил подвиг, аналогичный подвигу Павлика Морозова*. Внутри самой текстовой традиции можно обнаружить замечательные наблюдения над механизмом преемственности — в журнале «Вожатый» за 1938 год (6 лет спустя после смерти Павлика) читаем:

Кто не знает в нашей стране славного имени Павлика Морозова? В школе, в отряде это имя стало знаменем геройства, мужества, отваги, великим большевистским примером.

Когда мальчик или девочка впервые надевают красный галстук, они вспоминают о Павлике и каждый из них хочет стать таким же верным и преданным родине сыном, каким был Павлик. Когда пионерка Оля Балыкина из Татареспублики, несмотря на угрозы врагов, разоблачила своего отца, ставшего предателем родины, — она *тоже помнила* <курсив наш — С. Л.> о Павлике Морозове. Ваня Бечеригов из Северного края, избиваемый шайкой кулаков, преследуемый ими, в такую тяжелую минуту вспомнил о бесстрашном Павлике и смело разоблачил врагов, разваливающих колхоз. После, когда врагов судили, Ваня Бечеригов говорил на суде: «Страшно было мне. Боялся их. Хотели убить меня. Но *прочел* <курсив наш — С. Л.> про Павлика Морозова и мне стало легче. Сели с тяткой и написали о кулаках письмо в редакцию». Образ Павлика подкреплял, давал силу, уверенность, делал бесстрашным, настоящим пионером Гену Щукина со станции Шира, который помог, ценою своей жизни раскрыть презренную банду троцкистов, вредителей и шпионов, орудовавших на золотых приисках Хакасии. «Будем как Павлик!» — вот лозунг, который подняло, как знамя, третье поколение большевиков»

[Смирнов:1938, 47].

Риторика нарастающей динамичности создает поистине эпическую картину сети детей-героев, повторяющих подвиг Павлика. Фигура Павлика как

стимул к совершению подвига встречается не только в публицистических панегириках, но и в жизнеописаниях, в качестве сюжетобразующего мотива: так, например, Павлик Гнездилов летом 1937 года послушал в лагере рассказ пионервожатого о Павлике Морозове с провоцирующим названием «Какие пионеры должны быть», задумался и написал заметку в стенгазету о «кулацких недобитках» — разоблачил подпольный кожевенный завод. То, что ребенок печатается в газете и тем самым может влиять на властные решения, осмысливается как призвание, профессиональное «дело жизни» — это отличительная черта корреспондентов, в нашем случае юных корреспондентов (юнкоров и пикоров)⁷².

Описываемая сюжетная разновидность *донос* наиболее многочисленна в 1930-е годы: функции НКВД, присвоенные детьми, оказались очень заманчивы для воспроизведения. В данном случае, кажется, реализовалось расхожее выражение «устаи младенца глаголет истина» — дети могут и должны обличать взрослых. Они наделяются правом контроля и наказания, то есть в героической картине мира функции ребенка и взрослого меняются местами. Детская наблюдательность ставится на службу государству, не случайно название одного из распространенных в 1930-е годы пионерских поручений — «дозорные урожая». Непосредственно в 1934 году развернулась кампания слежки за «антисоветскими элементами», укрывающими или ворующими колхозное зерно. Пионеры, принявшие в этом движении активное участие (отличившихся в этом добровольном поручении называли «герои охраны урожая», «молодые герои социалистических полей», «зоркие часовые» и др.), были премированы путевками в Артек, собирались на региональные слеты «дозорных», награждались памятными подарками. Сюжеты о доносах детей на вредителей урожая очень широко тиражировались в пионерской печати.

То, что повествование о пионерах-героях в 1930-е годы зачастую начиналось на газетной полосе в рубрике «криминальная хроника» и содержало материалы расследования убийства или преследования юного героя, существенно влияло на стилистические особенности текста. Каркас авантюрно-

⁷²Забегая вперед, укажем, что само право на свободное печатное слово может становиться причиной героической гибели:

«Гурин Витя. Художник пионерского отряда в Донецке. Несмотря на угрозы, помогал рабочим шахты рисовать карикатуры на лодырей, прогульщиков, пьяниц, хулиганов. Отщепенцы возненавидели пионера и 5 мая 1929 года убили его. Ему было 14 лет» [Пионеры-герои:1982, 40].

приключенческого плана, лежащий в основе *поимки* врага, пополнялся криминально-публицистическим и детективным антуражем. Приведем в качестве примера описание судебного процесса над преследователями одного из пионеров-героев — Володи Рудака:

Володю Рудака я не избивал. Не избивал я и лошадей, — заявил суду обвиняемый конюх Дмитрий Лойка.

Однако, припертый к стенке показаниями свидетелей, классовый враг, расхититель колхозной собственности, принужден сознаться, что он портил лошадей и избил Володю Рудака — лучшего шефа колхозного молодняка.

Бригадир колхоза товарищ ГУК <выделение в тексте — С. Л.> подробно рассказывает о пионерском шефстве, о том, как пионеры заботливо следили за кормом лошадей, за режимом в конюшне.

Первым и лучшим шефом всегда был Володя Рудак. Он и разоблачил, что Лойка портит лошадей и расхищает корм.

Сам Володя рассказывает суду, что конюх за то, что он раскрыл его вредительские дела, избил его и выкинул из бани голым и босым на улицу. Это подтверждают и пионеры Рубилковского отряда.

Общественный обвинитель товарищ РУТЕНБЕРГ <выделение в тексте — С. Л.>, руководитель пионерских организаций Белоруссии, требует сурового наказания для врага, вредившего колхозу, избившего бесстрашного активиста — пионера Володю Рудака.

Рубилковский пионерский отряд еще крепче взялся за шефство, еще зорче охраняет колхозный молодняк.

Лучший шеф — пионер-активист Володя Рудак, показавший образец классовой бдительности, Центральным комитетом комсомола направляется во всесоюзный пионерский лагерь «Артек» в числе 200 лучших пионеров Советского союза⁷³.

В тексте представлены характерные особенности репортажа «из зала суда»: состав персонажей (общественный обвинитель, обвиняемый, свидетели), повествование организовано ходом заседания, роли распределены по-

⁷³Пионерская правда 24 июня 1934 г. № 79 (1378); Рубрика «200 лучших едут в Артек».

лярно — «бесстрашный активист» и «классовый враг». Конечно, такой тип повествования интригует детскую аудиторию, криминальная и вслед за ней блатная стилистика, освоенная советскими детскими газетами (в отличие от дореволюционных), притягивает и завораживает ребенка-читателя. Влияние же языка газет на печатную агитационную продукцию, каковой и являлись брошюры о пионерах-героях, несомненно, хотя это влияние может распространяться и шире, на другие виды текстов⁷⁴.

Во второй половине 1930-х годов в текстовой традиции возникает новый тип врага — шпион⁷⁵, и соответственно способом его уничтожения становится не только уведомление властей (постового милиционера), но и *поймка* своими руками. К 1939 году, когда А. Гайдар написал свою повесть «Судьба барабанщика», ставшую образцовым произведением советской детской литературы на тему «ребенок и шпион», в пионерской периодике и брошюрных изданиях уже тиражировалось большое число однотипных сюжетов о детях, задержавших иностранных разведчиков. Таким образом, появлению повести А. Гайдара предшествовала большая работа непрофессиональных писателей по шлифованию сюжетной стереотипии⁷⁶.

К сюжетам, описывающим разоблачение шпиона, который уже проник на территорию советской страны или завербован иностранными разведками, примыкает обширный круг произведений советской литературы, в том числе и детской, посвященный службе на границе и охране государственной неприкосновенности. В этих сюжетах широко представлен мотив бдительно-

⁷⁴Ср. доклад А. Ф. Белоусова «Песня о «Буревестнике» (песни-хроники 1920–1930-х годов), посвященный, в том числе, связи языка газет 1920–1930-х с городской песней.

⁷⁵Редким случаем ранней реализации этого мотива еще в 1920-е годы является пьеса М. Леонова «Радио-Май» [Леонов:1925], в которой пионеры во время встречи гостей зарубежных деткомгрупп на праздновании 1-е мая, ловят английского шпиона и шпионов-детей: скаута и «кадетика».

⁷⁶Заметим, что А. Гайдар — единственный советский писатель, писательская деятельность которого, и даже в первую очередь публицистическая его деятельность, тесно связана с пионерской организацией. Позволим себе утверждать, что Гайдар во многом писал не для детей-читателей, а для пионеров (многие его произведения впервые увидели свет на страницах пионерской печати). Это, кстати, объясняет, почему интерес к творчеству Гайдара резко упал как раз вслед за роспуском пионерской организации в 1991 году. Любопытно, что образ самого Гайдара в пионерской словесности (девизы, речевки, песни) имеет типичные черты идеального героя (обаятельная внешность, волевой характер, идейная верность, активная жизненная позиция, творческая реализация). Такие черты приписываются всем без исключения взрослым персонажам беллетризованных биографий, которых предлагают советским детям в качестве образца и ориентира, например, Ленина, Кирова, Гагарина и др.

сти жителей приграничных территорий (см. об этом на материале соцреалистического романа [Веселова:2000]). В роли бдительного жителя зачастую выступают «ребята пограничной полосы». Как полагает П. А. Клубков, «Союз красного галстука и зеленых петлиц (или фуражки) становится одним из главных мотивов детской литературы и даже переходит в фольклор («Коричневая пуговка» и др.)» [Клубков:2003, 410].

В жизнеописаниях пионеров-героев, в отличие от остальных произведений детской литературы на эту тему, акцент в характеристике пионера ставится не столько на бдительности, сколько на *самостоятельной* активности ребенка, вступившего в неравное по силам физическое единоборство со взрослым. Пионеры-герои сумели опознать и поймать собственными силами иностранных агентов, переходивших государственную границу (или, как часто резюмируется, *пограничники подоспели*). Ребенок не просто помогает пограничникам, а берет на себя полную ответственность за ситуацию, пограничникам остается только выполнить символическое задержание преступника, уже обезвреженного ребенком. Поэтому часто в подробностях представлена схватка между героем и врагом, описание которой изобилует натуралистичными деталями, например, Валя Витушко задержала шпионку на границе, укусив ее за ногу [Смирнов:1938].

Положительных персонажей взрослых (милиционер, сотрудник НКВД, пограничник, коммунист) в этих сюжетах отличает сосредоточенное внимание к любому детскому сообщению и предусмотрительная оперативность реакций. Мальчик Лева, бесфамильный герой рассказа «Незнакомец со свертком» [Зильвер:1938, 50–53], подслушивает, что сосед хочет взорвать завод, и бежит к постовому милиционеру:

Милиционер понял, что дело серьезное. Бегом бросился к телефонной будке и вызвал нужный номер.

Через несколько минут двое мужчин в гимнастерках с красными петлицами внимательно выслушивали рассказ Левы — Он рассказывал подробно обо всем

[Зильвер:1938, 53].

В условиях военного времени (в реконструируемых подвигах революции и Гражданской войны и подвигах Великой Отечественной войны) сопротивление врагу выражается в его *физическом уничтожении*.

В этой группе сюжетов герой сражается с врагом (царские жандармы, белогвардейцы, фашисты) организованно с оружием в руках наравне со взрослыми (либо в открытом бою, либо в составе партизанского отряда). Подчеркивается не только детская (а точнее, недетская) сознательность, но и взрослая зрелость, проявляемая в борьбе с врагами (умение обращаться с оружием, принимать решение, выдержка и пр.).

В изображении детей-героев дореволюционного и революционного периода очевидно прослеживается литературная романтическая традиция образов детей-революционеров, из наиболее актуальных предшественников стоит назвать Гавроша, героя романа В. Гюго «Отверженные»⁷⁷. Чаще всего суть участия этих героев в революционных действиях заключается в шествовании по улицам с оружием в руках среди взрослых поборников «дела рабочего класса»:

Марков Ваня. В декабре 1905 года во время демонстрации в г. Коломне Московской губернии шел впереди колонны рабочих рядом со знаменем. Погиб во время схватки с жандармами. Похоронен в братской могиле на центральной площади Коломны
[Пионерыгерои:1982, 9].

Геройство персонажа в том, что он гибнет ребенком на баррикадах, в строю демонстрации и т. п. В ряду других героев революции он выделяется только возрастом, и это дает исключительные основания для его прославления в памяти потомков⁷⁸.

⁷⁷Об особом месте этого сюжета в пионерской литературе свидетельствует тот факт, что еще в 1922 году фрагмент о Гавроше был издан отдельно в виде брошюры в составе серии «Библиотека юного коммунара», специально предназначенной для пионеров [Гюго:1922].

⁷⁸Шире, тема «ребенок и героический романтизм» активно эксплуатировалась в советской детской литературе, достаточно вспомнить «Военную тайну» А. Гайдара. Один из героев — герой-ребенок (Алька) — гибнет от случайно попавшего в него камня, в отличие от пионеров-героев, которых убивают намеренно. Но Мальчиш-Кибальчиш, персонаж вставной сказки, вполне укладывается в модель героического поведения пионера на войне. В особенностях его почитания «А пройдут пионеры — салют Мальчишу!» обнаруживается сходство с реально существовавшей ритуальной практикой на могилах пионеров-героев.

Есть сюжеты, в которых устранение врага сопровождается гибелью героя. Происходит это тогда, когда за **устранением врага1** следует **месть сообщников врага**⁷⁹. Павлик Морозов устраняет врага (своего отца), за что его убивают родственники, мстящие за отца **месть врага2**. В качестве обязательного продолжения этого типа сюжетов выступает **месть соратников героя** за его убийство. Соратниками героя могут являться его одноклассники, члены его пионерского отряда, старшие товарищи, советские солдаты и в целом все советское общество. Результат мести — **устранение врага2**, которое понимается как окончательная **победа** — **3 сюжетный тип «Павлик Морозов» (3)**. Осмысляя построение социализма / коммунизма как возмездие всем противникам советской власти и государства, в том числе и убийцам пионеров, авторы текстов подчеркивают, что герои погибли «не зря» и отмщением за их смерть стало укрепление социалистического строя⁸⁰.

Помимо сюжетов о героической смерти от рук врагов, встречаются описания героического *побега*⁸¹, который приравнивается к героической смерти и функционально эквивалентен **победе**:

Сергомасов Сережа. Двенадцатилетний доброволец из Перми, ординарец командира В. И. Решетникова. Вместе с ним воевал на финском фронте, был ранен. На станции Гольшлеянова едва не схвачен белыми, но вырвался. Награжден боевым оружием.

[Пионерыгерои:1982, 27].

Дальнейшая судьба героя неизвестна и, что важнее, — неинтересна хроникеру, но способность ребенка «вырваться» стала причиной занесения его имени в число героев. Побег, таким образом, тоже является своеобразным устранением врага, иначе говоря, убегающий из вражеского плена ребенок «устраняет» себя из зоны действия врага. Этим он нивелирует его агрессив-

⁷⁹На схеме сообщники врага названы «враг 2».

⁸⁰Ср. реакцию в газете на убийство Коли Яковлева: «Классовые враги убили лучшего пионера Луги — Колю Яковлева. В ответ на вылазку классового врага лужская пионерия укрепляет свои ряды» (Ленинские искры 1934. 21 янв., № 6 (750))

⁸¹Тема побега занимает важное место в детской литературе советского периода: ребенок, убегающий из дому (в частности, на войну), — герой в массовом детском представлении (см. об этом в [Веселова:2003]). В нашем случае убегающий от врагов — тоже герой. «Ребенок бегающий/убегающий из плена» — это не специфический случай (ср. убегающих из плена воинов), но, в отличие от взрослого побега, это в рассказах о пионерах-героях не просто дерзость, а достаточное условие для прославления героя.

ную активность и тем самым одерживает **победу** (2). В таких сюжетах герой остается жить и получает вознаграждение.

Другая ветвь развития сюжетов описывает случаи, когда врага не удается устранить с первого раза **неустранение врага 1**. Неудачная первая (и последняя) попытка заканчивается **смертью героя** от рук **врага1** (4). Смерть героя в этом случае, как и в сюжетном типе (3), сопровождается последующей **мстостью соратников героя**. Так, Гена Щукин не успевает самолично разоблачить своего отчима, «троцкистского бандита», замышляющего «вредительство и диверсии» в автопарке [Смирнов1:1938]. Отчим убивает пионера. Но перед смертью Гена отправляет разоблачающее письмо коммунисту Иванову, которому доверяет. Вскоре на убийцу обрушивается меч коммунистического правосудия **устранение врага1**. Такой финал можно уподобить традициям детективного развития сюжета, с обязательным наказанием преступника. Замыкающим звеном таким образом оказывается посмертная **победа** над врагом — **4 сюжетный тип «Павлик Гнездилов» (4)**.

При ситуации, когда врага не удастся с первого раза устранить (физически уничтожить, поймать, изобличить), герой предпринимает вторую попытку. Она, как правило, более успешна — **6 сюжетный тип «Дулахен Шакирова»(6)**. Как правило, это сюжеты о слежке за вредителями социалистической собственности с последующим их изобличением. Герой либо сразу одерживает **победу устранение врага1**, и тогда можно считать равными ветви (2) и (6), либо действие развивается аналогично ветви (3). В этом случае герой преследует врага (кулак, фашист и др.), уничтожает его со второй попытки, но сам погибает от рук мстителей, при этом повторная попытка заканчивается **победой** — **5 сюжетный тип «Коля Яковлев» (5)**.

В сюжетах о военном времени структура повествования может иметь несколько последовательных цепочек сюжетных ситуаций, соответствующих ветви (2) схемы. Герой многократно уничтожает врагов, однако в силу коллективности врага его уничтожение каждый раз не окончательно. Хотя в финале сюжета герой погибает, победа советского государства над фашизмом трактуется и как **победа** героя.

5.3.2. Изображение мученической смерти

В сюжетных типах **(3), (4), (5)** обязательным элементом является **смерть героя**, к ней в текстах устремлено центростремительное движение сюжета. В эпизодах, посвященных смерти героя, большое внимание уделяется описанию обстоятельств смерти, характеристике убийц, поведению героя в смертный час и др. Внимание к изображению смертных мук героя реализуется и в других контекстах: в учебных книгах для советских детей в качестве материала приводятся отрывки из жизнеописаний пионеров/комсомольцев-героев, при этом отбираются прежде всего эпизоды истязания тела юного героя (см. об этом в исследовании Д. Мамедовой [Мамедова:2002]).

В исследованиях, посвященных советской культуре и литературе, отмечается, что герои соцреалистического искусства, как правило, изображаются жертвами (например, [Геллер:1974, 95–96], [Синявский:1990, 87] [Есаулов:2000, 797–803]). Х. Гюнтер отметил не просто жертвенный характер их поступков, но и моделирование образа героя-жертвы по канону житий святых мучеников [Günther:1984, 95–106] (те же наблюдения еще ранее были высказаны К. Кларк [Klark:1981]). С. Ю. Малышева, анализируя раннесоветскую праздничную словесность, тоже отмечает характерность мученической смерти героя-борца, но при этом она делает следующее уточнение: «И, пожалуй, герой-мученик, герой-жертва намного более характерен для послереволюционного мифологического дискурса, нежели для дискурса 30-х годов: ведь первый, в отличие от второго, был в значительной степени построен на противопоставлении «прошлое — настоящее» (уже говорилось об отсутствии «будущего» в традиционной триаде), и герой-мученик здесь — несомненно, образ, весомо представлявший прошлое» [Малышева:2005, 315]. Опираясь на наш материал, можно заключить, что образ героя-жертвы характерен для жизнеописаний пионеров-героев независимо от времени создания текста. Таким образом литературная продукция, предназначенная детям, транслировала идею жертвенности как одну из основных воспитательных идей пионерии. И дети, умирающие от обморожения, спасая товарищей в 1920-е годы, и дети, убитые кулаками в 1930-е, и, наконец, дети, погибшие во время Великой Отечественной войны, — все эти персонажи беллетризованных биографий образуют мартиролог героев-мучеников. «Своеобразная некрофилия» (пользу-

ясь выражением С. Ю. Малышевой) — отличительная черта пионерской литературной продукции, что объясняется тем, как понимали авторы жизнеописаний пионеров-героев читательские запросы пионерской аудитории. Стоит признать, что жизнеописания удовлетворяют прежде всего потребности в «кровавых» сюжетах и соответствующей стилистике⁸². Обратимся к ее анализу.

В кратких редакциях смерть героя констатируется в сухом «телеграфном» стиле, но при этом довольно часто заявляется ее мученический характер: ребенок принимает от врага мученическую смерть, сопровождающуюся пытками и истязаниями.:

Островой Вася. Подпольщик и связной большевистского центра в Одессе. В 1919 году во время очередного задания был схвачен деникинцами и после пыток повешен. В память о юном подпольщике Лесная улица Одессы переименована в улицу Острового [Пионерыгерои:1982, 25].

В кратких вариантах, несмотря на их лаконичность, можно обнаружить натуралистические детали, делающие картину смерти более выразительной:

Долинина Луша. В лесу Олонецкого района Карелии показала чекистам тайники с оружием и боеприпасами недобитой банды белогвардейцев. Враги жестоко отомстили девочке, привязав ее к дереву над муравьиной кучей. Ее останки были найдены через несколько месяцев⁸³

[Пионерыгерои:1982, 38].

Смерть, принимаемая от рук врагов, в жизнеописаниях 1930-х годов описывается в традициях готического нарратива. Ребенка чаще всего убивают тайно в темное время суток, по преимуществу осенью, заманив его в пустынное место (кладбище, болото, подвал, чердак, окраины села/города,

⁸²О востребованности в детской среде «кровавых» сюжетов можно судить по исследованию библиотечного спроса. Так, еще в 1929 году проводившиеся обследования зафиксировали пристрастие детей 13–15 лет к названиям книг, в которых есть «кровавые эпитеты»: «Окровавленный серп», «Кровавое воскресенье», «Кровавый атаман»; свой выбор читатели объясняли особенностями сюжетов — «там расстреливают всех» [Обнимская:1929, 45].

⁸³Заметим, что неотъемлемым элементом культа пионера-героя является обретение его тела для дальнейшего почитания (ср. с обретением мощей святого).

лес и т. п.) или же настигнув одного дома во сне или беспамятстве. Такая топика призвана вызвать у читателя ощущение страха и жалости к герою, умирающему при таких гнетущих обстоятельствах. Созданию суггестивного напряжения служит и отсутствие эпизода непосредственной смерти героя:

Воротился домой Гена встревоженный и усталый.

Дома было темно, неприветливо. Не зажигая лампы. Гена быстро разделся и лег в свою постель. Акимова (отчим, кулак. — С. Л.) не было. «Где же он?» подумал Гена. И ему стало страшно.

Была глубокая ночь, последняя ночь отважного пионера. Гена заснул. . .

Наутро нашли его похолодевший труп

[Смирнов1:1938, 45].

Впрочем, и в дальнейшем этот прием использовался, например, в повести Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына» момент, когда Володя Дубинин подорвался на mine не изображается, о его смерти сообщается матери позднее [КассильПолян:1955].

Место гибели и тайного захоронения героя так же сопровождается «ужасными» деталями:

Милиционер бросился туда. Собака взвизгнула и убежала. На замерзшей земле лежал обезображенный труп мальчика. В стороне валялся мешок и лоскут красной рубахи. Шагах в двадцати темнела недорытая яма

[Пушкарев:1958, 47].

Если эпизод смерти представлен подробно (что является почти обязательным для полных редакций жизнеописаний), то с особой пристальностью описываются взаимные действия и реплики антагонистов⁸⁴. Враги всегда показаны кровожадными, жестокими, агрессивными, часто в нетрезвом виде, унижающими и истязаящими героя; они лишены индивидуализации, часто маркируются ярлыками бандит, враг, предатель, лакей и пр. (о фразеологической номинации врага в языке советского дискурса см. в [Ромашов:1995,

⁸⁴Выдвижение во второй половине 1930-х годов образа антропоморфного врага в качестве равноправного герою персонажа отмечает Х. Гюнтер. По его словам, «враг становится чуть ли не главным персонажем» [Гюнтер:2000, 750].

8)]⁸⁵. Все типы врагов, представленные в жизнеописаниях, — кулак, шпион, вредитель, фашист — строятся по одной и той же модели⁸⁶.

Тип реакции героя на покушение на свою жизнь варьируется и, как кажется, не детерминирован характером героя. Либо момент смерти представляет собой картину убийства «невинного агнца», как, например, убийство Коли Мяготина, вопрошающего у своих мучителей о причине убийства:

У самых глаз своих Коля увидел черное дуло ружья.

— Дядя Фотей!.. За что?

— Сам знаешь, активист пионерский!..

[Сухачевский:1967–1969, 29]

Либо герой проявляет стоически-хладнокровное презрение к смерти:

— Меньше говори, красный дьяволенок! Иначе голова твоя отведает вот этой штуки (булыжник. — С. Л.)! — Он схватил мальчика за красный галстук.

— Или повесим тебя на дереве! Ясно?

Гриша не был трусом. Он спокойно ответил:

— Галстук ношу не только я, но и миллионы пионеров. Вам не перевешать нас. Уходи с дороги, бандит! — И он оттолкнул в сторону кулацкого сына.

Гриша ударил Арменака ногой, но бандиты, как хищные звери, вцепились в его тело. Острая финка скользнула по его шее и из горла Гриши вырвался приглушенный хрип⁸⁷. Земля обагрилась кровью. Миша Нерсисян, пасший близ кладбища коз, видел, как бандиты убили Гришу. Миша побежал, чтобы сообщить о распра-

⁸⁵Ср. соображения Е. Добренко о соотношении героя и врага в соцреалистическом романе: «... характер действий врага, естественно, должен быть под стать характеру «великого созидания»: «бездны сверхчеловеческих энергий» в действиях врагов прямо пропорциональны титанизму героев — чем благороднее молодогвардейцы, тем отвратительнее предатели и оккупанты (романтическим героям противостоят совершенно отвратительные монстры); чем величественнее дело «поднятия целины», тем омерзительнее противники, способные не только организовать падеж скота, но и уморить голодом собственную мать и т. п. [Добренко:1993, 42].

⁸⁶Среди работ, затрагивающих тему стереотипизации образа врага, стоит отметить статью М. Рыклина о становлении образа фашиста, в которой на материале советской литературы показаны некоторые черты образа типичного фашиста [Рыклин:2000].

⁸⁷Ориентация на блатную топику выразилась в излюбленных инструментах убийства пионеро-героев в текстах 1930-х годов: «острая финка» и «кортик».

ве над пионером. Убийцы бросились за ним, чтобы уничтожить мальчика и скрыть следы своего преступления. И только резвые ноги октябренька спасли его от верной смерти.

[Пионерыгерои:1967–69, 24]

Сравнение бандитов с «хищными зверями» отсылает к готическому образу человека-зверя, столь популярному в советской публицистике при определении врагов/преступников. Именование преступников через зоосравнения в данном случае — способ инвективной характеристики, имеющей экспрессивный эффект.

В исследованиях, затрагивающих тему конструирования образа врага в советской культуре и литературе, неоднократно отмечалась характерность зоотерминов. Еще с середины двадцатых годов в публицистике (на примере публицистики о Чубаровском деле [Найман:2002], в массовой словесности [Малышева:2005, 302–303], в литературе [Гюнтер:2000, 750–752] появляется зоологизация образа врага. Враги метафоризируются как «клубок змей», «бешеные собаки», «чудовища в образе человека» и т. д. (примеры из [Гюнтер:2000, 752]). Использование именно такой метафорики объясняется культурно-психологическими причинами: «коль «враг» звероподобен, на него не распространялись правила и без того куцега кодекса человеческих взаимоотношений послереволюционной России» [Малышева:2005, 303]; это наблюдение можно распространить и на все последующие годы советской власти: и в тридцатые, и в сороковые враг-зверь подлежал безжалостному уничтожению. Впрочем, звероподобность врага имеет древние корни (например, враги-звери в фольклоре и мифологии).

Важной особенностью изображения смерти героя является «торможение» художественного времени (В. Шкловский). Так, в приведенном выше отрывке из жизнеописания Гриши Акопяна предложение ему «вариантов» смерти служит как раз этой цели. Подобные диалоги можно обнаружить в приключенческих романах: разбойники (пираты, бандиты и пр.) устрашают героя перечислением пыток и возможностей принять смерть⁸⁸.

⁸⁸ Достаточно вспомнить хрестоматийный разговор пиратов в «Острове сокровищ» Р. Стивенсона, подслушанный Джимом. Пираты обсуждают варианты смерти для капитана Смоллетта и его товарищей: начинают с высадки на пустынный берег, затем предлагается «зарезать как свиней» и заканчивают призывом Сильвера «просто убить». Подобных диалогов можно обнаружить в приключенческих романах множество.

Кроме торможения художественного времени, перебирание «вариантов» способствует созданию эмоционального напряжения. Прием затягивания сцены убийства — один из самых распространенных способов создания остросюжетного нарратива (боевика, детектива, приключенческого романа). Он используется в жизнеописаниях пионеров-героев довольно регулярно:

Однако стоящий рядом Иван Бойков ударом кортика в спину свалил Колю в сугроб.

Из раны хлынула кровь. Но Коля собрал все свои силы, вскочил на ноги и, оттолкнув Бойкова лыжными палками, медленно покачиваясь, двинулся вперед. Бойков преследовал его. Хмельной и тяжелый, он проваливался в рыхлый снег. Но как только ему удавалось дотянуться рукой до уходящего мальчика, он новым ударом валил его на землю.

Коля слабел. Теперь он уже не шел, а полз, оставляя на снегу бордовую полосу. Бандит продолжал наносить удар за ударом. Коля Яковлев упал на запорошенную снегом землю и замер. . .

Так погиб лужский пионер Коля Яковлев, но имя его будет вечно жить в сердцах и памяти людей. Герои не умирают [Антонов:1969, 145].

Автор этого жизнеописания пренебрегает логической связностью: герой едет на лыжах *по запорошенной снегом земле*, что малореалистично. Установка на достоверность, казалось бы, свойственная беллетризованным биографиям, уступает перед сценической изобразительностью: герой в минуту гибели должен упасть на схваченную мерзлотой голую землю, а не в пушистый сугроб (хотя в начале схватки противник роняет его именно в сугроб). Доминирование «картинки» над сюжетной логикой «работает» на вышибание из читателя слезы сострадания к герою, умирающему в таких неудобных условиях⁸⁹. Мультиплицированные кадры, рисующиеся в воображении чита-

⁸⁹ Сходные приемы создания визуальных образов можно обнаружить и в других повествовательных традициях, см. например, [Тарабукина:2003, 22]

теля (удар кортиком, хлынувшая кровь, последующий удар, падение, снова удар и т. д.), обладают значительной суггестивной экспрессией⁹⁰.

Эпизод мученической смерти может быть растянут и за счет ступенчатого описания мук героя. Например, Павлика Гнездилова враги сначала душат веревкой, затем рубят топором, сбрасывают в подпол, а затем, вытащив оттуда, закапывают на болоте [Пушкарёв:1940]. Избыточность такого количества смертельных истязаний героя не смущает авторов: в прагматике жанра заложено напугать читателя-ребенка, и количественно, и качественно. Такое многоступенчатое изображение мученической смерти пионера-героя восходит к житийным текстам, в которых истязание плоти святого прямо свидетельствует о его духовной силе.

Особой суггестивной силой в описании мук героя обладают сенсорные образы: запахи, вкусы, осязательные ощущения. Так, перечисление истязаний партизанки Нади Богдановой заканчивается тем, что фашисты ставят ее на горячую плиту и по помещению разносится «запах горелой кожи» [Юныгерои:1985, 5]. Натуралистичность этих образов, их физиологическая достоверность стимулируют к созданию в детском воображении не только зримых, но и сенсорных ощущений.

Последние примеры со всей очевидностью иллюстрируют то, что специфичной и неотъемлемой частью нарративов о пионерах-героях является именно садистская составляющая. Садомазохистские сцены убийств и гибели, истязания детей и расчленение их трупов, ожоги на пожарах и обморожения в ледяной воде при спасании утопающих — всевозможные изображения деструкции в сюжетах о пионерах-героях носят жанрообразующий характер (например, [Коршунова:1957, 16], [Набатов:1974, 347], [Ткачев:1982, 57] и мн. др.). Заметим, что жанры современного детского фольклора (садистские стишки, пародии, переделки и пр.) также обращаются к этой тематике.

Фиксация детского «потаенного» фольклора началась сравнительно поздно (в 1970–80-е годы). При этом очевидно, что в фольклоре, в том числе детском, садистская тема существовала задолго до этого. Анализ, принятый в работе М. Л. Лурье «Садистский стишок в контексте городской

⁹⁰Из типологических коррелятов такому повествованию, помимо мультфильма, можно привести комикс как последовательность картинок. Оба явления массовой культуры стали популярны в детской аудитории позднее, но использование их жанровых черт в повествованиях о пионерах-героях еще в 1930-е годы показательно.

фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое» (в печати), убедительно показывает, что «садистские» мотивы и образы занимают ключевое место в детском (подростковом) фольклоре. По-видимому, постулат об альтернативности детского фольклора и официальной культуры на нашем материале может быть откорректирован: содержание и стилистика детского фольклора и пионерской литературы имеет много общего, например, в части пристрастия к всяческому «сализму».

И если в случае с детским фольклором садистские составляющие объясняются имманентными особенностями детской (подростковой) психологии, то создание пионерского мартирола и текстов его сопровождающих осуществлялось взрослыми вполне сознательно, более того санкционировалось идеологическими и воспитательными структурами. Именно поэтому бытование жизнеописаний не ограничивалось личным чтением или декламацией на пионерском сборе, фрагменты, содержащие сцены истязаний и расчленений, публиковались в учебных книгах по литературе и истории⁹¹.

5.3.3. Возможности сюжетного варьирования

Морфологический анализ развернутых текстов, посвященных жизнеописанию пионера-героя, показывает их двучленную структуру. Первая часть, как правило, меньшая по объему и факультативная, описывает подготовительный этап к совершению подвига (с элементами портрета героя, его характера), а вторая, более пространная и обязательная, реализует возможную последовательность сюжетных ситуаций, сводимых к диаде **противостояние — победа**. Кратко резюмируя возможности варьирования сюжета, укажем, что все факультативные элементы встраиваются в сюжет между двумя точками диады. Такими элементами являются, во-первых, **столкновение** (возможно, неоднократное), а также сюжетный ход **смерть героя — месть соратников героя**, который, в свою очередь, может быть осложнен сменой врага (**устранение врага1 — месть врага2**).

⁹¹См. об этом уже упоминавшееся исследование Д. Мамедовой [Мамедова:2002].

5.4. Жанровые традиции в беллетризованных биографиях пионеров-героев

В большинстве своем этот жанр выполнял не только функцию идеологического просвещения, но и увлекательного, захватывающего чтения. Поэтому авторы жизнеописаний пионеров-героев опирались на предшествующую традицию массовой литературы, имеющую развлекательные составляющие: авантюрно-приключенческий роман, готический роман, детектив.

Изображение ущемленного и лелеющего мысль об отмщении ребенка во многом наследует русской реалистической традиции XIX века. Можно указать на смежные мотивы, прежде всего, незаслуженные страдания и мучения детей (например, угнетенные дети и подростки у А. П. Чехова, М. Горького, Л. Чарской, В. И. Дмитриева, В. Г. Короленко, Гарина-Михайловского, Вас. Немировича-Данченко).

С другой стороны, в жизнеописаниях пионеров-героев отразились стилистические тенденции XX века, выражающиеся в первую очередь в слиянии языка криминальной публицистики и «низовых» городских фольклорных явлений (блатной песни, городского романса, слухов и сплетен⁹² и пр.). Заметное место занимает усвоение структур и стилистики советской деловой письменности.

Кроме этого, жизнеописания заполняли лакуну «ужасной» литературной продукции, возникшую из-за педагогической цензуры детского чтения в советское время⁹³. Суггестивная напряженность создавалась использованием стереотипных ситуаций (эпизоды смерти) и стилистическими техниками готической традиции и детектива⁹⁴.

⁹²В фрагменте из заметки о преследовании Володи Рудака есть отсылка к «слухам и толкам», как источнику формирования сюжета: пионеры Рубилковского отряда подтверждают на суде то, очевидцами чего они не являлись. Так «слух» органично входит в текст «репортажа из зала суда», на равных соседствуя с элементами документального жанра «криминальной сводки».

⁹³Об успешности использования приемов «ужасной» литературы сохранились многочисленные свидетельства. Читательские впечатления от нарративов о пионерах-героях колебались от «просто потрясения» до нервных срывов у юных читателей. Отзывы о прочитанном нередко публиковались в газетах, оседали в личных дневниках (примеры реакций из личных дневников и в воспоминаниях см. в [Адоньева:20001, 143–144, 146–150].

⁹⁴Этим жанром на протяжении шестидесяти лет (с 1920-х годов по 1980-е годы) удовлетворялся запрос советских детей на «ужасное». Постепенно сложились (или были возвращены в читательский круг) и другие литературные формы, отвечающие этим запросам (детские детективы, детские боевики, фэнтези и пр.). Появились и совершенно новые способы восполнения потребности в «кро-

5.5. Сниженные варианты жанра

Муссирование героической тематики в таком объеме и качестве не могло не привести к возникновению сниженных и пародийных текстов. С одной стороны, это пародийные стихотворные тексты и переделки, которые паразитируют на конкретных произведениях (песня о Павлике Морозове С. Михалкова) или на характерных сюжетных ситуациях (донос, предательство, мученическая смерть).

А с другой — это те фольклорные жанры, в которых ценности советских официальных текстов оказываются объектом иронии. Например, садистские стишки:

На полу лежит мальчишка,
Весь от крови розовый.
Это папа с ним играл
В Павлика Морозова

[Русский фольклор:1998, 561]⁹⁵.

Можно предположить, что в садистских стишках комически усваиваются не только биографические сюжеты, но и стилистика жизнеописаний (о садистских составляющих обоих жанров см. выше в разделе 5.3.2. Изображение мученической смерти). Однако преувеличивать функцию снижения высокого образца у садистских стишков не стоит. Дело в том, что садистский стишок о Павлике Морозове — единственный случай упоминания пионера-героя в этом фольклорном жанре. Садистские стишки, если и являлись, по выражению С. Б. Адоньевой, «рефлексией детей на тему официальных «страшилок» — историй мученичества детей и подростков — пионеров и комсомольцев» [Адоньева:2001, 151], то выражалась эта рефлексия своеобразно: поэтика сюжета о взрослом, убивающем ребенка (а именно этот сюжет, на

вавых» сюжетах: это кинопродукция, компьютерная игровая индустрия, телевизионные зрелища и т. д.

⁹⁵Ср. достаточно поздний по происхождению текст, опубликованный в интернете (<http://www.anekdot.ru>):

Маленький Павлик нашел кимоно
Пару приемов он видел в кино
С криком КИ-Я и ударом ноги
Папины яйца стекли в сапоги.

первый взгляд, и разрабатывается садистскими стишками вслед за жизнеописаниями пионеров-героев), в каждом жанре специфична, если не противоположна. Так, если в жизнеописаниях взрослыми в их поступках движет месть и желание расправы с ребенком, то в садистских стишках скорее азарт, игра, охотничий инстинкт, поэтому в последнем жанре не изображается причинение боли ребенку. В жизнеописаниях пионеров-героев изображение смерти ребенка континуально, оно разворачивается постепенно, в хронологической последовательности, с пространственной конкретизацией, с выписыванием деталей и подробностей убийства и мучений, хотя расчленение ребенка-героя (например, сюжеты о Павлике Гнездилове, Нине Куковеровой, Зине Портновой и мн. др.) не мешает тому, чтобы в финале текста было обретено целостное тело для почитания. Напротив, в садистских стишках смерть ребенка констатируется как «метонимический результат насилия» («головка», «кроссовки», «косточки в ряд»). Таким образом, различия в поэтике изображения смерти в этих жанрах не позволяет делать выводы о пародировании, скорее садистский стишок — это альтернативный жанр, задачей которого является создать специфическую жанровую модель изображения смерти, параллельную жизнеописаниям пионеров-героев.

Среди жанров, снижающих героические ценности жизнеописаний, можно назвать анекдоты, которые могли бытовать и в детской среде, однако все они довольно позднего происхождения (1990-е годы). К таким относится анекдот, опубликованный в интернете (<http://www.anekdot.ru>):

1. Приходит маленький мальчик в налоговую полицию. Ходит с гордым видом по коридору. Наконец, его замечает солидного вида мужчина.

— Мальчик, а как ты сюда попал и что тебе надо?

Я Павлик Морозов, мой папа не платит налогов!⁹⁶.

Как видно из приведенных примеров, чаще всего эксплуатируется образ Павлика Морозова и ассоциирующиеся с ним мотивы предательства и отцеубийства. Осмеянию и снижению культа пионеров-героев способствовали и некоторые профанирующие игровые формы (1980-е годы), например,

⁹⁶К анекдотам примыкают и так называемые «шутки»: Появился новый пионер-герой — Павлик Матросов. Он прикрыл вражескую амбразуру... Но только телом своего отца.

игра в карты, в которой в качестве колоды использовались наборы портретов пионеров-героев (вполне закономерно, что козырным тузом был Павлик Морозов).

Мы ограничились самыми очевидными параллелями, так как обстоятельный анализ контркультуры — детского фольклора — отдельная тема исследования.

Жизнеописания пионеров-героев и культовая традиция, частью которой они являются, — одна из важных составляющих пионерской культуры. В арсенале текстов, создаваемых для советских детей, жизнеописания пионеров-героев выделяются, с одной стороны, своей внутренней цельностью и единообразием, а с другой — в них представлены значимые идеологические концепты (в их изменениях), которые обнаруживаются и в других текстовых традициях пионерской литературы. Сопоставление структурных типов жизнеописаний с социально-историческим контекстом дает следующие результаты: можно выявить периоды популярности одних вариантов и вытеснение других. Так, в 1932–1935 годах наибольшую популярность имели сюжеты о борьбе с кулаками и вредителями социалистической собственности, в 1936–1938 годах о борьбе со шпионами и нарушителями государственной границы, в 1941–1945 годах — о борьбе с интервентами (фашистами). Репертуар популярных в разные годы сюжетов дает представление как о динамике самой описываемой литературной традиции, так и о влиянии внелитературных факторов (государственного идеологического заказа).

Глава 3

Функционирование пионерских текстов и их жанровая трансформация

1. Письменная фиксация пионерского праздника

1.1. Пионерский праздник как ситуация исполнения пионерской словесности

Одним из основных воспитательных постулатов пионерской организации являлась коллективная деятельность ее членов. Вне зависимости от вида деятельности (трудовая, патриотическая, учебная и др.) она реализовывалась в периодических праздничных ритуалах или ритуализованных мероприятиях. Поэтому большую часть совместного времяпрепровождения пионеры отряда/дружины были заняты подготовкой к праздникам самого различного рода: государственные праздники (Международный юношеский день, День Октябрьской революции, День Победы и пр.), праздники пионерской организации (например, день создания организации — 19 мая, прием в пионеры, вахта памяти и пр.), школьные (1 сентября, праздник последнего звонка и пр.), лагерные (Открытие/закрытие смены, Экватор, День Нептуна и пр.)⁹⁷. Помимо перечисленных, проводились тематические собрания, многие из которых в той или иной степени относятся к праздничным мероприятиям. В одном из пособий приводится список названий таких собраний: «Песни борьбы и труда», «Вечер дружбы «Непокорное сердце Чили», «Главное, ребята, сердцем не стареть (по творчеству Пахмутовой)», «Я пригласить хочу на танец

⁹⁷Состав праздников менялся в соответствии с изменениями, происходившими во взрослой праздничной традиции. Например, в двадцатые годы Международный юношеский день широко отмечался пионерами, а в последующие годы в связи с его отменой пионеры перестали его праздновать. Таким образом, состав праздников не был постоянным, но само празднование было обязательной занятостью пионеров.

вас», «Школьные годы чудесные», «Вечер этикета», «Слава рукам золотым», «Хлеб и песня», «Мой товарищ спорт» [Сценарии:1984].

Подготовка к праздникам велась и в дружинах, и в отрядах, и в звеньях. Вожатые отрядов/дружин составляли планы работы на год/лагерную смену — в этих планах каждый день должен был являться либо подготовительным днем к празднику, либо днем проведения праздника (дружинного или отрядного)⁹⁸. Организация отрядной деятельности как система подготовительных занятий к празднику сохранилась на протяжении всей истории пионерской организации. В значительной мере подготовительная и праздничная деятельность состояли в продуцировании/воспроизведении словесных текстов: члены отряда коллективно разучивают песни, публично читают и инсценируют произведения пионерской тематики, ставят пьесы и сценки, выпускают стенные газеты, составляют и рисуют лозунги и т. д.

Во время подготовки проводились собрания пионеров. Эти собрания получили название «пионерский сбор» отряда/дружины. В одном из методических пособий утверждается, что «сбор — это основная форма коллективной работы пионеров» [Пионерские:1953, 20] или в другой трактовке: «высший орган дружины» [Книгаюнаром:1982, 74]. Пионерские сборы имели различные цели: совместная трудовая деятельность, репетиция праздника, решение организационных вопросов. Описание многообразия форм пионерских сборов не входит в задачи нашего исследования. Пионерские сборы интересуют нас только как формы пионерской деятельности, в которых используются словесные тексты различного характера: от языковых клише до литературных жанров. Разнородность словесных форм пионерских сборов вынуждает наложить ограничения на отбор материала для анализа. Наиболее репрезентативным для нашего исследования является словесность праздничного пионерского сбора⁹⁹.

Мы ограничимся праздничными сборами по двум причинам. С одной стороны, потому что праздники структурно и содержательно целостны, — в отличие от простых повседневных сборов, которые в силу своей спонтанно-

⁹⁸Праздник как часть советской культуры в общих чертах охарактеризован, например, в работе В. В. Глебкина [Глебкин:1998, 73–74], более обстоятельно об изменении состава праздничных дней и особенностях праздничных мероприятий в период 1920-х годов в работах С. Малышевой, в ч. [Малышева:2005].

⁹⁹Лагерные отряды и дружины использовали те же формы работы, что и школьные, поэтому круг текстов праздничных сборов был тот же.

сти могли не иметь четко проработанной композиции и быть эклектичными по содержанию. А с другой — именно в праздничных сборах использование различных текстов пионерской словесности было регулярным и целенаправленным. Помимо этого, и подготовка, и проведение праздника имели письменную/печатную фиксацию, в отличие от будничных сборов, словесность которых реконструировать можно лишь выборочно либо в значительной степени гипотетически на основе косвенных источников или воспоминаний.

1.2. Типы исполнения пионерских текстов

В праздниках использовались различные виды деятельности: чтение стихов, маршировка, физкультурные и драматические номера и пр. Пионеры индивидуально или группами исполняли гимнастические номера, разыгрывали инсценировки, пели песни и т. д. Пионерский праздник представлял собой дивертисмент выступлений исполнителей песен, стихов, физкультурных номеров и пр.

В разные годы существовала мода на определенные виды номеров, например, в 1920-е годы особое внимание уделялось декламации, в 1930-е годы — гимнастическим номерам. С другой стороны, использование того или иного жанра зависело от целей праздника: например, в ритуализованном «смотре строя и песни» важное место занимала маршировка, а в празднике Нового года маршировку можно встретить лишь окказионально.

При всем том во всех праздниках исполнялись словесные тексты. Они несли основную семантическую нагрузку праздника.

В ритуалах действия участников подчинены ритуальным задачам. Так, например, в ритуале торжественной линейки, посвященной открытию пионерского лагеря, включение декламационного и песенного материала строго подчинено ходу ритуала. Ритуал начинается с построения, рапортов, выхода знаменного отряда и других ритуальных действий. В одном из сценариев предполагается произнесение стихов перед выходом знаменного отряда и пение песни при уходе отрядов с линейки [Линейки:1985, 2–3]. Но наличие и расположение в ритуале обоих элементов факультативно.

Напротив, в праздниках, менее ритуализованных, словесные тексты включались в зависимости от темы праздника, в соответствии с ее развер-

тиванием (пример тематического сбора, посвященного антивоенной теме см. ниже в разделе 1.5. Создание и тиражирование сценариев).

Словесные тексты могли исполняться сольно (декламация или пение) и ансамблем (песня исполнялась хором, небольшие стихотворные и прозаические тексты озвучивались хором группой чтецов).

Помимо устного способа бытования словесности, был и письменный: небольшие словесные тексты запечатлевались на бумаге в виде лозунгов, призывов, стихов и пр. Обычно они писались во время подготовительного этапа, а к празднику плакаты и транспаранты вывешивались в качестве оформления интерьера помещения, в котором проходил праздничный сбор. К празднику могли приурочиваться и выпуски стенной печати¹⁰⁰. Рекомендации по оформлению интерьера публиковались в методической литературе и периодике.

1.3. Методические пособия по подготовке праздников

С возникновением пионерской организации стали выпускаться методические рекомендации (в периодике и отдельными изданиями), ориентировавшие вожатых в методах подготовки к праздникам и в их содержании. В них давались практические инструкции, публиковался текстовый материал, рекомендуемый к исполнению (например, [Пиондер:1924], [VМеждународ:1925], [Луговской:1927], [Глаголева:1928], [Ольков:1935], [Пионерские:1953], [Панова:1956], [Бережецкая:1956], [Махлин:1962], [Пионерцеремон:1967], [ДемидоваХацревин:1973], [Пионертоварищ:1973], [Пионерпривет:1984], [Пионерсбор:1984], [Пионерскоелето:1985] и мн. другие). Еще в 1920-е годы составитель первой библиографии пионерской книги И. Разин выделяет раздел «Праздники», в котором приводит аннотированный список первых пионерских пособий, содержащих среди материалов к празднику и сценарии [Разин:1926].

¹⁰⁰ Возникновению и развитию пионерской стенной печати методистами уделялось особое внимание, которое выражалось в многочисленных инструктивных публикациях, содержащих практические советы по созданию стенной газеты. В первую очередь эти инструкции адресовались пионерам и юнкорам — корреспондентам периодических пионерских изданий.

1.4. Виды фиксации праздника

Пионерские работники письменно фиксировали план праздника и соответственно очередность выступлений. Приведем пример рекомендованного компилятивного пионерского сбора, представленный в одном из подобных методических пособий (челябинском):

СБОР ОТРЯДА Вот примерный распорядок сбора: 1. Линейка, отдача рапортов. 2. Беседа — 20–25 минут. 3. Самодеятельность (выступление звеньев, драмкружка, шумового оркестра) или спортивные состязания — I час. Распорядок может быть и иным. Предположим, в этот день отряд принимает в свои ряды новых пионеров. Это очень торжественный и важный момент не только в жизни ребят, вступающих в пионеры, но и всего отряда. В таком случае можно провести более короткую беседу (10–15 минут), посвященную значению этого события, затем прием в пионеры (15–30 минут), самодеятельность (стихи Багрицкого, Безыменского, Маяковского и других поэтов, посвященные пионерам) — 40 минут

[Памяткапв:1949, 25].

Приведенный пример — неразвернутая инструкция праздника (и подготовки к нему). Другим типом фиксации праздничного действия был развернутый конспект проведения праздничного пионерского сбора, вплоть до поэтапного комментирования. Такие комментарии в сочетании с текстами получили название «режиссерско-литературной сценарной записи» [Розовский:1970, 5] или просто «сценария» (например, отдельные издания [Сценарий:1960], [Мытеперь:1965], [Праздники:1978], [Воронкова:1983], [Сценарии:1984], [Пионервожатому:1985] и мн. др.).

Сценарии представляют собой тексты, состоящие из описаний действий участников праздника. Существенным их отличием от инструкции по проведению праздника является то, что в текст сценария, как правило, включаются целиком все словесные тексты, которые должны прозвучать. Иногда, правда, некоторые общеизвестные тексты не приводятся (например, «Звучит / исполняется Гимн пионеров»). Таким образом сценарий состоит из текстов двух типов:

1. словесная фиксация (комментарий) действий участников праздника;
2. тексты, исполняемые во время праздника.

В качестве примера приведем сценарий «траурного костра, посвященного Ленинским дням» (текст начала 1930-х годов):

1. Вступительное слово

Похоронный марш («Ты умер сегодня на славном посту»)

Декламация (Безыменский «Партбилет»)

Школьный хор («Замучен тяжелой неволей»)

Декламация (Жаров «На смерть Ленина»)

Ученица исполняет похоронный марш из 12 сонаты Бетховена

Декламация Д. Бедного «Главная улица» (коллективно). После слов «Пролетарии всех...» все поют Интернационал.

Рояль (Бетховен «Эгмонт»)

Школьный оркестр («Смело, товарищи, в ногу»)

«Мы народ стальной» (поют все)

[Шильникова:1959,216]¹⁰¹.

Тексты стихотворений и песен здесь не публикуются полностью, комментарии либо заключены в скобки — (*поют все*), (*коллективно*) — либо приводятся без скобок *Ученица исполняет...; После слов «Пролетарии всех...» все поют Интернационал*. Последний пример — распространенный способ создания связного текста сценария. В нем эксплицирована компилятивная очередность исполнения: предложная группа после слов маркирует смену исполнителя.

В сценарии попеременно используются пение (музицирование) и декламация. Тексты, включенные в сценарий, компилируются в зависимости

¹⁰¹И содержание, и прагматика ритуала направлены на создание траурного настроения. В качестве свидетельства успешного внушения настроения можно привести наблюдение взрослого участника праздника, состоявшегося по этому сценарию: «Сбор произвел на присутствующих глубокое впечатление. Мертвая тишина, настороженность, абсолютный порядок — все это свидетельствовало о том, что ребята были захвачены происходящими перед ними событиями» (цит. по: [Шильникова:1959,216]). Справедливости ради надо сказать, что подобная оценка сбора может не соответствовать действительной ситуации. В методической литературе рецепция участников ритуала могла цензурироваться: желаемое выдавалось за действительное. В любом случае приведенное высказывание свидетельствует о том, как понимают прагматику праздника методисты.

от типа исполнения (*декламация, поют все*) и тем самым противопоставляются не по жанровой принадлежности, а по типу исполнения текста.

Лишь в одном случае — пения — этому типу исполнения соответствуют исключительно песенные жанры: песни и частушки. В двух других жанровое разграничение текстов оказывается нерелевантным — и декламировались, и инсценировались любые жанры: как уже упомянутые песни и частушки, так и прозаические и драматические произведения. Так в сценарии тексты распределяются по типу исполнения, а не по жанровым особенностям.

Приведем только один пример жанровой нерелевантности, представленный, в частности, в перечне подготовительных занятий к празднику Октябрьской революции:

а). провести своими силами и при помощи партийцев и бывш. красноармейцев беседы:

1. Как жили дети при помещиках и царе и как живут теперь при Советах,

2. Ленин и Революция

б). провести чтение отрывков из подходящих книг при помощи избача,

в). организовать писание лозунгов и плакатов, различных рисунков об Окт. революции,

г). начать украшать школу и избучитальню,

д). разучить новые песни и специальные стихотворения

е). научиться ходить в строю,

ж). приготовить новые гимнастические упражнения,

з). если есть возможность — начать разучивать небольшую пьеску или инсценировку

[Пиондер:1924, 11].

Небольшая пьеса и инсценировка — здесь явления одного порядка, хотя в жанровом отношении это могли быть совершенно различные произведения. В сценарии праздника «Хлеб — всему голова» (см. ниже) инсценируются и пьеса, и песня. Тот же вывод следует и из формулировки чтение отрывков из подходящих книг — отрывки могли принадлежать произведениям достаточно большого объема (целиком их читать неуместно в рамках ограничен-

ного временем праздника), но их жанровый диапазон разнороден: повесть, рассказ, поэма, пьеса и пр. (например, повесть [ВитяКоробков:1973] или роман [Торжественно:1973]). А в сценарии прозаические фрагменты атрибутировались в самом широком значении — *отрывок из книги* (то же см. в сценарии «Хлеб — всему голова»).

Несмотря на то что жанровая принадлежность могла фиксироваться в сценарии и озвучиваться перед исполнением текста (это характерно прежде всего для песни: «А теперь прозвучит песня..»), все же гораздо большее дистрибутивное значение имела оппозиция по типу исполнения — об этом свидетельствуют употребляемые в сценариях глагольные лексемы: *поют, инсценируется, читает* (например, см. ниже в сценарии «Хлеб — всему голова»).

Родо-жанровые характеристики (в случае необходимости их пояснять) давались весьма произвольно. «Стихом» мог называться любой ритмически организованный текст, главным образом рифмованный. Прозаические фрагменты получали жанровое наименование в зависимости от типа исполнения. Если декламировался достаточно большой по объему текст, то он, как правило, назывался «рассказом» (что соответствует фрагменту любого эпического жанра), если текст инсценировался, то он получал наименование «сценки» (что соответствует драматической миниатюре или фрагменту из текста любого жанра).

Таким образом, можно назвать три основных вида исполнения словесных текстов, которые использовали пионеры: это — пение, декламация (или «громкая читка» — как часто называли в довоенное время декламацию в пионерской среде) и инсценирование. Под *пением* понимается исполнение песенных текстов, под *декламацией* — выразительное чтение стихотворных и прозаических текстов, под *инсценированием* — исполнение драматических миниатюр¹⁰².

Во многих случаях виды исполнения словесности чередуются произвольно и объяснить порядок их следования затруднительно. Примером механического чередования видов исполнения является праздник «Хлеб — всему голова». Приведем фрагмент из обширного сценария этого праздника:

¹⁰²Инсценирование как вид массового театрального действия получил особое распространение в двадцатые годы, когда под ним понималось исполнение специально созданных сценариев (часто на основе недраматических жанров) театрализованных представлений.

Ведущий¹⁰³: Долгие годы вел народ упорную борьбу «за землю, за волю, за лучшую долю...» и в октябре 1917 года победил. (*На сцену выходит отряд «красногвардейцев». На ребятах красные банты и нарукавные повязки, в руках — макеты винтовок и пулемета Максим». Они поют «Варшавянку».*)

Ведущий: Молодой Советской республике был необходим хлеб, а кулаки прятали и гноили его. Бороться с кулаками помогали пионеры. Всем известно имя пионера Павлика Морозова. Пройдут многие годы, но советские люди навсегда сохраняют память о бесстрашном пионере, отдавшем свою жизнь за хлеб.

Исполняется отрывок из пьесы В. Губарева «Павлик Морозов».

Ведущий: Постепенно крестьяне встали на новый путь — путь коллективной работы. Колхозники, вооруженные знаниями, современной техникой, получают высокие урожаи.

(Инсценируется песня «Марш трактористов», сл. В. Лебедева-Кумача, муз. И. О. Дунаевского).

Ведущий: Но мирную жизнь нашего народа нарушили фашисты. Их орды вторглись на нашу землю, неся смерть и разруху. Голодом и огнем пытались они сломить упорство советских людей. Но мы выдержали все испытания и победили. (*Выходит «партизан» в ватнике, сапогах, шапке-ушанке. Он читает отрывок из книги Ю. Королькова «Партизан Леня Голиков» о доставке партизанского обоза с хлебом в осажденный Ленинград*).

Ведущий: Схватка с фашизмом закончилась победой советского народа. Предстояло восстановить разрушенное войной сельское хозяйство и значительно расширить посевные площади. Партия коммунистов призвала народ осваивать целинные земли. Первыми откликнулись на этот призыв комсомольцы. (*Лагерный хор исполняет комсомольские песни о целине*)

[Праздники:1978, 10–11].

Чередование типов исполнения выглядит следующим образом:

¹⁰³Жирный шрифт и курсив — в тексте (чье это выделение — автора или издателя — установить не представляется возможным)

декламация	слова ведущего
пение	песня
декламация	слова ведущего
инсценирование	отрывок из пьесы
декламация	слова ведущего
инсценирование	песня
декламация	слова ведущего
декламация	проза
декламация	слова ведущего
пение	песня

Типы исполнения чередовались с учетом особенностей восприятия детской аудитории, чтобы зрители не уставали от одного типа исполнения, поэтому, например, в сценариях чередуются песни и декламационный материал (в нем в свою очередь перемежаются рифмованные тексты и проза).

1.5. Создание и тиражирование сценариев

Сценарии праздников создавались прежде всего вожатыми и другими пионерскими работниками. Но есть свидетельства, что сценарии могли писаться и самими детьми: например, в одной из методических статей, посвященных традициям лагеря «Зеркальный»¹⁰⁴, приводится такое наблюдение: «Ребята сами разрабатывают сценарии праздников, тематических вечеров, подбирают материал для них, придумывают интересную форму проведения любого общего дела» [Гальченко:1978, 46].

В пионерских дружинах и отрядах сценарии переписывались и перепечатывались, при этом переписчиками (вожатыми) вносились исправления и дополнения. Так создавались местные варианты праздников, которые в свою очередь становились основой для последующих сценариев праздников. Можно соотнести создание и бытование сценариев с созданием и распространением письменного фольклора. При таком использовании сценариев естественно терялась авторская принадлежность этих методических текстов, а вместе с тем терялась авторская атрибуция словесных текстов, входящих в сценарии.

¹⁰⁴ Лагерь пионерского актива в Ленинградской области (с 1970-го года по 1991 год).

Во время подготовки к празднику вожатые (или другие руководители) делали несколько копий сценария: переписывали или перепечатывали. Напротив текстовых фрагментов (обычно на полях) вписывались имена исполнителей-пионеров. Одна из копий разрезалась (горизонтально) на полоски с отдельными текстами, которые раздавались исполнителям. Это могли быть фрагменты стихотворного монтажа, тексты песен, реплики инсценировок. Непосредственно перед праздником проводились репетиции, на которых участники тренировались в соблюдении очередности выступлений, предусмотренных сценарием.

1.6. Монтаж словесных текстов

На протяжении 1920–1930-х годов формировалось специфическое отношение к включению словесного текста в сценарий. Если в приведенных выше примерах это целые произведения, то в послевоенное время тексты все чаще исполняются фрагментарно: песни не допеваются до конца, стихотворения и проза читаются отрывками.

С другой стороны, появляется новый способ озвучивания одного текста: несколькими чтецами. Такой способ называли *монтаж*. Использование монтажа началось в 1920-е годы и распространялось прежде всего на тематические праздничные сборы, а в послевоенное время и на пионерские ритуалы. К шестидесятым годам проведение праздников на основе монтажа стало обязательной принадлежностью пионерской работы.

Пионерскими работниками монтаж зачастую понимался расширительно, как поочередное исполнение словесных текстов **разных** типов исполнения. В таком случае приведенный выше пример из [Шильникова:1959,216], в котором чередуются декламация и пение, мог бы считаться монтажом. Возможно и другое понимание термина: фрагментирование словесного текста **одного** типа исполнения — когда, например, последовательно декламируются фрагменты из одного/нескольких стихотворений. Каждый фрагмент исполнялся одним исполнителем, или иногда все исполнители хором произносили/пропевали фрагмент.

Эти два понимания термина *монтаж* не противоречат друг другу, а соотносятся по принципу вложенности, «матрешки». В сценарии, в котором

чередуются декламация, пение и инсценирование, могут быть части, содержащие монтаж стихотворных отрывков, песен, сценок.

Монтажная основа сценариев позволяла использовать фрагменты сценария автономно — они могли быть вставлены в сценарии других праздников:

Отдельные эпизоды, посвященные важнейшим историческим событиям в жизни нашего народа, могут быть использованы также при подготовке различных тематических вечеров. /Например, эпизод, посвященный сорокалетию великой победы Советского народа в 1945 году/

[Рябов:1984, 4].

Наибольшее распространение монтаж в узком значении термина получил при декламации. Ниже, в разделе, посвященном декламации, мы подробнее остановимся на функциях такого монтажа, а здесь ограничимся лишь одним наглядным примером из рукописного сценария тематического сбора «Нам этот мир завещано беречь»:

<... >

1 чтец¹⁰⁵: Неожиданно все это было. В 8 часов 40 минут по хиросимскому времени долина осветилась желтовато-зеленым светом, похожим на грандиозную магниевую вспышку.

2 чтец:

Люди, просите — пусть Хиросима
Споет о своем несчастье.
Песня ее станет вами любимой
Сердцем вашего счастья
Город раскрыл обнаженный рот
В муке невыносимой.
Люди вы слышите?
Песню поет, песню поет
Хиросима.

¹⁰⁵ Для удобства чтения в текст внесены пометы *чтец*. В сценарии чтецам (1чтец, 2 чтец и т. д.) соответствуют фамилии исполнителей, написанные карандашом на полях.

3 чтец: Внезапно из земли показался сверкающий шар радиусом 9 метров, похожий на метеорит, только летящий не из космоса, а из земли.

4 чтец: И когда казалось, что эта масса уже застыла, на вершине вырос огромный гриб фиолетового цвета, увеличив ее высоту до 13 км.

5 чтец: В городе Хиросима, в парке мира, возвышается серый — в виде дуги памятник погибшим от атомного взрыва. На урнах с именами погибших написано: «Спите спокойно. Это больше не повторится!»

Все говорят: — Но это может повториться!

6 чтец: Израильская военщина вновь подвергла варварским артиллерийским обстрелам ливанский населенный пункт.

7 чтец: Боевые действия продолжаются на ирано-иракском фронте.

8 чтец: Администрация США стремится сорвать процесс политического урегулирования в центральной Америке и развязать себе руки для дальнейшего продолжения агрессии против Никарагуа.

9 чтец: «Молодежь и студенты — за мир» — такова тема открывшейся 20 июня в Чехословакии международной деревни мира. В городе Вамперке, в Южной Чехии, собрались сотни молодых людей, прибывших из всех уголков планеты, чтобы международный год мира стал подтверждением их готовности защищать и отстаивать его идеалы.

10 чтец:

На свете живут разноцветные дети,
Живут на одной разноцветной планете,
И эта планета на все времена
У всех разноцветных всего лишь одна!

Давайте, ребята на зло непогодам
Обнимем планету своим хороводом,
Развеем над нею и тучи, и дым.

В обиду ее никому не дадим.

11 чтец:

Чтобы розы цвели,
Чтобы дети росли,
Чтобы вечному миру быть, —
Мы хотим творить,
Мы хотим дружить,
Мы хотим жить

Все: Мир! Мир!

3 чтец:

Народам всей земли!
Для всей детей планеты!
Сегодня мы сюда пришли,
Чтоб заявить об этом.

/Звучит песня «Аист на крыше»/

Сценарий неоднороден в плане жанровой принадлежности включенных в него текстов: они взяты из стихотворений и прозаического публицистического текста неизвестного авторства (возможно, это отрывки из газет). Стихотворные и прозаические тексты разбиты на фрагменты, читаемые чтецами по очереди. Каждый чтец один раз читает свой фрагмент, лишь один из них (3 чтец) выступает дважды. Дважды чтецы говорят хором. Таким образом, в этом сценарном тексте представлены характерные черты сценария пионерского праздника: наличие словесных текстов различной жанровой принадлежности, фрагментирование связного текста, поочередность исполнения, наличие нескольких исполнителей, сочетание индивидуального и хорового исполнения.

Охарактеризуем типы исполнения словесности в аспекте их семантики и прагматики на примере пионерских праздников. Разумеется, охватить все разнообразие праздников не представляется возможным, да в этом и нет необходимости. Возьмем для характеристики те праздничные сборы, которые наиболее показательны в плане устного использования словесности: тематический сбор, ритуал приема в пионеры, календарный ритуал.

2. Характеристика текстов по типу исполнения

2.1. Пение

2.1.1. Источники материала для пения

Источниками песенных текстов, исполнявшихся на праздниках, являлись пионерские песенники (они охарактеризованы в второй главе). Вожатым и активистам пионерской работы, которые составляли сценарии праздников, были адресованы рекомендательные пособия, содержавшие списки предпочтительных для исполнения песен, например, [Произведения:1966]. Однако реальную песенную традицию песенники фиксировали косвенно или вообще не фиксировали. О ней можно судить по тому, что какие-то песни постоянно помещались в сборники (центральные и региональные). Возможно, это свидетельствует об их популярности в пионерской среде, а, возможно, об эксклюзивных, личных или идеологически санкционированных предпочтениях методистов — составителей этих песенников. Кроме того, песенная традиция во многом поддерживалась еще и фольклорными способами трансмиссии (устными и письменными) и в послевоенное время средствами грамзаписи (пластинки), а не только с помощью песенников. Тем не менее по песенникам можно реконструировать основные содержательные особенности песен (см. в главе 2 раздел 2.2. Песня).

2.1.2. Обучение пению

С одной стороны, тексты и мотивы песен пионерами воспринимались «со стороны» — запоминались при их прослушивании в различных ритуальных (сборы, пионерские костры, «орлянский круг») и неритуальных условиях (радиотрансляции, концерты хоровых коллективов). С другой — обучение пионеров пению было организованным и состояло в разучивании текстов и мотивов песен: проводились специальные занятия по разучиванию песен и обучению хоровому пению, хотя последнему уделялось меньше внимания, чем разучиванию текстов. В послевоенные годы пионерские песни стали разучивать на школьных уроках музыки, и в этом случае соблюдению мотива уделялось больше внимания. Песни разучивались по куплетно, тексты записывались. Разучивание призвано было зафиксировать текст в памяти опре-

деленного исполнительского круга, хотя был и еще один менее формализованный способ «подключения» к текстовой традиции — подпевание (особенно в песенных припевах) на пионерских кострах, когда стройности хорового пения уделялось гораздо меньше внимания, нежели в других ритуалах (линейка, прием в пионеры, «смотр строя и песни»). Характерным случаем, когда доминировало подпевание, является так называемый «орлятский круг» (традиция, по официальной версии восходящая к пионерскому лагерю «Орленок»): отряд встает в круг, пионеры кладут руки друг другу на плечи и, раскачиваясь, поют песни.

Разученные песни составляли пассивный запас пионерских песен у исполнителя-пионера. В конкретные периоды он был разным. В 1920–1930-е годы разучиваемые песни — это в основном тексты с высокой долей идеологичности, с преобладанием «взрослых» по происхождению песен (вроде «Интернационала» или «Варшавянки»)¹⁰⁶. С годами запас сугубо идеологических песен сокращался, а точнее вытеснялся песнями неполитического содержания (туристские, лирические и др.), что было связано с общим процессом ослабления политико-идеологического давления, начавшимся в 1960-е годы. В эти годы репертуар пионерских песен, реконструируемый по песенникам, значительно возрос и видоизменился.

Однако потребности конкретных ситуаций исполнения, например, в ритуальных условиях, могли не совпадать с предполагаемым пассивным песенным запасом пионеров¹⁰⁷. Возникающие в этом случае проблемы преодолевались путем целевого разучивания песен к празднику: «Важно позаботиться заранее о том, чтобы тексты некоторых песен, включенных в программу праздника, были размножены и выучены собравшимися. Тогда исполнение этих песен станет по-настоящему массовым» [Рябов:1984, 4].

¹⁰⁶Любопытно, что в большинстве песенников 1920-х тексты публиковались без нот, но с указанием мотива, на который надо исполнять. Особенности публикаций текстов отражают ситуацию становления пионерского песенного корпуса: на первом этапе это в основном, за исключением большевистских и комсомольских гимнов, перетекстовки и так называемые «песни на голос». Естественность такой публикации подтверждается и тем, что перетекстовки очень распространенное явление городского песенного фольклора (см. об этом в [Неклюдов:1997, 86–87]).

¹⁰⁷Характерный пример такой ситуации (почерпнутый из письма пионерки из Ташкентской области) приведен в одной из методических статей, посвященных музыкальной культуре пионеров 1980-х годов: «Сейчас вся молодежь увлекается поп-музыкой. И мне стыдно, что мы не знаем песен 20-х, 30-х, 40-х годов. В одном из концертных номеров тематического вечера мы должны были исполнить «Песню о встречном» и «Молодую гвардию», и вдруг выяснилось, что многие не знают слов или даже впервые слышат их» [Саволей:1982, 10].

2.1.3. Исполнение песен в пионерских ритуалах

Исполнение песенных текстов — устойчивый компонент праздничных сборов, повторяющийся независимо от их цели.

Существовало два вида озвучивания песенного текста: пение и трансляция песен. В первом случае песня озвучивается пионерским коллективом, хором или соло, а во втором — песня транслируется через аудиотехнику.

В том, что пионерская песня может транслироваться в ритуале, заключается кардинальное отличие песни в современной массовой культуре, в нашем случае пионерской песни, от народной традиционной песни: в народной традиции невозможно пассивное восприятие текста, так как признаком фольклорной песенности является «хоровое начало», то есть «сопереживание певца-слушателя как единого субъекта творческого процесса в фольклоре» [Мальцев:1989, 90]. «Необрядовая песня не предполагает «слушателя», — писал Г. И. Мальцев. — Это является фактом ее поэтики, определяющим в частности, специфику художественной формы» [Мальцев:1989,51].

С точки зрения организаторов праздника (вожатых и составителей сценария) песня является отдельным семантизированным этапом сбора, поэтому формы исполнения им представляются равноценными: важно наличие участников праздника (пионеров), воспринимающих песню или в момент «живого» исполнения, или при трансляции, причем предполагается, что в обоих случаях они внимают песне «с чувством и толком». Напротив, с точки зрения самих участников «живое исполнение» совсем не равно транслированию, так как в последнем случае песня воспринимается скорее как знаковый сигнал, нежели как содержательная информация — трансляция песни становится маркером этапа праздника, а не самим этапом. Участники обряда ждут окончания песни как знака, чтобы приступить к следующему этапу. Показательным примером является звучание песни перед выходом дружины на *линейку*¹⁰⁸, когда, например, участники ждут окончания первого куплета (содержание куплета не существенно!) с тем, чтобы сделать первый шаг¹⁰⁹.

¹⁰⁸ *Линейкой* в пионерской среде называли ритуал, представляющий собой особый вид построения отряда. Как правило, линейки служили обозначению какого-либо календарного или лагерного/школьного события.

¹⁰⁹ В повседневных сборах песня обычно служила маркером начала / конца сбора. Примером служит инструкция проведения сбора СДО (Совета друзей октябрят):

Возможен и третий случай, совмещающий в себе и хоровое пение, и трансляцию: под звучание фонограммы участники сбора подтягивают песню. Этот способ распространился в последние десятилетия существования организации, так как пионеры не обладали знанием необходимых для праздников песенных текстов, обычно официозного содержания.

Репертуар звучащих на линейке песен зависел от темы ритуала. Например, на линейке, посвященной открытию лагерной смены звучали лагерные песни. На линейке, посвященной Дню Победы, звучали песни о войне и т. д.

Песни исполнялись и во время ритуала приема в пионеры. Звучание песни в начале ритуала маркировало ситуацию как пионерскую (в той же функции выступал ритуал выноса знамени), в конце праздничного сбора песня звучала как знак консолидации пополнившегося пионерского коллектива. Гимн пионеров либо открывал, либо завершал прием в пионеры.

Отдельный случай исполнения песен представляет собой смотр строя и песни, выделившийся в отдельный ритуал уже в послевоенное время. Песня исполнялась хором во время представления каждого отряда дружины, которое состояло из акционального компонента (построение, перестроение, прохождение строем), текстового: скандирования названия отряда, девиза, речевки (при шагании на месте, в строю), и хорового исполнения песни (при прохождении). Таким образом, песня замыкала представление отряда. Она выбиралась на отрядном сборе при организации отряда, в отдельных случаях для исполнения в этом ритуале выбирали специальную песню. Необходимость выбора маршевой песни, должно быть, объясняется возникшей в шестидесятые годы «модой» на лирические отрядные песни, ритм которых не соответствовал задачам ритуала.

В наиболее аккумулятивной форме исполнение песен представлено в ритуале дружинного / отрядного «пионерского костра». В одном из методиче-

-
1. Линейка: рапорт, девиз или песня, повестка дня
 2. Переключка «Три Н» («Новое», «Нужное», «Неизвестное»)
 3. Обсуждение основного вопроса
 4. Задание членам СДО на неделю
 5. Речевка или песня

[Пионертоварищ:1973].

Показательно, что песня служит универсальным элементом, оформляющим границу ритуала.

ских пособий песня помещена в один ряд с другой словесной деятельностью: «Лучше устраивать отрядные костры. Собрало дежурное звено немного хворосту, уселись потеснее вокруг огонька — и пошли разговоры, рассказы, песни...» [Матвеев:1965, 22]. В 1970–1980-е годы исполнение песни пионерским коллективом становится, как правило, важнейшим содержательным компонентом на дружинных/отрядных кострах. Обычно пионерские костры организовывались в летнее время, как правило, в лагерях. Впрочем, аналогичные «песенные» сборы проводились и в зимнее время, но без возжигания костра (иногда с имитацией кострища). Костровую ситуацию исполнения моделировали и специальные тематические сборы, содержанием которых являлось исключительно пение песен, например, «Песни борьбы и труда», «Главное, ребята, сердцем не стареть (по творчеству Пахмутовой)», «Хлеб и песня» [Сценарии:1984].

На костре песни исполнялись одна за другой либо хором, либо соло. Сцепление песен часто напоминает серийное рассказывание анекдотов, когда в процессе возникает цепочка анекдотов. Связность звеньев такой цепочки возникает по нескольким причинам (ассоциация, тематический блок, ключевое слово, особенности концовки текста/речевой ситуации при исполнении текста и др.), причем между каждыми двумя звеньями связь устанавливается единожды, а последующий текст может присоединяться уже на основе других признаков. Нечто похожее происходит и с исполнением песен. Регламентированный сценарием порядок чаще всего представляет собой тематическую цепочку текстов песен или последовательность тематических блоков («Песни о Родине», «Песни о пионерах», «Песни о дружбе» и т. д.). Эта последовательность иерархична: сначала поются песни, более значимые с точки зрения советской идеологии, затем все менее и менее значимые. «Живая ситуация» исполнения предполагает бóльшую свободу выбора, но полевые записи непосредственного бытования пионерских песен, к сожалению, отсутствуют, а сходные современные ситуации, в которых исполняется набор песен (туристы, экспедиции), характеризуются иным репертуаром, хотя в модифицированных лагерях отдыха для детей встречаются и «традиционные» пионерские песни¹¹⁰. По-видимому, «живое» исполнение пионерских песен, в

¹¹⁰Так, в статье А. С. Башарина описывается поздняя (80–90-е гг.) локальная песенная традиция (п/л «Зеркальный» Ленинградская обл.). Правда, исследователь практически не касается

отличие от народного исполнения песен, подчинялось не столько движению групповой эмоции [Николаев:2003], сколько идейно-тематическому принципу: выбор песни совершается так же, как, например, и выбор названия отряда. Следующая для исполнения песня выбиралась из небольшого по количеству песен тематического круга, только единицей выбора в данном случае является не одна лексема, как в случае с названием отряда / звена, а целый песенный текст. Хотя нельзя исключить возможности иной цепочки: от песен «серьезных» к «веселым».

Есть и еще одно существенное отличие между бытованием народной песни и пионерской песни: текстовая цельность народной песни создается последовательностью построения его лирического смысла, по словам Г. И. Мальцева, на «образно-тематическом (“глубинном”) уровне» [Мальцев:1989, 128]. Пионерская же песня воспроизводится целиком, восстанавливаясь по памяти, «припоминается», а не «вырастает» из традиции в момент исполнения. Отсюда особую значимость приобретает такая композиционная единица песни как куплет. Память исполнителей восстанавливает усвоенную при первом и последующих прослушиваниях / пропеваниях синтагматическую сочетаемость фраз текста. Это, кстати, обуславливает и механизм передачи знания текста: так называемое покуплетное «разучивание отрядной (дружинной, лагерной и пр.) песни». В этой связи стоит указать на еще один способ исполнения песен — пионерскую игру «Кольцовка песен»:

Играющие разбиваются на группы или звенья. Ведущий объявляет тему. Например, «Песни о дружбе». Каждая группа по очереди поет по одному куплету из песен о дружбе.

Побеждает группа, за которой осталось последнее слово (песня). Игру хорошо проводить в автобусе, на привале

[Творческие:1983,5].

Очевидно, что в этом случае играющие поют только первые куплеты или припевы. Так песни распадаются на фрагменты, значимые как маркеры некоторых идеологически нагруженных тем: дружба, родина, героизм. По-

особенностей исполнения песен, так как статья посвящена составу и трансформациям песенного репертуара.[Башарин:2000]. К сожалению, это единственная попытка фольклористическими методами описать корпус этих текстов. Не говоря уже о том, что научных работ, посвященных песням пионерских лагерей предшествующего периода (1920–1970-е гг.), нет.

этому можно предположить, что в пионерской песенной традиции знание текста песни целиком не было строго обязательным, достаточно было иметь в пассивном запасе некоторое количество куплетов из разных песен.

Именно поэтому при исполнении целой песни поющие в немалой степени сосредоточены на воспроизведении заданной очередности куплетов. Об этом свидетельствует и частая ситуация «путанья куплетов», усечения их количества. Наличие изначального варианта песни обуславливает столь важную категорию «дословности» и вытекающую из нее категорию «забываемости». «Основной», «изначальный» вариант в этом случае понимается носителями традиции в основном безрефлексивно, как первый услышанный. Ведь первое знакомство с текстом может состояться не столько через печатное издание с указанием авторства песни, сколько «на костре», под гитару, в виде фольклоризованного варианта. Более того, известны случаи санкционированного «затемнения» авторства, так произошло со скаутской песней «Картошка», автор которой (В. А. Попов) был сознательно вычеркнут из всех публикаций, а песня подверглась идеологической правке (заключавшейся в удалении упоминания о скаутах, в том числе за счет усечения куплета).

На пионерских кострах звучали разученные и услышанные на других сборах песни. Эти песни (по крайней мере в послевоенное время) переписывались в рукописные песенники и исполнялись (насколько при этом записанный текст соотносился с исполняемым сказать трудно). Отсутствие нотирования в этом случае (в отличие от печатных сборников с нотами издательств «Советский композитор» или «Музыка») не мешало их бытованию. Рукописное бытование и запоминание «на слух», кстати, способствовало вариативности как текста, так и его ритмического рисунка, потере авторства, а в некоторых случаях и существенным трансформациям содержания. Так, в исследовании А. С. Башарина, посвященном песенному репертуару пионерских лагерей, есть наблюдения над «пионеризацией» непионерских по происхождению песен. В статье в качестве примера приводится авторская песня В. Ланцберга «Алые паруса», которая из песни о любви, по словам исследователя, «вдруг превратилась в песню о дружбе» [Башарин:2000, 113–114]. Очевидно, что «вдруг» в цитируемой фразе имеет совершенно неслучайный характер. Это очевидно и для исследователя, который указывает на двойную причину такой подмены: возрастные особенности мировоззрения подростков

и идеологический дискурс. Действительно, концепт «любовь» не встречается ни в каких пионерских жанрах, в то время как концепт «дружбы» является одним из основных, заявленных в законах пионеров, например: *Пионер — честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду. Законы 1967*

За рамками нашего описания остались многочисленные ситуации менее ритуализованного исполнения песен. Это — пение на отрядных «огоньках», в походах, поездках и пр. Песни в этих ситуациях, как правило, исполнялись по тому же цепочечному принципу, что и на костре.

Как уже говорилось, проводились специальные тематические сборы, содержанием которых являлось пение песен. Рассмотрим сценарии тематических сборов [История песни:1967], [Рябов:1984], посвященные истории пионерской песни с точки зрения состава исполняемых песен, принципов их расположения и способов их исполнения.

Как написано во вступлении к сценарию «Звонкая летопись» (У нас есть музыка своя!) [Рябов:1984], «основная задача праздника — пробудить в каждом школьнике гордость за свою песню, рассказать об истории создания известных пионерских песен, предложить способы их театрализации» [Рябов:1984, 3]. Во вступлении сказано, что песни расположены в хронологическом порядке (Гражданская война, рождение пионерской организации, «ее первые годы», песни Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы), но в основе расположения заложен и другой принцип — подчинение мифологизированной истории пионерской песни.

Состав и порядок песен следующий:

Пусть всегда будет солнце¹¹¹ (Сл. А. Островского) — трансляция
Песня о песне (Сл. Н. Олева) — хор
Веселый барабанщик (Сл. Б. Окуджавы) — соло и хор
Наш паровоз, вперед лети — трансляция
Орленок (Сл. Л. Шведова) — дуэт и хор
Песня из к/ф Бумбараш (Сл. В. Михайлова¹¹²) — соло
Взвейтесь кострами (А. Жаров) — хор
Юность (Сл. И. Френкеля) — хор
Эх, хорошо (Сл. В. Шмидтгофа) — хор
Песня о первом пионерском отряде — хор
Тимуровцы (Сл. К. Ибряева) — соло и хор

Гайдар шагает впереди — хор
Священная война (Сл. В. Лебедева-Кумача) — трансляция
Синенький скромный платочек — трансляция
В землянке (Сл. А. Суркова) — хор
Песня о пионерах-героях (Сл. С. Гребенникова, Н. Добронравова) — хор
Гимн Всемирной Федерации демократической молодежи
(Сл. Л. Ошанина) — хор
Новая пионерская (Сл. Ю. Коринца) — хор
[Рябов:1984].

Состав песен демонстрирует, как методисты понимают понятие пионерская песня. Это всякая советская песня, исполняемая на пионерском празднике. Таким образом, релевантным для отнесения песни к пионерским становится ситуация исполнения песни (на сборе), а не ее содержание или мелодия.

История пионерской песни в сценарии мифологизируется несколькими способами.

При отборе песен в сценарий и их расположении учитываются два принципа: содержание песни и время создания ее текста. Так, песня «Орленок» была написана в 1936 году, но ее содержание соотносилось с годами Гражданской войны, поэтому эта песня помещается в группу песен «первых лет Революции». Таким же образом интерпретируется и песня Б. Окуджавы «Веселый барабанщик» — первые пионеры воспринимались как группа детей во главе с барабанщиком (и/или горнистом), поэтому образ барабанщика имел в массовой пионерской словесности особое значение; это персонаж, воплощающий собой члена пионерского отряда, в особенности члена первых пионерских отрядов¹¹³. Поэтому песня, написанная в 1957 году, в сценарии занимает место в ряду с песнями «первых лет Революции». Аналогично используется песня из к/ф «Бумабараш», вышедшего в прокат в 1971 году.

В сценарии песенные персонажи группируются вне зависимости от времени создания песенного текста. Так, уже названные Барабанщик, Орленок, Бумбараш объединяются в одну группу:

¹¹³Ср. реплику персонажа одного из сценариев: «Наш Васька там <в пионерском отряде — С. Л.> самый главный — он на барабане играет» [ДемидоваХацревин:1973, 40].

Учитель: Песенные герои первых лет Революции! На торжественную переключку — становись!

Барабанщик /становясь по стойке «смирно»/. Номер первый — веселый барабанщик!

Орленок /четким военным шагом подходит к нему и принимает строевое равнение/. Номер второй — Орленок!

/Из конца зала раздается звонкий голос: Номер третий — Бумбараш!

Бумбараш с песней проходит по залу и поднимается на сцену/
[Рябов:1984, 13].

Тем самым происходит формирование мифологического представления об одновременности их существования в истории не только пионерской песни, но и действительной истории революционных лет. Этому способствует и соположение песенных (художественных) и реальных персонажей: например, Орленка и Шуры Анисимовой (пионера-героя).

Историческое время сжимается: события, удаленные во времени, сближаются или даже совмещаются. Эту особенность советского нарратива в целом отмечает Х. Гюнтер: «Для советской культуры возникает проблема насильственного укорочения необходимого для мифологизации исторических лиц промежутка времени, который, как правило, занимает столетия, или, как минимум, десятилетия. Поэтому применяются механизмы фальсификации и манипуляции историческими фактами, для того, чтобы сжимать индивидуальное в образцовые парадигмы» [Гюнтер:2000, 745]¹¹⁴. В тексте анализируемого сценария таким образом интерпретируется возникновение гимна пионерской организации — акцентируется моментальность создания гимна, а значит и новой песенной традиции:

После информации о создании пионерской организации в 1922 году сообщается:

¹¹⁴Этот же принцип лежит в основе первых советских инсценированных праздников. С. Ю. Малышева отмечает, что «одной из существенных черт инсценирования реальных событий было весьма произвольное обращение с фактами в угоду логике создававшегося мифа <...>» [Малышева:2004, 281], ср. у нее о мифологизации «недолгой советской истории» [Малышева:2004, 246–283]. Видимо, это общая черта сценариев советского периода. Хотя напрашивается параллель и иного рода: такой же принцип лежит в основе создания литературного произведения как такового, так называемое «смещение времен».

Пионер *С первых же дней* у нас была своя песня!

Пионерка /подходя к строю/ Идея создания первой песни пионеров принадлежала Н. К. Крупской!

Барабанщик Комсомольцу Саше Жарову поручили написать песню, да еще и в двухнедельный срок!

Пионерка А музыку написал комсомолец Сергей Дешкин

Пионер Сколько красногалстучных поколений связало с этой песней свои первые шаги в пионерских отрядах!

[Рябов:1984, 15]

Апелляция к историческим личностям, значимым для пионерской организации, в приведенном фрагменте требует комментария. Фигура Н. К. Крупской как идеолога создания пионерской организации занимает выдающееся положение в массовой пионерской словесности. Член Коллегии Наркомпроса РСФСР и вдова вождя в пионерской литературе мифологизируется, приобретает черты демиурга, инициировавшего и мгновенно осуществившего создание детской коммунистической организации. Такой образ Н. К. Крупской представлен в пионерской публицистике, ее беллетризованных биографиях, сценариях праздников.

Упоминание во фрагменте поэта Александра Жарова сопровождается указанием на его партийную принадлежность (равно как и Сергея Дешкина) — *комсомолец Саша Жаров, комсомолец Сергей Дешкин*. Мотив преемственности пионеров и комсомольцев (и/или партии) — один из центральных в пионерской словесности. Он многократно заявляется в уставе, и в частности в Законах пионеров (например, *Пионеры — младшие братья и помощники комсомольцам и коммунистам в общей борьбе за дело рабочего класса. Законы1 1929*). И столь же настойчиво повторяется в неуставных словесных текстах, например, в самодеятельной и авторской пионерской поэзии (об этом ниже, в разделе 2.2.3. Декламация в пионерских ритуалах).

В сценарии представлены все виды исполнения песен: трансляция, сольное пение, пение дуэтом, хоровое пение. Они чередуются в соответствии с ходом сценарного действия.

На примере тематического сбора видно, как пение и песня используются при создании сценарного текста. Сценарий же конструирует мифологизи-

рованную историю пионерской песни. Нетрудно предположить, что в сценарии любого другого тематического сбора отбор и расположение песен будет подчиняться идеологическим, педагогическим и другим задачам праздника.

2.2. Декламация

2.2.1. Источники материала для декламации

За годы существования пионерской организации было создано огромное количество сценариев праздников для пионеров, в которых предусматривался декламационный материал, начиная от четверостиший и коротких прозаических реплик и заканчивая большими по объему поэтическими и прозаическими текстами (в том числе и смонтированными в целое «отрывками»).

Материал для декламации («громкой читки») публиковался в периодической печати и отдельными изданиями (например, [Беседыук:1923], [Горд:1924], [Рожокиб:1927], [Пионерчтец:1925], [Пионерчтец:1928], [Пионерчтец:1930], [Сборник:1938], [Пионербалет:1948], [Укостра:1961], [Салют-пионерия:1975], [Соболевскаякулага:1978], [Для вас ребята:1982] и мн. др.). Репертуарные сборники содержали тексты различных жанров: рассказы, очерки, стихотворения, поэмы, драматические миниатюры, выдержки из повестей и романов.

Выпускались рекомендательные издания, в которых помещались списки произведений, рекомендуемых к декламации (например, [Рекомендсписки:1964]). Такие же списки публиковались и в периодике: так, в журнале Вожатый (1965 № 1) приведен список стихотворений, рекомендованных к празднику Советской Армии:

- Б. Слуцкий Памятник
- А. Межиров Стихи о мальчике
- В. Кузнецов Крепость-городок
- В. Гусев Мать и сын.

Вожатые и другие пионерские работники монтировали произведения и их отрывки, а затем на основе монтажа составляли сценарии праздников.

2.2.2. Обучение декламации

Внимание и руководящих советских органов, и пионерских методистов к искусству декламации было особое. Впрочем, это внимание распространялось не только на детей, но и на все советское общество. Ю. Н. Тынянов в статье «Проблема поэтического языка» пишет: «Как те, так и другие периоды характеризуются сопровождающими явлениями в области литературной жизни: необычайным развитием декламации за последнее десятилетие (в Германии и у нас), тесной связью декламационного искусства с поэзией (декламация поэтов) и т. д.» [Тынянов:1965, 39]. Поэт Сергей Шервинский отмечал: «Искусство исполнения стихов и прозы <...> возродилось у нас вместе с революцией и выросло до размеров небывалых» [Шервинский:1935, 7].

Создавались специальные учреждения по изучению массовой декламации, о чем писал А. В. Луначарский: «Созданы особые институты, направляющие внимание пролетариата к массовой декламации и массовому ритмическому действию. Достижениями в этой области мы смело можем гордиться перед любой страной Европы» (цит. по Вожатый. 1965. № 3. С. 37). Из институтов, изучавших декламацию, наиболее известен Институт живого слова (1918–1923) в Петрограде, после закрытия которого исследования по теории декламации еще какое-то время продолжались в Российском институте истории искусств (Петроград). Основателем и первым теоретиком коллективной декламации считается профессор В. К. Сережников. В 1920-е годы он создал «Государственный институт декламации», переименованный впоследствии в «Государственный институт слова» и «Театр чтеца».

В огромном количестве выпускалась методическая и учебная литература по обучению декламации. Среди изданий много и таких, которые были адресованы детям. Уже в двадцатые годы создавались кружки по обучению сценическому чтению, «мастерству художественного слова». Они сохранялись на протяжении всей истории пионерской организации¹¹⁵. В одной из статей методического журнала «Вожатый» в 1965 году сообщалось, что пионеры достигли высокого мастерства хоровой декламации и эти достижения

¹¹⁵Так, в 1965 году, например, существовал клуб «Многоголосое слово», в котором велось обучение выразительному чтению.

объяснялись особыми свойствами пионеров: «советским ребятам свойственно стремление к коллективному творчеству» (Вожатый. 1965. № 3. С. 38).

2.2.3. Декламация в пионерских ритуалах

В силу того, что количество сценариев праздников с использованием декламационного материала очень велико, мы ограничимся только сценариям одного пионерского праздничного ритуала — приема в пионеры.

Для анализа были взяты сценарии, опубликованные в методических пособиях, предназначенных для педагогических работников (например, [Панова:1956], [Климов:1969], [Махлин:1962].), затем сценарии, опубликованные в периодических печатных изданиях — на страницах журналов «Вожатый» и «Пионер» (например, [Ольков:1935]), кроме того, рукописные сценарии, которые непосредственно использовались в ленинградских школах в 1980-е годы.

В сценариях широко представлены специально созданные или отобранные для ритуальных целей поэтические и прозаические произведения. Среди последних чаще всего встречаются выдержки из сюжетов о пионерах-героях, разъяснения пионерской атрибутики и символики, поздравительные слова почетных гостей ритуала. Прозаические и стихотворные составляющие сценария обычно чередуются. На аналогичное чередование указывает А. Ф. Некрылова, анализируя петрушечный театр: по ее мнению, «прием смены прозы стихом (и наоборот) усиливает интенсивность восприятия последующего текста» [Некрылова:1974, 211]. Остановимся подробнее на стихотворных элементах сценариев приема в пионеры.

На протяжении своего становления ритуал претерпевал существенные изменения, в том числе по отбору и способу исполнения в нем стихотворений. Если в первых описаниях пионерского праздника это прежде всего декламация целого стихотворения (А. Жаров «На смерть Ленина», А. Безыменский «Партбилет» и др.), то постепенно возникла и была быстро внедрена так называемая коллективная декламация — мозаика из голосов чтецов; монологическое чтение заменилось «многоголосьем». Это связано с педагогической установкой на обязательную коллективность исполнения. Любопытна комплементарность пения и декламации: в первенцах жанра преобладает кол-

лективное, хоровое пение и индивидуальная декламация (крупных по объему стихотворений), а в более поздних вариантах, наоборот, стихи (целиком или смонтированные фрагменты) читаются по очереди, а песни практически не поются (в репертуаре сценариев приема в пионеры 1980-х годов песен, непосредственно связанных с пионерской тематикой, около 5–8, в отличие от репертуара в сценариях 1920–1960-х годов, в составе которых песен было намного больше).

Отметим парадоксальную ситуацию: чем настоятельнее становилось требование «сверху» изживать формализм ритуала (в частности, как раз за счет коллективности исполнения), тем все больше и больше усреднялся и редуцировался набор стихотворных фрагментов (сценарии «последних дней» пионерии — это два-три машинописных листика, в отличие от 10–15 страничных сценариев периода расцвета, который пришелся на 1960–1970-е годы). Одновременно стихи «потеряли» автора (если в 1960-е годы под некоторыми стихотворениями еще можно обнаружить имя поэта, то в 1980-е годы практически все тексты анонимны). Поэтому особенно в поздних вариантах сценариев происхождение стихотворений не всегда удается установить: отчасти это стихотворения профессиональных «взрослых» поэтов (А. Жаров, А. Безыменский, Д. Бедный, С. Шипачев) и поэтов, писавших специальные пионерские стихи для детей (О. Высотская, Е. Трутнева, Г. Мамлин и др.), но большая часть — продукция самодеятельного «производства».

В ритуал приема в пионеры стихи привлекаются для того, чтобы выразить и одновременно внушить определенную позицию идеологического «мы» и исполнителю, и слушателю. Такая прагматическая установка подкрепляется и условиями восприятия текста — аудиторно. Чрезвычайно важным оказывается путь усвоения значений — на слух, а с другой стороны — ораторское проговаривание стихотворений самими исполнителем выполняет функцию самовнушения.

Всякое публичное чтение художественного произведения предполагает индивидуальную интерпретацию, пусть и в границах авторского замысла, а в пионерском выступлении практически невозможно собственно исполнительское толкование, так как единственный верный вариант прочтения уже заложен в тексте и от исполнителя требуется лишь его воспроизвести. Это, безусловно, черта всякой тоталитарной словесности, и стихотворения пио-

нерских праздников никоим образом не уникальны. Они реализуют риторические механизмы тоталитарного искусства. И если в общем виде понятно, какова специфика оперирования словом в языке советской эпохи, ([Селищев:2003], [Левин 1994] [Серио:1999] и др.), то задачей данного раздела является анализ содержательных и стилистических особенностей ограниченной группы текстов — стихотворений, входящих в сценарии пионерского ритуала посвящения: их функции в составе сценарного целого и поэтика.

Как уже говорилось, все тексты в сценариях праздников монтируются. Стихотворения не исключение. В монтаже нет ярко выраженного членения на поэтические жанры: это могут быть выдержки из песен, баллад, поэм, но в составе сценария они утрачивают признаки жанра, подчиняясь прагматике целого.

Позволим предположить, что хаотичный, на первый взгляд, или, по крайней мере, мозаичный, набор «отрывков» стихотворений является единым комплексом, целостность которого обусловлена едиными семантико-стилистическим полем и прагматикой. Начнем с последней.

В поэтических текстах очевидна их ритуальная прагматика. Трехчастное членение ритуала перехода (выделение неофитов из противопоставленных групп (пионеры и не пионеры), пограничное состояние, новый статус) находит свое поэтическое воплощение: в стихотворной форме проговариваются этапы ритуала. Стихотворения первого этапа содержат противопоставление двух групп (членов организации и неофитов) «Я пионер — мне хорошо» — «Я готовлюсь стать пионером, мне страшно и радостно». Второй этап — это произнесение торжественного обещания:

Отряд застыл в торжественном молчанье,
Ждут друзья твоих заветных слов.
Ты даешь сегодня обещанье,
В том, что пионером стать готов.

В некоторых сценариях можно обнаружить стихотворные переложения уставного текста обещания, произносимого в кульминационный момент ритуала:

Ведь не зря в пионеры вступая,
Мы клянемся по-ленински жить,

И торжественно вам обещаем
Званье ленинцев с честью носить.

Стихотворный вариант служит суггестивной цели. С одной стороны, потому что он переформулирует прозаическое торжественное обещание, а с другой — стихотворное слово как таковое обладает большим суггестивным эффектом, чем прозаическое. Ритуал же нуждается в усилении воздействия на участников, поэтому стихотворные переложения — закономерный компонент сценариев.

На последнем этапе ритуала вступившие в ряды организации пионеры радуются приобретенному статусу:

Мы от радости стали крылатыми,
Наше счастье попробуй измерь!
Лишь вчера были мы октябрятами,
Пионерами стали теперь.

Теперь для всех я в жизни
Обязан быть примером,
А ну-ка солнце брызни,
Я принят в пионеры.

Этот день — из лучших лучших,
Мы его запомним свято...

Все приведенные примеры озвучиваются чтецами из числа вступающих. Поэтому в текстах описываются не только этапы ритуала, но и эмоциональное состояние самих вступающих, которое должно быть одно на всех — радость. Фиксирование заданных эмоций призвано вызвать у всех участников ритуала потрясение от случившегося, произвести впечатление на всю жизнь.

Необходимость вербализовать в тексте прагматическую ритуальную установку нуждается в специальной инструментари. Таким инструментарием становятся многочисленные клише, а способом внушения — навязывание устойчивых словесных сочетаний — формул-идеологем. Из простого набора этих формул складываются вообще все пионерские стихи, и совсем утриро-

ванной формой становится нарочитый монтаж, который представляет собой формульный фонд, или, правильнее будет сказать, фонд клише.

Содержательно отрывки, включаемые в сценарий, крайне бедны, набор мотивов невелик, что связано с заведомым упрощением смысловой стороны текста. Оно объясняется тем, что идентификационные механизмы смены статуса участников ритуала «работают» в условиях «пониженного смысла»; простота и доступность являются одними из важнейших дидактических черт тоталитарной суггестии.

Обретение неопитом нового статуса строится на ограниченном числе специально значимых для описываемого ритуала концептов: *преемственность* и *прозрение*, к которым и сводится поле значений в описываемых текстах.

Преемственность может метафоризироваться через понятия кровного родства: *пионер — наследник отца и старшего брата*:

А под этим знаменем
Шли в огонь бойцы.
За Отчизну бились
Братья и отцы.

или через побратимство — приобщение к жертве, принесенной старшими товарищами:

Как повяжешь галстук,
Ты светлей лицом.
На скольких *ребятах*
Он пробит свинцом.

Пионерский галстук!
Нет его родней.
Он от *юной крови*
Стал еще красней.

Помимо семейного родства постулируется и духовное: пионер наследует идеологическим вождям:

Пионер — это *сын комсомола*,

Пионер — это *внук Ильича*.

Через актуализацию этимологии слова «пионер» намечаются и более далекие «наследственные» перспективы. Иначе говоря, устанавливается преемственная связь между значимыми для пионерской идеологии практиками деятельности и их персонажами (мореходы, покорители природы, труженики и пр.) и теми, кто наделяется статусом «пионера»:

Пионерами первых зовут мореходов,
Что без карты и компаса шли наугад,
Пионер — это тот покоритель природы,
Кто на севере вырастил сад.

Пионеры и те, кто в пустыне шагали,
Пионеры и те, кто в космос пришли,
Пионеры варили сверх твердые стали
И вгрызались в глубины земли.

Пионер если взялся за дело,
До конца, до победы доводит свой труд.
Так расти закаленным и смелым,
Ведь тебя пионером зовут!

Идея преемственности может риторически оформляться путем метонимического переноса (пионер-партия, пионерский галстук — знамя, октябрятская звездочка — кремлевская звезда, отрядный флажок — флаг и т. д.).

Огнем горит наш галстук пионерский —
Ведь в галстук *твоя частица* есть.
Пятикрылой звезде под стать,
В нашей звездочке пять ребят.

Галстуки гордо мы носим не зря,
Галстук — *частица* знамен Октября

Пусть знает, пусть помнит всегда почему,
Он галстуком может гордиться:

Ведь галстук трехкрылый вручили ему,
Как славы бессмертной *частицу*.

Звезда на пилотке солдата горит,
Звезда нам о мирном труде говорит.
На детском флажке и на флаге страны
Родные советские звезды видны.

Единство поколений возможно, когда младшие наследуют «неделимую» страсть старших. «Нетленность» сердца предыдущих поколений воинов связана с идеей памяти и вечности:

И кто в сорок первом, кто в сорок пятом,
Всю душу вложил в неделимую страсть,
Сложив свою голову честным солдатом
За Советскую власть!

Но со всем поколением в сердце несу я
Вашего сердца *нетленную часть*¹¹⁶.
Навек присягаю, навек голосую
За Советскую власть!

В целом таким образом акцентируется значение преемственной цепочки.

Суггестивность поэтических отрывков достигается во многом за счет специального образного ряда. Эта топика характерна для всей пионерской поэзии, но нам она важна в силу своей особой значимости именно в контексте ритуальной актуализации идеи преемственности. К ней относятся, помимо отмеченных метонимических образов, многочисленные «кровавые» метафоры, которые представлены по принципу градации: кровь отцов, старших братьев и кровь пионеров-героев, их «юная кровь», поэтому цветковые эпитеты в основном исчерпываются лексемами «красный», «алый»:

Как повяжешь галстук,

¹¹⁶К такой сочетаемости лексем — нетленная часть — напрашивается параллель с устойчивым церковным сочетанием — нетленные мощи. Видимо, эта ассоциация не произвольна для автора текста.

Береги его.
Он ведь с нашим знаменем
Цвета одного.

И галстук и знамя навеки роднит
Цвет крови, горячей и чистой.

И надо сделать дел немало,
Прожить немало славных лет,
Чтобы потом, как знамя, алый
Прижать к груди свой партбилет.

В декламационных текстах ритуала приема в пионеры значима и степень «пропитанности» пионерских атрибутов и символов — от просто *окрашенного кровью*:

То знамя, что несете вы сейчас,
Окрашено его <знаменосца — С. Л.> горячей кровью.

Ярче любого пламени
Цвет пионерского знамени.
Правдой ленинских идей озаренное,
Кровью братьев и отцов *обагрённое*,
И пожарами боев опаленное
Славься знамя,
Наше знамя пионерское!

до *пропитанного ею* (ср. речь Л. М. Кагановича на I Всесоюзном слете пионеров: «Помните, что красный галстук пропитан кровью сотен и тысяч бойцов... Носите же с честью этот красный галстук. Крепко держите в руках красное знамя коммунизма» [Ктотакые:1937]).

Красный галстук пионерский,
В нем алеет кровь бойцов,
Тех, что пали за свободу
Наших дедов и отцов.

Любопытен вариант одного из наиболее часто встречающихся в сценариях стихотворений — это стихотворение С. Щипачева «Красный галстук», в котором есть слова о пионерском галстуке: «от *теплой крови* стал еще красней». В первоначальном авторском варианте стихотворения кровь наделяется эпитетом *теплая*, а в перепечатанном, «бытовавшем на местах», теплая заменена на *юная*: составителям сценария, очевидно, не понравились «вампирские» коннотации первоисточника¹¹⁷.

В советском дискурсе красный цвет занимает особое положение. Одним из первых обратил внимание на особенности употребления *красный* в дискурсе первых послереволюционных лет А. М. Селищев [Селищев:2003, 179–181]. Семантику и сочетаемость прилагательного *красный* рассматривают в различных научных дисциплинах и в последние десятилетия. Лингвокультурологические аспекты словоупотребления *красный* представлены исследованиях тоталитарного языка, предпринятых Н. А. Купиной на материале толковых словарей советского периода [Купина:1995, 10] и Н. Н. Ромашовым на материале советских газетных текстов [Ромашов:1995]. Употребление этого эпитета в номинативной функции при переименовании рассматривается в [Стайтс:1994, 375]. Есть исторические исследования, посвященные использованию красного цвета в массовой советской праздничной традиции, в частности в праздничном убранстве и костюмах актеров, например [Малышева:2005,190–193; 310–313]. Культурологическая интерпретация со-

¹¹⁷В песне «Песня о пионерском знамени» (автор слов В. Викторов) можно обнаружить регулярное чередование: часть(частица) — цвет — свет

Тебе поем мы славу, наше знамя,
Надежный друг и спутник юных лет.
Шагаешь ты в одной колонне с нами,
Участник наших радостных побед.

Твой алый цвет зовет на подвиг дерзкий,
Ты — наша гордость, мужество и честь.
Огнем горит наш галстук пионерский —
Ведь в галстуке твоя частица есть.

Ты светишь нам зарею кумачовой.
Наступит час — простимся мы с тобой.
И встанем в строй под знамя комсомола,
Под знамя нашей партии родной.

Песня неоднократно включалась в сценарии пионерских праздников разных типов.

отношения «красный-кровь» на материале советского дискурса (сочинениях партийных вождей) представлена в исследовании М. Вайскопфа [Вайскопф:2001]. Он характеризует это соотношение как «универсально-революционную мифологию живительного кровавого посева» [Вайскопф:2001, 217]. Е. Швейцер комментирует использование красного цвета в иллюстрациях детских книг 1920-х годов с точки зрения особенностей оптического восприятия [Швейцер:2002, 51–52]. Независимо от того, что перечисленные исследователи пользовались различными методами анализа и описывали материал преимущественно первых двух десятилетий советской власти, общий вывод из этих исследований очевиден: эпитет *красный* в советском дискурсе был максимально наделен идеологическим значением, являлся маркером всего советского и коммунистического. В пионерской словесности, и в частности словесном компоненте ритуала приема в пионеры, наличие и частота употребления этого эпитета обусловлена самой ситуацией: приобщением к пионерской организации, а значит и к советской партийной системе.

Вторую группу метафор составляют метафоры света (заря, пламя, пожар, костер), они связаны с идеей *озарения/прозрения*, которая обусловлена ритуальными задачами смены статуса:

Вот он вот он галстук алый,
Пионера верный друг
Точно все другое стало,
Изменилось все вокруг!

Гром ли грянет, солнце ль брызнет
Даст ли новый побег лоза —
Все мне очень дорого в жизни,
Все бросается в глаза.

Световая (в том числе, солярная) символика была широко распространена в советской символике (например, [Корнаков:1994]), советской праздничной традиции; это не только графические символы, но и многочисленные сюжеты сценариев советских праздников, содержащих борьбу «светлых» и «темных» сил (особенно в двадцатые годы; об этом в [Малышева:2005, 196–197]).

В пионерской праздничной традиции проводились специальные праздники, посвященные солнцу. В одном из таких праздников — «Солнышко светит ясное» [Праздники:1978] — обращает на себя внимание широкое использование тех же метафор [Праздники:1978,5–7].

Н. А. Купина в своем исследовании языка советских словарей также указывает на чрезвычайную продуктивность этой метафоры [Купина:1995, 64] (см. также ее работу [Купина:1999, 96–97]).

Образы *преемственности* и *прозрения* монтируются как в наборе отрывков, так и внутри стихотворных фрагментов. Так образуется единое смысловое поле. Цепочка ассоциаций *кровь — огонь — свет* может реализовываться в стихотворном тексте:

Он <знаменосец — С. Л.> за свободу пролил *кровь* свою,
И потому твой путь сегодня светел.

Каждый день на ладонях я галстук держу,
Он, как ясный *рассвет*, *пламенеет*.
Я разглажу его, на груди повяжу —
Теплым светом он сердце согреет.

Достижению большей суггестивности служит простая рифмовка стихотворений: это, как правило, точные рифмы, часто глагольные¹¹⁸. Элементарен и ритм, который стремится к речевой форме, скандированию. Однако нельзя сказать, что это характерно для всего нашего материала. И связано это с основным принципом монтажа: составление фрагментов из разных источников, имеющих разный ритм. В одной методической брошюре 1964 г. болеющий за дело методист сетует: «Куски, отрывки, из стихотворений различных авторов, звучащие в разных ритмах, разных размерах, механически вставляются в разрабатываемую тематическую программу, механически заучиваются, механически исполняются» [Бовшек:1964,189].

¹¹⁸В журнале «Пионер» существовал поэтический клуб «Юнга», в котором предлагались советы «как писать стихи», в частности давались рекомендации по рифмовке: «чем больше совпадает звуков в рифме, чем она точнее, тем мелодичней(!) стихотворение», пример «хороших рифм» — это «очень точные» рифмы «последней — соседней». Кроме того, замечается, что «по одним рифмам нельзя судить о стихах! <...> В стихотворении важны все слова, точность всех образов», которая достигается в случае, если «эпитеты и сравнения точные и красивые» (Пионер. 1987. № 6. С. 27).

Участники ритуала перестают понимать, о чем идет речь, и в одном из методических пособий предписывается необходимость «пояснить чтецам все непонятные слова, образные и идиоматические <так — С. Л.> выражения. Очень плохо, когда ребята произносят слова, не понимая их смысла, а это, к сожалению, встречается нередко» [Пионерское:1984].

2.2.4. Межжанровые миграции

В этом контексте уместно будет остановиться на такой особенности пионерской словесности как межжанровые миграции. В текстах сценариев приема в пионеры можно встретить цитаты из жанров уставной словесности. Об одном (торжественном обещании) речь шла выше, а сейчас остановимся и на других примерах.

К ним относятся цитаты из законов пионеров, в частности из закона: *Пионер — всем детям пример* **Законы 1925**; **Законы 1929**; *Пионер — всем ребятам пример* **Законы 1957**:

Теперь для всех я в жизни
Обязан быть примером
А ну-ка солнце брызни,
Я принят в пионеры.

Пионерский призыв «Будь готов! — Всегда готов!» в сценарии также обретает стихотворную форму и уточняется целевым дополнением, заимствованным из полного варианта приветствия «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов» (*дело партии/ленинское дело* и т. д. — варьируемые компоненты цепочки):

И не боимся мы трудов —
За все беремся смело.
Я пионер, к борьбе готов
За ленинское дело.

Разворачивание клише призвано вернуть смысл десемантизовавшимся уставным текстам. Не случайно, что такие попытки встречаются именно в текстах сценариев ритуала приема в пионеры. Описываемый ритуал — один из главных ритуалов пионерской организации, поэтому в нем используются

дополненные цитаты из устава. Таким образом уставные тексты функционируют в ритуальных условиях.

2.3. Инсценирование

2.3.1. Источники материала для инсценирования

С двадцатых годов в кругах школьных методистов и пионерских работников было популярно представление, что драматизация — один из важнейших методов работы с детьми (например, [Челюсткин:1924], [Розанов:1924], [Бурданова:1924], [Мурзаев:1924], [Огнев:1925], [Юрцев:1925], [Шпет:1933])¹¹⁹. Как и в случае с декламацией, такое пристрастие к драматизации — часть общего процесса в общественно-культурной жизни советской России 1920-х годов¹²⁰.

Издавались списки рекомендованных для исполнения драматических произведений (например, [Рекомендатсписок:1941]).

2.3.2. Обучение инсценированию

Инсценированием (в 1920-е годы в этом значении употреблялся термин «драматизация») как методом воспитания увлекались очень многие педагоги. Как правило, они обосновывали свое пристрастие к нему в терминах возрастной психологии: «Под *драматизацией* <курсив автора высказывания — С. Л.> в широком смысле слова следует разумеать «выражение в движении» <...>. Драматизация имеет целью дать выход детским стремлениям к движению, к активности и творчеству» [Мурзаев:1924,7].

Пионерские работники организовывали драматические кружки, клубы драматического искусства и пр. для обучения пионеров навыкам сцениче-

¹¹⁹Впрочем, нельзя сказать, что это было представление только советских педагогов. В дореволюционный период высокая оценка драматизации в воспитании и обучении детей также существовала (например, [Бахтин:1911], [Скородумов:1914]). Однако советские педагоги, пропагандируя драматизацию, выступали в одном ряду с организаторами агитационных спектаклей-инсценировок: на конец 1910–1920-е годы пришелся всплеск массового инсценирования, в основном исторических реконструкций (см. об этом в [Малышева:2005]).

¹²⁰Инсценированию как виду массового советского празднества посвящено авторитетное историко-культурное исследование С. Ю. Малышевой. [Малышева:2005]

ской игры. В них разыгрывались драматические миниатюры, которые затем исполнялись на различных пионерских праздниках¹²¹.

2.3.3. Инсценирование в пионерских ритуалах

Для инсценирования на пионерских праздниках использовались разнообразные тексты, либо специально написанные для постановки (см. раздел 2.3.1. Источники материала для инсценирования), либо переработанные. К последним относятся прозаические и стихотворные тексты, имеющие сюжетную основу. Примерами могут служить сценки по рассказам В. Осеевой «В трамвае» и «Волшебное слово», по стихотворению В. Лифшица, «Разговор», пьеска «О вежливости» по стихотворениям А. Барто, С. Маршака, М. Червинского, В. Масса. Перечисленные драматические миниатюры рекомендовались для включения в сценарий сбора «Что такое хорошо и что такое плохо» [Бережецкая1:1956, 101]. В монтаже «Дружба» вслед за выразительным чтением рассказа Н. Богданова «Друзья» предлагалась к постановке стихотворная сценка «Пионерское звено» о пионере, совершившем неблагоприятный поступок [Бережецкая:1956, 95]. В празднике «Рыболовы тоже хороши!» должны были ставиться сказка «По щучьему веленью», рассказ А. П. Чехова «Налим» и шуточная сказка на лагерные темы «О юном рыбаке и золотой рыбке» [Праздники:1978, 26].

В ритуале приема в пионеры инсценирование могло использоваться на заключительном этапе, например, один из сценариев заканчивается постановкой «Чапаев» [Ольков:1935, 25].

Инсценирование включалось и в ритуалы линейек. Обычно это были короткие инсценированные диалоги. Примером тому служит инсценировка, включенная в линейку, посвященную открытию лагерного праздника «Хлеб — всему голова»:

На утренней линейке зачитывается программа празднования, представляют прибывших гостей из близлежащего колхоза, районной хлебопекарни. Появляются и неожиданные гости. Выходит

¹²¹ Многие из этих кружков вырастали в самостоятельные театральные коллективы, репертуар которых отличался от массовой пионерской драматургии. Рассмотрение творчества этих театральных коллективов не входит в задачи нашего исследования.

богатырь — землепашец в старинном крестьянском костюме, на плече он держит макет «сошки кленовой».

Ответственный дежурный спрашивает у него:

«Ай же ты, оратай, оратаюшка!
Как-то тебя по имени зовут?
Как величают по отчеству?»

Отвечает оратай:

«Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу, да домой выволочу.
Домой выволочу, дома вымолочу.
Станут мужички меня покликивати
«Ай ты, молодой Микулушка Селянинович!»

На коне выезжает древнерусский богатырь. На нем шлем и латы, в руках «палица тяжелая» и «копье острое».

Ответственный дежурный снова спрашивает:

«Ты чей такой, дородный добрый молодец?
Тебя как-то, молодца, зовут по имени,
Величают удалого по отчеству?»

Отвечает ему добрый молодец:

Ай, по имени зовут меня да Илья Муромец,
По отцу-то величают сын Иванович.
Двор мне княжеский не нужен,
Не пиров держусь.
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус...» .

Далее старший пионервожатый говорит ребятам:

Изобилие хлеба как залог зажиточной жизни народа — заветная мечта миллионов людей во всем мире. Но все ли из вас знают, каким нелегким трудом достается хлеб? Все ли представляют, что, подобно капле воды, отражающей солнце, он вобрал труд тысяч людей. Вот об этом сегодня и пойдет речь на нашем празднике

В приведенном сценарии смешиваются социальная (ритуальная) стратификация (старший вожатый, ответственный дежурный) и игровые персонажи (богатыри). Для пионерских праздников вообще характерно равноправие игрового мира и социальной реальности, в сценариях нередко можно встретить «пионера» или «вожатого», вступающих в диалоги с персонажами игрового мира. С точки зрения методистов, такая диффузия социального и игрового способствует «оживлению» праздника. Но это ведет и к еще одному последствию: происходит театрализация социальной действительности, которую должны были ощущать участники действия. Это приводит к снижению статуса социальной стратификации: она наделяется чертами театральной «несерьезности».

Особым случаем «драматизации» является инсценирование песни, которое часто проводилось, в том числе, и в рамках состязания «Конкурс инсценированной песни». Эти конкурсы могли быть тематическими (песни о войне, песни экологической тематики и пр.), а могли не иметь тематического ограничения. Инсценирование песни становилось элементом конкурсной программы в «капустниках», «КВН», выпускных вечерах и других школьных/лагерных развлекательных мероприятиях.

Активно использовалось инсценирование и в календарных праздниках, в частности, в новогодних представлениях. Мы не будем останавливаться ни на описании мифологии новогодней елки советского периода (этот аспект подробно освещается в исследовании Е. В. Душечкиной [Душечкина:2002]), ни на структуре новогоднего ритуала для детей (см. [Адоньева:1999]), обратимся только к инсценированию как виду деятельности в новогоднем празднике для пионеров.

Мы воспользовались сценариями, опубликованными в пионерской периодике [Ибряев:1968], [Лившиц:1968], [Берегова:1969], [Платонов:1971], [Гай:1973], и рукописными сценариями школ и домов пионеров. За границами нашего исследования осталось огромное количество методического материала, предназначенного для дошкольного и младшего школьного возраста, а с другой стороны, мы не использовали материалы профессиональных театральных работников, в сценариях которых предусмотрено участие взрослых.

Очевидно, что мы значительно сузили материал, отбирая его по признаку адресованности: наш материал адресован пионерам и пионерским работникам. Такой подход вносит некоторую искусственность в выделение сценариев праздников для пионеров. Но существовали ситуации, в которых признак «пионерскости» особым образом влиял на содержание праздника, — речь идет как раз о сценариях, опубликованных в пионерской периодике.

Календарный новогодний ритуал представляет собой особый случай в плане использования инсценирования. Инсценирование лежит в основе данного праздничного действия: исполнители играют отведенную им по сценарию роль. Поэтому новогодний праздник в целом представляет собой самодеятельное театрализованное представление.

Набор ролей распадается на две группы: ведущие праздника и участники театрализованного представления. Первую группу составляют массовик-затейник, пионер, Петрушка, Дед Мороз, Снегурочка и др. Этот состав на протяжении новогодней праздничной традиции варьируется мало.

Напротив, вторая группа — персонажи театрализованного действия — изменяется. Изменения в составе персонажей связаны и с изменениями в сюжетах. Последние непосредственно обусловлены идеологическими и педагогическими приоритетами. Эти приоритеты менялись с достаточной очевидностью и находились в прямой зависимости от явлений исторической действительности. Так, в сценариях шестидесятых годов видное место занимает тема освоения космических просторов, поэтому и в названии, и в персонажном составе, и в сюжете заявляется космическая тема. Например, один из сценариев называется «Звездный вальс», ведущий и одновременно персонаж театрализованного действия — Звездочет, частью сюжета являются «космические аттракционы» [Ибряев:1968]. В другом сценарии космическая тема проявляется только в сюжете: Дед Мороз летает по Солнечной системе [Берегова:1969].

В семидесятые годы в пионерской словесности на первый план выступает тема школьной жизни, прилежной учебы (ср. развитие этой темы в законах пионеров, об этом в Приложении и в пионерских песнях — в главе 1 разделе 2.2.3. Песенники 1930–80-х годов: состав и поэтика). С этим связано появление сценария новогоднего представления под названием «75 минут среди знанчат и незнанцев (новогоднее елочное представление)». Персонажи

сценария — Дед Всевед, Вопросинчик, Восклицанчик и «тетрадная нечисть»: Клякса, Ошибка, Чертик¹²² [Платонов:1971]. Сюжет этого праздника типичен для сценариев периода 1970—1980-х годов: персонажи (часто во главе с Дедом Морозом) отправляются в страну знаний. Обычно в таких сценариях в начале сценического действия персонажи не обладают должным запасом знаний, но к концу представления овладевают ими. Приведем пример первой сцены одного из рукописных сценариев восьмидесятых годов (дом пионеров, г. Мышкин):

Пионер входит из-за деревьев. Он печален. Остановившись на середине сцены, говорит:

Пионер. Мне на днях сказала мама:

«Если все отметки «пять»,
Значит ты имеешь право
Елку весело встречать».

Хорошо в году учился.
Я отличник в школе был,
Но немного поленился
Двойку в классе получил.

На уроке, на диктанте
Стал с товарищем играть.
И не смог, как это надо
Слово праздник написать.

Я ужасно испугался,
Я из школы убежал,
Я домой идти боялся
И в дремучий лес попал. /Озирается вокруг/

А теперь и сам не знаю,
Что же делать? Как же быть?

¹²² Наличие персонажа Чертик объясняется в послесловии к сценарию: ученики рисуют чертиков в своих тетрадках [Платонов:1971, 32].

Как теперь на елку в школу
Мне билетик раздобыть?

/Выбегают зайцы и убегают снова/

Зайцы. Мы с тобою дружить не будем
Хвастунишка и лентяй,
Не хотел учиться в школе,
На себя теперь пеняй.

Пионер им в след

Зайцы подождите
Я хочу исправиться.
Зайцы помогите
От двойки мне избавиться [Новогодсценарий: б.г.].

Сюжет «исправившегося двоечника» вообще очень популярен в советской детской литературе и пионерской словесности (он рассмотрен в главе 1 в разделе 3 Драматические миниатюры: состав и поэтика) Помимо указанных тенденций, праздник мог посвящаться конкретным датам советского календаря, к ним относится новогодний сценарий «Добры молодцы», посвященный 50-летию образования Советского Союза:

Массовик-затейник. Дорогие ребята! Сегодня на наш новогодний праздник собрались пятнадцать республик-сестер! Мы пригласили друзей и гостей из разных республик и областей... Артисты приехали, гости пришли. И танцы и песни с собой принесли...

Массовик-затейник. Этот Новый год, ребята, особенный. Вся наша страна празднует 50-летие создания Союза Советских Социалистических Республик. Свои песни и танцы привезли на наш праздник ребята со всех концов земли советской. Ну, кто начнет наш концерт?

Идет один из номеров концертной программы, например, русский перепляс, украинский гопак или нанайская борьба¹²³.

¹²³Что включается в сценарии в качестве примера «народных традиций» довольно любопытно. Некоторые особенности понимания фольклора (и этнографии) педагогами и методистами рассмотрены нами в статье «Сказка — ложь, да в ней намек. . . », или Сказочность в методике преподавания

К о л я. Это все хорошо, но какой же праздник без елки?

В а с я. Без Деда Мороза и Снегурочки?

1-й кл о у н. Верно, ребята! Давайте все вместе отправимся за елкой!

2-й клоун. А по пути пригласим на наш праздник Деда Мороза и Снегурочку! [Добрымолодцы:1971]

Таким образом на содержание новогоднего ритуала влияли как события общественной жизни (освоение космоса, исторические даты), так и собственно педагогические установки пионерской организации (необходимость прилежной учебы).

Сценическое действие состоит из диалогов персонажей, конкурсno-игровых действий, самодеятельных выступлений. Некоторое количество сценариев содержат вложенные инсценировки: драматические миниатюры, которые исполняются в качестве подарка Деду Морозу. Рекомендованные к постановке миниатюры публиковались как в периодике, так и в репертуарных сборниках.

Таким образом, специфика функционирования пионерской литературы в пионерской коллективной практике существенно отражается на жанровой природе литературного текста. Исполнение текстов осуществлялось во время праздничных ритуалов, которые письменно фиксировались. В зависимости от вида ритуала в текстах сценариев можно обнаружить разновидности идеологических значений, обусловленные прагматикой ритуала, но при этом степень их варьированности остается в границах идеологической программы пионерской организации.

литературы» (в соавторстве с А. В. Тарабукиной; в печати), посвященной методике преподавания фольклора на уроках литературы.

Заключение

Пионерская литература занимает особое место в составе детской литературы советского периода. *Литература пионерской организации* может быть определена как литература, имеющая не просто генетическую связь с организацией, но и как явление, которое вне связи с пионерской организацией теряет свою функциональность. Тесная связь пионерской литературной продукции с социальным институтом обусловила роль, которая отводилась в ней идеологическому компоненту.

В работе выявлены жанры, представляющие собой «ядро» пионерской литературы: песня, беллетризованные биографии, драматические миниатюры, — и «периферию»: речевки, девизы. Проанализированы семантика и прагматика этих жанров, взятых в социально-историческом контексте.

В ходе исследования установлено, что идеологизированность в наибольшей степени характерна для текстов уставных документов (и их литературных переложений). В остальных разновидностях пионерской литературы идеология объективируется различными художественными способами. Способы реализации идеологических значений зависят от жанровой и функциональной специфики текста. Афористические тексты (девизы, речевки) максимально аккумулируют идеологические клише, в развернутых же повествованиях эти клише эксплицируются в сюжетах, характеризующихся специфическими пространственно-временными признаками, системой персонажей с неварьируемой оценкой внутрисистемных ролей (герой/враг), и топики, формирующей образность в соответствии с идеологическими ориентирами пионерской организации и, шире, коммунистическими, а затем советскими идейными ценностями.

Последние на протяжении существования советского государства претерпевают существенные изменения, которые систематично прослежены как в уставных документах, так в различных жанровых реализациях. Если в

1920-е годы в пионерской литературе доминировало политико-идеологическое содержание, выражающее коммунистические программные положения, то начиная с 1930-х годов, степень политизированности пионерской литературы постепенно снижалась, содержание расширялось за счет изображения собственно детской тематики: изображалась не только сфера публичной детской жизни: игры, развлечения, школьная повседневность, но и область приватного: семья, дом, дружба и пр. В то же время некоторые идеи политического происхождения при всех их модификациях сохранялись на протяжении всего периода существования пионерской литературы: это прежде всего идея государственного суверенитета Советского Союза, целостности границ и мощи его природного, экономического и культурного потенциала.

Исследование продемонстрировало, что реализация идеологических значений находится в тесной связи с жанровой спецификой текста. Пионерской организацией оказались востребованы именно те жанры, которые в наибольшей мере отвечают задачам идеологического просвещения (например, массовая песня или беллетризованная биография). Анализ поэтики этих жанров показал, какими художественными способами реализуются те или иные идеологические значения (композиция, портретные и характерологические черты персонажей, деталь и др.). Каждый жанр имеет свою историю, и в каждом случае предшествующие жанровые традиции были усвоены в пионерской литературе. В ходе исследования были выделены как непосредственные предшественники отдельных жанров, так и более отдаленные жанровые источники. Так, в случае с жизнеописаниями пионеров-героев ближайшими источниками сюжетов и образов явились скаутские рассказы о героях, нравоучительная детская литература конца XIX и первых двух десятилетий XX века, в том числе и ранняя агитационная проза для детей 1917–1922 годов. Предшествующим контекстом следует считать агиографическую текстовую традицию, агитационную «народную» литературу второй половины XIX века, и отчасти реалистическую прозу демократической направленности. В то же время на основе структурно-типологического анализа сюжетов жизнеописаний пионеров-героев выявлены и типологически близкие жанры — это соцреалистический роман и беллетризованные биографии советских героев.

В работе были выявлены и охарактеризованы три основных вида исполнения литературных текстов, которые использовали пионеры: это — пе-

ние, декламация и инсценирование. Установлена тесная взаимосвязь существенных свойств текстов пионерской литературы с прагматикой пионерской коллективной практики. Последняя среди прочего состояла в эмоциональном воздействии на участников ритуала, направленном на внушение идеологических значений. Этим обусловлены трансформации литературных текстов, используемых в пионерских ритуалах: суггестивная функция создавалась «нагнетанием» большого количества различных по жанровой природе и происхождению текстов, что приводило к фрагментации текстов и компрессии идеологических клише.

Изучение феномена *литературы организации* на материале пионерской литературы показало, что все содержательные ее свойства подчинены агитационно-пропагандистским задачам, а функционирование обусловлено коллективной ритуальной практикой организации, что может повлечь как смену статуса текста (утрата авторства, фрагментация), так и трансформации жанра и поэтики.

Результаты исследования показывают и возможные направления дальнейших разысканий как в области пионерской литературы, так и ближайших контекстов. В теоретико-литературном плане могут оказаться продуктивными попытки:

1. выяснить степень взаимовлияния пионерской литературы и советской детской литературы (на материале творчества детских писателей-классиков);
2. сопоставить пионерскую литературу с литературами типологически сходных детских организаций (в том числе и других стран);
3. сопоставить пионерскую литературную продукцию с аналогичными видами книжности для взрослых (например, советская агитационная брошюристика, серийные издания «Библиотека агитатора» и пр.);
4. выявить локальные текстовые традиции различных структурных единиц пионерской организации (пионерских лагерей, дружин, разновозрастных пионерских отрядов и др.);
5. определить зависимость пионерской литературы от письменных/печатных форм ее распространения и хранения (периодическая печать, стенная печать, документальная и личная письменность);

6. выявить закономерности сопровождения пионерских текстов графическими (эмблемы, иллюстрации, наглядная агитация) элементами, использования пионерской литературы в радиопередачах и телевидении.

Литература

Исследования

- [Агитац:1970] Агитационная литература русских революционных народников: потаенные произведения 1873–1875 гг. Л., 1970.
- [Адоньева:1999] Адоньева С. Б. История современной новогодней традиции // Мифология и повседневность. Вып. 2. Материалы научной конференции: 24–26 февраля 1999 года. СПб., 1999.
- [Адоньева:2001] Адоньева С. Б. Категория ненастоящего времени. (Антропологические очерки). СПб., 2001.
- [Алпатов:1994] Алпатов В. М. Общественное сознание и языковая политика в СССР (20-е — 40-е) // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
- [Алпатов:2000] Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. М., 2000.
- [Бабурина:2002] Бабурина Н. И. «Пятнами красок и звоном лозунгов» // Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы: Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918–1932. В 2-х тт. Т. 1. / Под ред. В. П. Толстого. М., 2002. С. 23–40.
- [Базанов:1970] Базанов В. Г. «Хождение в народ» и книги для народа // Агитационная литература русских революционных народников: потаенные произведения 1873–1875 гг. Л., 1970. С. 6–74

- [Балашов: 2003] Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление «нового человека». СПб., 2003.
- [Балина:2002] Балина М. «Какой-то непроявленный жанр»: мемуары в литературе соцреализма // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. К 60-летию Ханса Гюнтера. СПб., 2002. С. 241–258.
- [Банин:1971] Банин А. Трудовые артельные песни и припевки. М., 1971.
- [Баранов:1977] Баранов В. И. Великий октябрь и современная историко-революционная проза. М., 1977.
- [БарановКараулов:1991] Баранов А. Н., Караулов Ю. Д. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- [Барахов:1985] Барахов В. Литературный портрет (истoki, поэтика, жанр) Л., 1985
- [Басов:1987] Басов Н. Ф. История Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина (вопросы методологии и теории): Учеб. пособие, Ярославль, 1987
- [Башарин:2000] Башарин А. С. Песенный репертуар пионерлагерей. «Пионерские» песни и «пионерские» варианты // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 105–121.
- [Бельков:2005] Бельков Р. В. Литературная основа саратовской газетной культуры 20-х // Тонус. № 11. Казань, 2005. С. 117–127.
- [Бельков1:2005] Бельков Р. В. Газетная и литературная культура Саратова (на материале периодики 1920-х гг.). Автореф. дисс. . . канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- [Биржакова:1972] Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

- [Бибикова:2002] Бибикова И. М. Роспись агитпароходов и агитпоездов. Передвижной театр // Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы: Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918–1932. В 2-х тт. Т. 1. / Под ред. В. П. Толстого. М., 2002. С. 4–23.
- [Биккенин:1978] Биккенин Н. Б. Социалистическая идеология. М., 1978.
- [Богатырев:1971] Богатырев П. Г. Магические действия, обряды и верования Закарпатья // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 167–296.
- [Борисов:2000] Борисов С. Культурантропология девичества. Шадринск, 2000.
- [Брагинская:1977] Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. М., 1977.
- [Вайскопф:2001] Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001.
- [Вайсс:2000] Вайсс Д. Новояз как историческое явление // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 539–555.
- [Веселова:2000] Веселова А. Ю. Советский шпионский роман: Конструирование истории // История и филология: Проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. (Материалы международной конференции (2–5 февраля 2000 года). Петрозаводск, 2000. С. 280–286.
- [Веселова:2003] Веселова А. Ю. Сюжет побега из дома в советской детской литературе // Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства / Сост. Е. В. Кулешов, И. А. Антипова. М., 2003. С. 393–404.
- [Волков:1966] Волков И. Ф. Партийность искусства. М., 1966.

- [Волков:1968] Волков И. Ф. Партийность в литературе // Краткая литературная энциклопедия. Под ред. А. А. Суркова. Т. 5. М., 1968.
- [Вольная:1959] Вольная русская поэзия второй половины XIX века / Вст ст. С. А. Рейсера. Л., 1959.
- [Востриков:2004] Востриков А. Книга о русской дуэли. СПб., 2004.
- [Высоцкий:1915] Высоцкий Н. Г. Первый скопческий процесс. М., 1915.
- [Гаврилова:2003] Гаврилова Т. О. Амплификация как принцип построения текста на baby talk // Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства / Сост. Е. В. Кулешов, И. А. Антипова. М., 2003. С. 61–67.
- [Геллер:1974] Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. Лондон, 1974.
- [Глебкин:1998] Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998.
- [Глезерман:1954] Глезерман Г. Е. Базис и надстройка в советском обществе. М., 1954.
- [Гловиньский:1996] Гловиньский М. «Не пускать прошлого на самотек». «Краткий курс ВКП(б) как мифическое сказание» // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 142–160.
- [ГоловинЛурье:1998] Головин В. В., Лурье В. Ф. Девичий альбом XX века // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 269–363.
- [Гольденштейн:1963] Гольденштейн М. Л. Очерки по истории пионерской песни. Л., 1963.
- [Гольденштейн:1965] Гольденштейн М. Л. Большая жизнь песни: Десять бесед у пионерского костра. М.; Л., 1965.
- [Гольденштейн:1971] Гольденштейн М. Л. Живет с тобой песня. Л.; М., 1971.

- [Гончарова:2001] Гончарова В. И. Беллетризованный образ власти: Weiss Kunig императора Максимилиана I Габсбурга // Историческое знание и интеллектуальная культура. Материалы научной конференции. Москва, 4–6 декабря 2001 г. М., 2001. С. 130–134.
- [Григорьев:1929] Григорьев М. Литература и идеология: Предмет и границы литературного исследования. М., 1929.
- [Гройс:1993] Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993.
- [Губергриц:2003] Губергриц А. М. Драматургия 20–30-х годов XX века для детей на фоне развивающейся субкультуры // Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства / Сост. Е. В. Кулешов, И. А. Антипова. М., 2003. С. 256–263.
- [ГудковДубин:1994] Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы. М., 1994.
- [ГудковДубинСтрада:1998] Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М., 1998.
- [Гюнтер:2000] Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. / Сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 743–784.
- [Деркач:1989] Деркач Д. Б. Современный историко-революционный роман. Киев, 1989.
- [Джаксон:2001] Джаксон Т. Н. «Они любили друг друга тайной любовью»: беллетризация исторического факта или его отражение? // Историческое знание и интеллектуальная культура. Материалы научной конференции. Москва, 4–6 декабря 2001 г. М., 2001. С. 120–123.
- [Добренко:1990] Добренко Е. А. Не по словам но по делам его // Избавление от миражей: Соцреализм сегодня / Сост. Е. А. Добренко. М., 1990. С. 309–334.

- [Добренко:1992] Добренко Е. «Все лучшее детям» (Тоталитарная культура и мир детства) // Wiener Slawistischer Almanach, 1992. № 29. S. 159–174.
- [Добренко:1993] Добренко Е. А. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. München, 1993.
- [Добренко:1997] Добренко Е. А. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.
- [Добренко:2000] Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон / Сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 31–41.
- [Дубин:2001] Дубин Б. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б. Слово — письмо — литература. Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 98–119.
- [Добровольская:1999] Добровольская В. Е. Несказочная проза о разрушении церковью // Русский фольклор. Т. 30. СПб., 1999. С. 500–512.
- [Душечкина:2000] Душечкина Е. В. «Если песенка всюду поется...» // Музыка и незвучащее. М., 2000. С. 226–239.
- [Душечкина:2001] Душечкина Е. В. «Если хочешь быть здоров»: Идея здоровья в советской детской песне // Studia literatura Polono-Slavica. 6. Morbus, medicamentum et sanus. Choroba, lek i zdrowie — Болезнь, лекарство и здоровье — Illness, Medicine and Health. Polska Akademia Nauk — Institut Slawistiki. Warszawa, 2001. С. 399–412.
- [Душечкина:2002] Душечкина Е. В. Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002.
- [Душечкина:2005] Душечкина Е. В. «Тема дружбы в пионерских песнях» // Материалы международной конференции «Пост-

- советское перечтение текстов». Финляндия. Йоэнс-
сууский университет. 7 октября 2005 г. (в печати)
- [Дюжев:1972] Дюжев Ю. В. В поисках лучшего: Проблема героя в
книгах о Пионерии 20-х гг. // Ученые записки Пет-
розаводского государственного университета. Т. 18.
Литература и общество. Петрозаводск, 1972. С. 95–
111.
- [Еремина:1977] Еремина В. И. Классификация народной лирической
песни в советской фольклористике // Русский
фольклор Т. XVII. Л., 1977. С. 107–119.
- [Есаулов:2000] Есаулов И. Жертва и жертвенность // Соцреалистиче-
ский канон. /Сб. ст. под общ. ред. Х.Гюнтера и
Е. Добренко. СПб., 2000. С. 797–803.
- [Зимовец:1989] Зимовец С. Дистанция как мера языка искусства (к во-
просу о взаимоотношении соцреализма и авангар-
да) // Даугава. 1989. № 8. С. 121–124.
- [История:1992] История, теория и практика скаутизма: Организа-
ционные вопросы. Документы и материалы. /
Сост. Ю. В. Кудряшов. Архангельск, 1992.
- [Калашникова:2003] Калашникова М. В. Современная альбомная традиция
// Современный городской фольклор. М., 2003.
С. 599–619.
- [Калашникова:1984] Калашникова Р. Б. Обериуты и В. Хлебников: (звуковая
организация стиха) // Проблемы детской литерату-
ры. Петрозаводск, 1984. С. 90–98.
- [Келли:2003] Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: ин-
тернационализм, дети и советская пропаганда / Но-
вое литературное обозрение, 2003, № 60.
- [Кербелите:2001] Кербелите Б. Типы народных сказок: Структурно-се-
мантическая классификация литовских народных
сказок. М., 2001.

- [Китанина:1999] Китанина Т. А. Материалы к указателю литературных сюжетов (сюжеты о соперниках и призраках) // Русская литература, № 3, 1999. С. 205–218.
- [Китанина:2000] Китанина Т. А. «Двойник» Антония Погорельского в литературном контексте 1810–1820-х годов. Автореф. дисс. . . . канд. филол. наук. СПб., 2000.
- [Китанина:2002] Китанина Т. А. Сюжетные традиции девичьего рукописного рассказа // Рукописный девичий рассказ / Сост. С. Борисов. М., 2002. С. 504–519.
- [Кларк:2000] Кларк К. Положительный герой как вербальная икона // Социалистический канон. / Сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 567–585.
- [Кларк:2002] Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002.
- [Клубков:2003] Клубков П. А. «На посту пограничник стоит. . .» // Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства / Сост. Е. В. Кулешов, И. А. Антипова. М., 2003. С. 405–412.
- [Кокорина:1996] Кокорина Е. В. Новизна и стандарт в языке современной газеты (Особенности использования стереотипов) // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 169–181.
- [Колесова:1972] Колесова Л. Н. Школа и школьная жизнь в журнальной беллетристике 1920-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 18. Литература и общество. Петрозаводск, 1972. С. 85–94.
- [Корнаков:1994] Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 года // Анатомия революции. СПб., 1994. С. 356–364.

- [Кудряшов:2000] Кудряшов Ю. В. Российское скаутское движение: история, теория, практика: Документы и материалы 1920–1924 гг. Архангельск, 2000.
- [КукулинМайофис: 2003] Кукулин К., Майофис М. Детское чтение советской эпохи: несоветский взгляд // Новое литературное обозрение. 2003. № 2 (60). С. 214–217.
- [Куницын:1973] Куницын Г. И. Политика и литература. М., 1973.
- [Куницын:1979] Куницын Г. И. Еще раз о партийности художественной литературы. М., 1979.
- [Купина:1995] Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, 1995.
- [Купина:1999] Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.
- [Левин:1998] Ю. И. Левин. Семиотика советских лозунгов // Ю. И. Левин. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 542–556.
- [Левинг:2005] Левинг Ю. Латентный эрос и небесный Сталин: о двух антологиях советской «авиационной» поэзии // Новое литературное обозрение. № 76. М., 2005. С. 143–172.
- [Ленин:1974] Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Сборник произведений В. И. Ленина. М., 1974. С. 48–53.
- [Литягин:2000] Литягин А. А. Число в детской игровой поэзии // Традиция в фольклоре и литературе / Сост. М. Л. Лурье. СПб., 2000. С. 82–90.
- [Лотман:2000] Лотман Ю. М. К проблеме типологии текстов // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 442–447.
- [Лупанова:1969] Лупанова И. Полвека. Детская литература 1917–1967. Очерки. М., 1969.

- [Маевская:1975] Маевская Т. П. Идеи и образы русского народнического романа (70–80-е гг. XIX века). Киев, 1975.
- [Маевская:1978] Маевская Т. П. Романтические тенденции в русской прозе конца XIX века. Киев, 1978.
- [Маевская:1988] Маевская Т. П. Романтические тенденции в системе русского реализма 70–80-х годов XIX века (рассказ и повесть). Автореф. дисс... докт. филол. наук. Киев, 1988.
- [Макаров:1990] Макаров М. Л. Коммуникативная структура текста. Тверь, 1990.
- [Макаров:2003] Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
- [Малышева:2005] Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005.
- [Мальцев:1989] Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л., 1989.
- [Маматова:1990] Маматова Л. Модель киномифов 30-х годов // Искусство кино. 1990. № 11. С. 103–111.
- [Мамедова:2002] Мамедова Д. Персонажи власти в литературе для детей советского времени // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского. М., 2002. С. 131–158.
- [Марголина:1926] Марголина С. О беллетристике в детских журналах // Народный учитель. 1926, № 9.
- [Медведев:1993, 169] Медведев П. Н. (М. М. Бахтин) Формальный метод в литературоведении. М., 1993.
- [Менцель:2000] Менцель Б. Советская лирика сталинской эпохи // Соцреалистический канон. /Сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 953–969.

- [Миловидов:2000] Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса. Тверь, 2000.
- [Мурашов:2002] Мурашов Ю. Слепые герои — слепые зрители: О статусе зрения и слова в советском кино // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. К 60-летию Ханса Гюнтера. СПб., 2002. С. 412–427.
- [Надточий:1989] Надточий Э. Друк, товарищ и Барт (Несколько предварительных замечаний к вопрошению о месте социалистического реализма в искусстве XX века) // Даугава. 1989. № 8. С. 114–120.
- [Найман:2002] Найман Э. Чубаровское дело: групповое изнасилование или утопическое желание // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. К 60-летию Ханса Гюнтера. СПб., 2002. С. 52–82.
- памяти академика Н.И. Конрада. М., 1974. С.129–140.
=====
- [Неклюдов:1974] Неклюдов С. Ю. «Героическое детство» в эпосах Востока и Запада // Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти академика Н. И. Конрада. М., 1974. С. 129–140.
- [Неклюдов:1997] Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре / Под. ред. А. Архипова и И. Полинской. Berkeley, 1997. Вып. 2. С. 77–89.
- [Некрылова:1974] Некрылова А. Ф. Закон контраста в поэтике русского народного кукольного театра «Петрушка» // Русский фольклор. Л., 1974. Т. XIV. С. 210–218.
- [Николаев:2003] Николаев О. Р. Новый год: праздник или ожидание праздника // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 176–187.

- [Ополитике:1954] О политике партии в области художественной литературы. Резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. // О партийной и советской печати. М., 1954. С. 343–347.
- [Оскоцкий:1977] Оскоцкий В. Д. Негасимое пламя костра: историко-революционная тема в советской многонациональной прозе. М., 1977.
- [Программа:1961] Программа Коммунистической партии Советского Союза // КПСС. Съезд, 22-й. Москва. 1961. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 323–428.
- [Орлова:2004] Орлова Г. А. Овладеть пространством: физическая география в советской школе (1930–1960-е гг.) / Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 4. С. 163–186.
- [Пионерия:1991] Пионерия и скаутизм: от конфронтации к сотрудничеству / Сост. Э. А. Гурин. Киев, 1991.
- [Плаггенборг:2000] Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
- [Подлубнова:2005] Подлубнова Ю. С. Метажанры в русской литературе 1920–1940-х годов («коммунистическая» агиография и «европейская» сказка-аллегория). Автореф. дисс. . . . канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- [Подтынная:1995] Подтынная Е. А. Русский скаутизм: история, теория, практика (1909–1923 гг.) АКПН. М., 1995.
- [Полянский:1925] Полянский В. Об идеологии в литературе // Современная литературная критика: 1918 — 1924. Л., 1925.
- [Покровская:1926] Покровская А., К. Приключения в современной детской литературе // Новые детские книги. М. 1926. Вып. 4. С. 17–93.

- [Поспелов:1964] Поспелов Г. Н. Эстетическое и художественное. М., 1964.
- [Пропп:1998] Пропп В. Я. Морфология сказки. СПб., 1998.
- [Путилов:1994] Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.
- [Рабинович:2000] Рабинович Е. Г. Языковая конвергенция в условиях развитого социализма // Риторика повседневности. СПб., 2000. С. 96–111.
- [Резолюция:1972] Резолюция XIII съезда партии // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов. М., 1972. С. 109–116.
- [Рогачев:1972] Рогачев В. С Лениным в сердце: Страна Пионерия в советской поэзии для детей начала 20-х гг. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 18. Литература и общество. Петрозаводск, 1972. С. 131–147.
- [Рождественский:1979] Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М., 1979.
- [РозинДавыдов:1990] Розин М., Давыдов Д. «Три кита советской тоталитарной мифологии» // Даугава. 1990. № 12. С. 63–69.
- [Романенко:2000] Романенко А. П. Советская словесная культура: образ рителя. Саратов, 2000.
- [Ромашов:1995] Ромашов Н. Н. Система идеологем русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет. Автореф. дисс. . . канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995.
- [Ронен:2000] Ронен О. Детская литература и социалистический реализм // Соцреалистический канон. / Сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 969–980.

- [Русская поэзия:1997] Русская поэзия детям. В 2-х тт. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е.О.Путиловой. Т.2. СПб., 1997.
- [Рыклин:2000] Рыклин М. Немец на заказ: образ фашиста в соцреализме // Соцреалистический канон. / Сб. ст. под общ. ред. Х.Гюнтера и Е.Добренко. СПб., 2000. С.814–830.
- [Секерская:1929] Секерская Я. К диалектике идеологического творчества // Революция и культура. 1929. № 9/10. С. 44–56.
- [Селищев:2003] Селищев А. М. Труды по русскому языку. Т.1. Язык и общество. / Сост. Б.А.Успенский, О.В.Никитин. М., 2003.
- [Серио:1999] Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Под ред. П.Серио. М., 1999. С.337–384.
- [Синявский:1990] Синявский А. (Абрам Терц) Что такое социалистический реализм // Избавление от миражей: Соцреализм сегодня / Сост. Е.А.Добренко. М., 1990. С.54–79.
- [Синявский1:1990] Синявский А. Роман М. Горького «Мать» — как ранний образец социалистического реализма // Избавление от миражей: Соцреализм сегодня / Сост. Е.А.Добренко. М., 1990. С.80–92.
- [Скачков:1984] Скачков И. В. Нравственные уроки истории: современный историко-революционный роман и проблемы воспитания нового человека. М., 1984.
- [Сквозников:1990] Сквозников В. По поводу одного абзаца (О массовой песне 30-х годов) // Вопросы литературы. 1990. № 8. С 6–18.

- [Советскоебогатство:2002] Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. К 60-летию Ханса Гюнтера. СПб., 2002.
- [Сохор:1959] Сохор А. Н. Русская советская песня. Л., 1959.
- [Соцканон:2000] Соцреалистический канон / Сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000.
- [Соцреализм:1990] Соцреализм: избавление от миражей / Сост. Е. А. Добренко. М., 1990.
- [Стайтс:1994] Стайтс Р. Русская революционная культура и ее место в истории культурных революций // Анатомия революции. СПб., 1994. С. 372–383.
- [Тарабукина:2003] Тарабукина А. В. Сколько голов у Каина? Логика нарратива «церковных людей»// Вестник ГПА. СПб., 2003, № 3. С. 19–22.
- [Толстая: 1994] Толстая С. М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 172–178.
- [Толстой:1993] Толстой Н. И. Еще раз о славянском ритуальном диалоге // Славянское и балканское языкознание: структура малых фольклорных текстов. М., 1993. С. 82–111.
- [Толстой:2002] Толстой В. П. Искусство плакатных форм. Советская Россия. 1918–1932 // Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы: Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918–1932. В 2-х тт. Т. 1. / Под ред. В. П. Толстого. М., 2002. С. 1–4.
- [Томашевский:1959] Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Курс лекций. Л., 1959.
- [Томашевский:2003] Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 2003.

- [Тренин:1939] Тренин В. О. О «смешной поэзии» // Детская литература, 1939. № 9. С. 20–25.
- [Тумаркин:1997] Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997.
- [Тынянов:1965] Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965.
- [Тынянов:2002] Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция. Избранные труды. М., 2002. С. 189–204.
- [Тюпа:1990] Тюпа В. Альтернативный реализм // Избавление от миражей: Соцреализм сегодня / Сост. Е. А. Добренко. М., 1990. С. 345–372.
- [Цивьян:1993] Цивьян Т. В. О роли слова в тексте магического действия // Славянское и балканское языкознание: структура малых фольклорных текстов. М., 1993. С. 111–121.
- [Черных:1996] Черных В. Е. Твой скаутский путь. М., 1996.
- [Черняк:2005] . Черняк М. А. Феномен массовой литературы XX века: проблемы генезиса и поэтики. Автореф. дисс... докт. филол. наук. СПб, 2005.
- [Чигменцев:2001] Чигменцев Е. А. Спартак: образ вне времени // Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001. С. 146–150.
- [Чудакова: 1990] Чудакова М. Сквозь звезды к терниям (Смена литературных циклов) // Новый мир. 1990. № 4. С. 242–263.
- [Шведов1:1991] Шведов С. Уроки букваря // Знание — сила. М., 1991. № 11, С. 41–47.
- [Шведов2:1991] Шведов С. Сталинский букварь и воспитание советского человека // Сюжет и время. Сб. научных трудов

- к семидесятилетию Г. В. Краснова. Коломна, 1991. С. 56–61.
- [Шведов3:1991] Шведов С. Счастливые люди, или Чему нас учили в школе // Горизонт. М., 1991. № 10. С. 21–27.
- [Шервинский:1935] Шервинский С. Художественное чтение: Учебник для театральных вузов, техникумов, студий. М., 1935.
- [Шерель:2004] Шерель А. Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию: Очерки. М., 2004.
- [Шмелева:2005] Шмелева Т. В. Словесность в свете интеграции и дифференциации // Педагогика, психология, словесность / Сост. и ред. Г. А. Орлова, Т. В. Шмелева. Великий Новгород, 2005. С. 70–101.
- [Шободаева: 1995] Шободаева А. Российский скаутизм: история, теория, практика. Омск, 1995
- [Штейнер:2002] Штейнер Е. Авангард и построение нового человека. Искусство советской детской книги 1920-х годов. М., 2002.
- [Ядов:1961] Ядов В. А. Идеология как форма духовной деятельности общества. Л., 1961.
- [Яковлев:1979] Яковлев М. В. Идеология. Противоположность марксистско-ленинской и буржуазных концепций. М., 1979.
- [Яркова:1999] Яркова А. В. И. С. Тургенев в творческом сознании Б. К. Зайцева. Автореф. дисс... канд. филол. наук. СПб., 1999.
- [Яркова:2002] Яркова А. В. Жанровое своеобразие творчества Б. К. Зайцева 1922–1972 годов. СПб., 2002.
- [Groys:1992] Groys. B. The Total Art of Stalinism. — Princeton, 1992.
- [Günther:1984] Günther H. Die Verstaatlichung der Literatur. Entstehung und Funktionsweise des sozialistisch-realistischen

- Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. Stuttgart: Metzler, 1984.
- [Günther:1990] Günther H. The Road to the New Man in the Stalin Bildungsroman // The Culture of the Stalin Period. London, 1990. P.193–209.
- [Günther:1993] Günther H. Der sozialistische Übermensch. M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart, 1993.
- [Kaës:1967] Memoire historique et usage de l'histoire chez les ouvriers français. — Mouvement social, P., 1967, № 61, p.13–32.
- [Kelly:2005] Kelly C. Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. London: Granta, 2005.
- [Klark:1981] Klark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago, London, 1981.
- [Seriot:1985] Seriot P. Analyse du discours politique Sovietique/ Institut d'Etudes slaves. Paris, 1985.

Источники

- [VМеждународ:1925] V Международная детская неделя. Сб-к. Сост. И. Разин, Н. Потапов. М., 1925.
- [Адлер:1935] Адлер И. Работа группы октябрят // Вожатый. 1935. № 9. С. 61–65.
- [Акульшин:1927] Акульшин Р. О Девочке Маришке, о новеньком пальтишке, о свинье ужасной и о звездочке красной. М., 1927.
- [Алтаев:1925] Алтаев А. Стенькина вольница. М., 1925.
- [Антонов:1969] Антонов И. Багровый снег // Всегда готов! Рассказы о ленинградских пионерах. Л., 1969. С.137–145.
- [АргоДеге:1920] Два Петра. Петрушечное представление в стихах. Соч. Арго и Деге // Раненый красноармеец. 1920. № 8.

- [Ауслендер:1924] Ауслендер С. Будь готов. М., 1924.
- [Ауслендер:1925] Ауслендер С. Случай на море. М.; Л., 1925.
- [Ауслендер:1926] Ауслендер С. Дни боевые. М., 1926.
- [Афанасьев:1954] Афанасьев П. О., Кореневский Е. И., Шапошников И. Н. Сборник статей для изложения. М., 1954.
- [Багиров:1938] Багиров М. Д. Бесстрашный боец партии Ленина-Сталина. Баку, 1938.
- [Бахтин:1911] Бахтин Н. Обзор пьес для детского и школьного театра. М., 1911.
- [Бейшаналиев:1959] Бейшаналиев Ш. Кычан. М., 1959.
- [Берегова:1969] Берегова М., Рыжова Э. Новый год — путешественник // Затейник. Зима 1969/1970. С. 8–11.
- [Бережецкая:1956] Бережецкая Н. Г., Голубовская Е. К. Из опыта подготовки сбора отряда, посвященного дружбе // Пионерская работа в начальных классах. М., 1956. С. 87–100.
- [Бережецкая1:1956] Бережецкая Н. Г. Сбор отряда на тему «Что такое хорошо и что такое плохо» // Пионерская работа в начальных классах. М., 1956. С. 100–105.
- [Беседук:1923] Беседы у костра. М., 1923.
- [Бляхин:1924] Бляхин П. Красные дьяволята. Харьков, 1923.
- [Бовшек:1964] Бовшек А. Г. Художественное слово в детской самостоятельности // Пионерия шагает по родной стране. М., 1964.
- [Богданов:1925] Богданов Н. Семь бед. М., 1925.
- [Будьготов:1916] Будь готов. М., 1916.
- [Будьготов:1923] Будь готов. Сб. рассказов. Воронеж, 1923.
- [Будьготов1:1923] Будь готов. Сб. переводных рассказов. / Под ред. А. Ф. Насимовича. Пг., 1923.

- [Бурданова:1924] Бурданова М. С. Театральная работа в школе с детьми (аномальными) // Театр в школе. Л., 1924. С. 107–176.
- [Валентин:1924] Валентин З. Приключения пионера Пети. М., 1924.
- [Введенский:1933] Введенский А. Что кому? Школьный театр первой ступени. Л., 1933. С. 72–85.
- [Взвейтесь кострами:1982] Взвейтесь кострами...: Пионерские песни. М., 1982.
- [ВитяКоробков:1973] Витя Коробков. Инсценировка по повести Я. Ершова «Витя Коробков — пионер-партизан» // Репертуар для детской художественной самодеятельности. М., 1973. С. 60–72.
- [Военныйвечер:1929] Военный вечер // Затеи́ник. 1929. № 1. С. 4–10.
- [Вожатый:1985] Вожатый, ты — педагог! Методические рекомендации в помощь слушателям пионерского отделения ФОП, пионерским вожатым и воспитателям пионерских лагерей. Ч. I. Витебск, 1985.
- [Вожди:1924] Вожди Октябрьской революции. М., 1924.
- [Воронкова:1983] Воронкова Т. Мы дети страны Пионерии. М., 1983.
- [Впомощь:1943] В помощь пионерскому вожатому. Л., 1943.
- [Впомощь:1961] В помощь учителю и старшему вожатому. Казань, 1961.
- [Всесоюзная: 1981] Всесоюзная пионерская организация им. В. И. Ленина. Документы и материалы /Общ. ред. А. В. Федуловой /Сост. В. Д. Шмитков. М., 1981.
- [Гай:1973] Гай Е. Здравствуй, новый год! (Сценарий новогоднего концерта с включением авторских номеров) / Затеи́ник. 1973. № 12. С. 34–38.
- [Гальченко:1978] Гальченко А., Егурнова Н., Бианки В. На Фонтанке и в «Зеркальном» // После школьного звонка. О работе внешкольных учреждений. М., 1978.

- [Глаголева:1928] Глаголева Н. Как и что рассказывать пионерам. М.; Л., 1928.
- [Глебов:1950] Глебов А. Звено отважных // Пионерский театр. М., 1950. С. 78–93.
- [Глязер:1931] Глязер С. Нерукотворный образ // Затеишник. 1931. № 6. С. 42–43.
- [Горд:1924] Горд Э. Маленькие спартаковцы. Харьков, 1924.
- [Гралица:1926] Гралица Ю. Детский Интернационал. М.; Л., 1926.
- [Григорьев:1924] Григорьев С. Т. Красный бакен. М., 1924.
- [Губарев:1953] Губарев В. Г. Павлик Морозов. М., 1947.
- [Гудко:1912] Гудко Я. Юный разведчик. Плоск, 1912.
- [Гумилевский:1925] Гумилевский Л. Некоторые случаи из жизни Гриньки. М., 1925.
- [Гуревич:1924] Гуревич И. С. Спартак. М., 1924.
- [Гюго:1922] Гюго В. Гаврош. М., 1922.
- [Давидов:1925] Давидов Г. Как негритенок Джой стал юным пионером. М., 1925.
- [Данько:1925] Данько Е. Настоящий пионер. М.; Л., 1925.
- [Двамира:1923] Два мира («Барчата и ребята бедноты») Сб. рассказов В. Мужейля, А. Анненской, А. Куприна, В. Винниченко. М.; Л., 1923.
- [ДемидоваХацревин:1973] Демидова Л. Хацревин Г. Пионер, прошел ты путь немалый! // Репертуар для детской художественной самодеятельности. М., 1973. С. 38–56.
- [Деткомдвиж:1924] Детское коммунистическое движение. Вып 1. Вятка, 1924.
- [Детэнцикл:1978] Детская энциклопедия. М., 1978.
- [Для вас ребята:1982] Для вас, ребята!: Репертуарный сборник. М., 1982.

- [Документы:1967] Документы II Пленума ЦК ВЛКСМ 1–3 февраля 1967 г. М., 1967
- [Документы:1970] Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о работе Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. М., 1970.
- [Друнин:1925] Друнин В. Тарас Шевченко. М., 1925.
- [Жаров:1926] Жаров А. Приключения Феди Рудакова. М., 1926.
- [Жаров:1961] Жаров А. Рождение песни // Костер, 1961. № 5. С. 26–27.
- [Жизнь:1934] Жизнь, отданная революции. М., 1934.
- [Жуков:1916] Жуков И. Н. Русский скаутизм. М.; Пг., 1916.
- [Задыхин:1925] Задыхин Я. Обращение Петьки // Октябрь в пионерском клубе. Л., 1925.
- [Зарахович:1982] Зарахович И., Трухачева Т. «Торжественно обещаю» // Воспитание школьников. 1982. № 2. С. 36–39.
- [Захарченко:1910] Захарченко Г. А. Юный разведчик. М., 1910.
- [Зильвер:1938] Зильвер Быть на-чеку! М., 1938.
- [Ибряев:1968] Ибряев К. Звездный вальс. Конферанс для новогоднего бала старшеклассников / Затейник, № 12. С. 4–5.
- [Ильина:1923] Ильина В. Шоколад. Как Ваня добился шоколада для всех детей на Пресне М., 1923.
- [Ильина:1954] Ильина Е. Четвертая высота. М., 1954.
- [Иркутов:1925] Иркутов А. Рассказы о законах. Харьков, 1925.
- [Иркутов:1929] Иркутов А. Как быть? // Затейник. 1929. № 3. С. 44–46.
- [ИсторияВЛКСМ:1983] История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации имени В.И.Ленина. /Под ред. В. А. Сулемова. М., 1983.
- [Историяпесни:1967] История пионерской песни. Концерт-лекция. Курган, 1967.

- [Кагаров:1924] Кагаров Е. Г. Спартак, его жизнь и борьба. Харьков, 1924.
- [Калинин:1924] Михаил Иванович Калинин (жизнеописание). М., 1924.
- [Каманин:1925] Каманин Ф. Организаторы. М., 1925.
- [Каринский: 1925] Каринский В. Азбука пионера. М., 1925.
- [Касаткина:1928] Касаткина Н. «Красный библиотекарь» и работа с детьми // Красный библиотекарь. 1928. № 12. С. 28–31.
- [Кассильполян:1955] Кассиль Л., Поляновский М. Друзья-пионеры. М.; Л., 1955.
- [Кассильполян:1980] Кассиль Л. Поляновский М. Володя Дубинин // Пионеры-герои. М., 1980.
- [Киров:1935] Сергей Миронович Киров 1886–1934. (Биография пролетарского революционера). Баку, 1935.
- [Киров:1936] Сергей Миронович Киров: Краткий биографический очерк. 1886–1934. Под ред. Б. П. Позерна. М.; Л., 1936.
- [Климов:1969] Климов Е. Н. Воспитывать ленинцев: Методические материалы. Пермь, 1969.
- [Книгавож:1965] Книга вожатого / Сост. В. А. Таборко. М., 1965.
- [Книгавож:1972] Книга вожатого / Сост. В. А. Таборко. М., 1972.
- [Книгаюнарм:1982] Книга юнармейца: Сборник / Сост. В. Б. Волошинов. М., 1982.
- [Кожевников:1925] Кожевников А. Аэроплан Звено. М., 1925.
- [Кожевников:1926] Кожевников А. Неугомонный. М., 1926.
- [Козлов:1962] Козлов В. Шумят сосны // Орлята. Рассказы о пионерах-героях. Л., 1962. С. 87–102.
- [Комсомол:1925] Комсомол и детское движение (под ред. ЦБЮП при ЦК РЛКСМ). М.; Л., 1925.

- [Кореньков:1925] Кореньков В. Всегда готов. М., 1925.
- [Корольков:1959] Корольков Ю. М. Партизан Леня Голиков. М., 1959.
- [Коршунова:1957] Коршунова М. Пионеры из Николаева // Мурзилка. 1957. № 11. С. 14–16.
- [Космодемьянская:1950] Космодемьянская Л. Т. Повесть о Зое и Шуре. М.; Л., 1950.
- [Кошечкина:1951] Кошечкина Е. Повесть о сыне. М., 1951.
- [Кравченко:1924] Кравченко А. Как Саша стал красноармейцем. М., 1924.
- [Красный билет:1924] Красный билет. / Сост. М. Стремяков, М., 1924.
- [Кривая дорога:1930] Кривая дорога // Затеи́ник. 1930. № 3. С. 24–27.
- [Кто такие:1937] Кто такие юные пионеры? <без автора> // Вожатый. 1937. № 12. С. 39.
- [Кто такие:1938] Кто такие пионеры // Вожатый. 1938. № 11. С. 40–42.
- [Кузьмин:1961] Кузьмин Н. М. О работе с пионерами по выполнению законов и торжественного обещания. Л., 1961.
- [Куйбышева:1938] Куйбышева Е. Валериан Куйбышев. М., 1938.
- [Леонов:1925] Леонов М. Радио-Май. Первомайское зрелище. Театр юного пионера. М., 1925.
- [Летчики:1938] Летчики: Сб. рассказов. / Ред. А. И. Лангфанг. М., 1938.
- [Лещинская:1925] Лещинская С. Степан Халтурин. М., 1925.
- [Лившиц:1968] Лившиц В. Волшебный календарь. Сценарий новогоднего представления для октябрят / Затеи́ник. 1968. № 12. С. 6–7.
- [Линейки:1985] Линейки в пионерском лагере. Методические рекомендации старшим и отрядным вожатым. Л., 1985.
- [Логинов:1925] Логинов В. Семка в болоте. М., 1925.
- [Логинов:1929] Логинов Вен. Петькин «святой» // Затеи́ник. 1929. № 10. С. 29–33.

- [Лопатина:1925] Лопатина С. Как Степка беспризорный пионером стал. М., 1925.
- [Луговской:1927] Луговской В. Октябрьский вечер в пионерском клубе. М.; Л., 1927.
- [Малиновская:1925] Малиновская С. Декабристы. М., 1925.
- [Матвеев:1964] Матвеев В. Ф., Матвеева Л. Г. 99 советов на одно лето. М., 1964
- [Махлин:1962] Махлин И. «Пионер всегда в пути». Сценарий театрализованного представления в 4-х частях с прологом и эпилогом. М., 1962.
- [Мельчин:1939] Мельчин А. Григорий Константинович Орджоникидзе: Краткий биографический очерк. М., 1939.
- [Минаев:1926] Минаев К. Ариша-пионерка. М.; Л., 1926.
- [Минаев:1927] Минаев К. Против отца. М., 1927.
- [Михайлов:1924] Михайлов А. Спартак. М., 1924.
- [Михайлов:1925] . Михайлов М. Федька Апчхи. Харьков, 1925.
- [Морозов:1959] Морозов В. И. В разведку шел мальчишка. М., 1959.
- [Мудрость:1991] Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. М., 1991.
- [Мурзаев:1924] Мурзаев В. С. Теневой театр и драматизация в трудовой школе. М., 1924.
- [Мытеперь:1965] Мы теперь не просто дети, мы теперь ученики. (Сценарий). Минск, 1965.
- [Набатов:1974] Набатов Г. Это было на станции Оболь // Дети города-героя. Л., 1974. С. 346–352.
- [Надеждина:1967] Надеждина Н. Лара Михеенко // Пионеры-герои: Альбом-выставка. М., 1967–1969.
- [Надеждина:1968] Надеждина Н. Партизанка Лара. М., 1968.

- [Назин:1978] Назин А. Еще раз о романтике // Вожатый. 1978. № 7. С. 32–33.
- [Наумова:1979] Наумова М. Под парусами «Каравеллы» // Пионерское лето. М., 1979. С. 57–72.
- [Нашипапаши:1931] Наши папаши // Затейник. 1931. № 5. С. 36–39.
- [Неходи:1925] Не ходи в пионеры. Л., 1925.
- [Никифоров:1925] Никифоров Г. Война и Мир. М., 1925.
- [Новдеткниги:1924] Новые детские книги. Сб. III. М., 1924.
- [Обнимская:1929] Обнимская Ю. Дети в деревенской библиотеке // Книга детям. 1929. № 1. С. 37–47.
- [Новогодсценарий: б.г.] Новогодний сценарий (рукопись). Мышкин, б.г.
- [Оботважных:1938] Об отважных завоевателях Севера. М., 1938.
- [Оботважсовет:1938] Об отважных советских летчиках. М., 1938.
- [Огнев:1925] Огнев Н. Театральная работа в школе II ступени. Л., 1925.
- [Ольков:1935] Ольков Г. О приеме, новичке и торжественном обещании // Вожатый. 1935. № 1. С. 24–26.
- [Оработе:1942] О работе пионерской организации им. В. И. Ленина. М., 1942.
- [Оработе:1954] О работе пионерской организации им. В. И. Ленина (по материалам XII съезда ВЛКСМ). Алма-Ата, 1954.
- [Организация:1989] Организация и содержание работы в пионерском лагере. Ташкент, 1989.
- [Организацпериод:1988] Организационный период смены в пионерском лагере (В помощь организаторам летнего отдыха школьников). Отв. за выпуск Э. Е. Горячникова. Кишинев, 1988.
- [Орлята:1983] Орлята Великой Отечественной войны. Сыктывкар, 1983.

- [Освободесовести:1980] О свободе совести. Церковных и религиозных обществах. Декрет СНК РСФСР 20 января 1918 г. // История советской дошкольной педагогики. Хрестоматия / Под ред. проф. М. Ф. Шабаетовой. М., 1980.
- [Осипенко:1987] Осипенко Л. Эстафета подвига и памяти / Вожатый. 1987. № 3. С. 47.
- [Остроумов:1925] Остроумов Л. Макар Следопыт. М., 1925.
- [Памятка:1925] Памятка юного пионера. Симферополь, 1925.
- [Памяткап:1929] Памятка пионера. Иркутск, 1929.
- [Памяткапв:1949] Памятка пионерскому вожатому / Сост. В. П. Матвеева. Челябинск, 1949.
- [Памяткапрп:1933] Памятка пионер-работникам, пионерам и школьникам. Волоколамск, 1933.
- [Памяткапш:1928] Памятка пионера-школьника. М., 1928.
- [Памяткаюп: 1923] Памятка юного пионера / Под ред. В. Зорина. М., 1923.
- [Памяткаюп: 1924] Памятка юного пионера / Под ред. В. Зорина. М., 1924.
- [Памяткаюр:1911] Памятка юного разведчика / Сост. О. И. Пантюхов. Ц.Село, 1911.
- [Панова:1956] Панова Н. С. Создание и первые шаги работы пионерского отряда во II классе // Пионерская работа в начальных классах. М., 1956. С. 32–62.
- [Песенки:1962] Песенки пионера третьей ступени / Сост. В. Локтев. М., 1962.
- [Песенникпионера:1989] Песенник пионера. М., 1989.
- [Песниленин:1945] Песни ленинградских пионеров. Л., 1945.
- [Песнипионерии:1925] Песни пионерии. Л., 1925.
- [Песнипионеров:1925] Песни пионеров. Л., 1925.
- [Песнипионеров:1927] Пионерский песенник. М., 1927.
- [Петрушки:1935] Петрушки при ГТЮЗ. М., 1935.

- [Пиондер:1924] Пионеры в деревне. Сборник материалов по работе деревенского пионерского отряда. Омск, 1924.
- [Пионер:1935] Пионер. Справочно-Записная книжка для школьника. Воронеж, 1935.
- [Пионервожатому:1985] Пионерскому вожатому (сценарии лагерных праздников). Минск, 1985.
- [Пионерколхоз:1931] Пионерский колхозный театр. Весенний бой. Сборник к весенней посевной кампании для пионеров и школьников. М.; Л., 1931.
- [Пионерпесенник:1924] Пионерский песенник. Владивосток, 1924.
- [Пионерпесенник:1925] Пионерский песенник. М., 1925.
- [Пионерпесенник:1926] Пионерский песенник. М., 1926.
- [Пионерпесенник1:1926] Пионерский песенник. М., 1926.
- [Пионерпесенник:1928] Пионерский песенник. М., 1928.
- [Пионерпесенник:1929] Пионерский песенник. М., 1929.
- [Пионерпесенник:1935] Пионерский песенник. Ижевск, 1935.
- [Пионерпесенник:1938] Пионерский песенник. М., 1938.
- [Пионерпесенник:1962] Пионерский песенник. Копейск, 1962.
- [Пионерпесенник1:1927] Пионерский песенник. М., 1927.
- [Пионерпесенник2:1926] Пионерский песенник. М.; Л., 1926.
- [Пионерпривет:1984] Пионерское приветствие. М., 1984.
- [Пионерсалют:1948] Пионерский салют. Пионерские стихи и песни. М.; Л., 1948.
- [Пионербор:1984] Пионерский сбор в отряде. Л., 1984.
- [Пионерсев:1931] Пионерский колхозный театр. Поход за уборку, осенний сев и встречу учебного года. Материал для художественных кружков, школ и пионеротрядов. Л., 1931.
- [Пионерсимв:1938] Пионерская символика. Камень, 1938.

- [Пионерская работа:1956] Пионерская работа в начальных классах. М., 1956.
- [Пионерские:1953] Пионерские линейки в школе. Л., 1953.
- [Пионерскиетрад:1992] Пионерские традиции: от девиза организации до образа жизни пионеров. /Сост. В. Т. Кабуш, А. Г. Носенко, В. В. Вавуло. Минск, 1992.
- [Пионерский салют:1948] Пионерский салют. Пионерские стихи и песни. М.; Л., 1948.
- [Пионерское лето:1985] Пионерское лето (Методические рекомендации для старших пионервожатых и вожатых пионерских лагерей. Калуга, 1985.
- [Пионертеатр:1959] Пионерский и октябрятский кукольный театр / Сб. под руководством С. М. Миценгендлера. Кострома, 1959.
- [Пионертоварищ:1973] Пионер — товарищ и вожак октябрят (Рекомендации по организации работы СДО в школе). Челябинск, 1973.
- [Пионеру:1926] Пионеру о коммунистическом детском движении. М., 1926.
- [Пионерцеремон:1967] Пионерские церемониалы. Л., 1967.
- [Пионерчтец:1925] Пионер чтец-декламатор. Л., 1925.
- [Пионерчтец:1928] Пионер чтец-декламатор. М., 1928.
- [Пионерчтец:1930] Пионер чтец-декламатор. М., 1930.
- [Пионерыгерои:1956] Пионеры-герои. М., 1956.
- [Пионерыгерои:1958] Пионеры-герои. Свердловск, 1958.
- [Пионерыгерои:1959] Пионеры-герои. Воронеж, 1959.
- [Пионерыгерои:1972] Пионеры-герои /Сост. М. И. Агапова, К. И. Шадская. М., 1972.
- [Пионерыгерои:1982] Пионеры-герои. Учебное пособие. М., 1982.
- [Пиоотряд:1924] Пионерский отряд в осенне-зимний период. Артемовск, 1924.

- [Пиотеатр:1927] Пионерский театр. Пьесы. М.; Л., 1927.
- [Пиотеатр:1946] Пионерский театр. Пьесы, инсценировки, стихи и песни советских писателей и композиторов. М., 1946.
- [Пиотеатр:1950] Пионерский театр. Сборник в помощь художественной самодеятельности. Вып. 1–3. М., 1950–1954.
- [Пиотеатр:1958] Пионерский театр. М., 1958.
- [Пиотеатр:1959] Пионерский театр. М., 1959.
- [Пиотеатр:1967] Пионерский театр. М., 1967.
- [Пиотеатр:1971] Пионерский театр. М., 1971.
- [Пиотеатр:1973] Пионерский театр. М., 1973.
- [Пиотеатр:1980] Пионерский театр. М., 1980.
- [Платонов:1971] Платонов А. 75 минут среди знанчат и незнанцев (новогоднее елочное представление) // Зате́йник. 1971. № 8. С. 28–32.
- [Пожарный:1901] Пожарный календарь на 1901 год. СПб., 1901.
- [Положение:1954] Положение о Детской коммунистической организации юных пионеров имени Ленина. М., 1954.
- [Положение:1956] Положение о Детской коммунистической организации юных пионеров имени Ленина. М., 1956.
- [Положение1:1931] Положение о детских коммунистических отрядах имени В. И. Ленина. Сызрань, 1931.
- [Положение2:1933] Положение о детских коммунистических отрядах имени В. И. Ленина. Смоленск, 1933.
- [Поста́лин:1938] По сталинской трассе. М., 1938.
- [Праздники:1978] Праздники в пионерском лагере. Методические рекомендации пионерским вожатым и воспитателям. Л., 1978.
- [Проект:1911] Проект устава Московского губернского пожарного союза. М., 1911.

- [Произведения:1966] Произведения для школьных хоров и оркестров. К 50-летию Великого Октября. (Рекомендательный список) М., 1966.
- [Пролезувщелку:1931] Пролезу в щелку, а добьюсь толку // Зате́йник. 1931. № 14. С. 29–35.
- [Путевка:1932] Путевка школьной самостоятельности к XV-летию октябрьской революции. Л., 1932.
- [Пушкарев:1925] Пушкарев Г. Яшка-таежник. М., 1925.
- [Пушкарев:1940] Пушкарев Г. Пионер Павлик Гнездилов. Новосибирск, 1940.
- [Пушкарев:1958] Пушкарев Г. Тайга расскажет. Томск, 1958.
- [Радугин:1916] Радугин Н. Десять дней в окопах // Задушевное слово. 1916. № 35–38.
- [Разин:1926] Разин И. Всесоюзный староста М. И. Калинин. М., 1926.
- [Разин:1926] Разин И. Библиография пионерской и детской книги (1919–1925). М.; Л., 1926.
- [Резапки́н:1931] Резапки́н А. Замки и подпорки // Зате́йник. 1931. № 9. С. 13–15
- [Резапки́нСысоев1:1929] Резапки́н А., Сысоев В. Антипасхальное // Зате́йник. 1929. № 3. С. 35–40.
- [Резапки́нСысоев2:1929] Резапки́н А., Сысоев В. Культурник // Зате́йник. 1929. № 1. С. 11–13.
- [Резолюция:1933] Резолюция IIго расширенного пленума районного бюро ДКО РК ВЛКСМ от 20 марта 1933 года. Буй, 1933.
- [Рекомендатсписок:1941] Рекомендательный список музыкально-драматических произведений для детской художественной самостоятельности. Молотов, 1941.
- [Рекомендсписки:1964] Рекомендательные списки репертуара для детской художественной самостоятельности. Кишинев, 1964.

- [Репертуар:1973] Репертуар для детской художественной самодеятельности. М., 1973.
- [Речевки:1970] Речевки юных пионеров и октябрят / Сост. Э. Дамбран. Рига, 1970.
- [Рожокиб:1927] Рожок и барабан: сборник для детей. Под ред. А. Насимовича. М., 1927.
- [Розанов:1924] Розанов Л. Драматизация в школе I ступени. // Театр в школе. Л., 1924. С. 30–85.
- [Розовский:1970] Розовский М. Г. Театр живой газеты. М., 1970.
- [Русаков:1915] Русаков В. Юные русские герои. Очерки и рассказы о военных подвигах русских мальчиков. Пг., 1915.
- [Рыжов:1925] Рыжов А. Красный билет. М., 1925.
- [Рыжов1:1925] Рыжов А. Красные галстуки. М., 1925.
- [Рябов:1984] Рябов В. Звонкая летопись (А у нас есть музыка своя!): Сценарий праздника пионерской песни в 2-х частях. М., 1984.
- [Ряховский:1926] Ряховский В. Д. За отцом. М., 1926.
- [Савельев:1926] Савельев Л. Пионерский устав. М.; Л., 1926.
- [Саволей:1982] Саволей Е. Раскрывать школьникам классовый характер буржуазной музыкальной пропаганды // Воспитание школьников. 1982. № 1. С. 8–11.
- [Салютпионерия:1975] Салют, пионерия: Стихи. Куйбышев, 1975.
- [Сборник:1938] Сборник художественных материалов для пионерских отрядов и самодеятельных школьных кружков. Ростов-на-Дону, 1938.
- [Сборникдок:1958] Сборник документов ЦК ВЛКСМ о работе Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. М., 1958.
- [Симонова:1985] Симонова Л. Среди войны / Вожатый. 1985. № 4. С. 20–29.
- [Система:1961] Система работы по законам юных пионеров. Л., 1961.

- [Скородумов:1914] Скородумов Н. В. Новый метод упрощенных постановок. М., 1914.
- [Слетданетот:1929] Слет — да не тот! // Затейник. 1929. № 9. С. 6–10.
- [Смирнов:1938] Смирнов Е. Пионеры-герои // Вожатый. 1938. № 10, С. 47–51.
- [Смирнов:1961] Смирнов Е. Павлик Морозов // Дети-герои. М., 1961. С. 64–71.
- [Смирнов1:1938] Смирнов Е. Славный пионер Гена Щукин. М., 1938.
- [Смирнов2:1938] Смирнов Е. Павлик Морозов // Вожатый. 1938. № 10. С. 47–48
- [Собинов: 1987] Собинов Б. Подарок наркома // Вожатый. 1987. № 5. С. 19,22.
- [Соболевскаякулага:1978] Тверже шаг, Пионерия!: Стихи. / Сост. О. А. Соболевская, Т. К. Кулага. Минск, 1978.
- [Соколовская:1907] Соколовская Т. О. Устав вольных каменщиков (XVIII — XIX веков). СПб., 1907.
- [Соколовский:1914] Соколовский М. К. Героическая детская литература. Пг., 1914.
- [Солнцев:1925] Солнцев М. А. И. Рыков. М., 1925.
- [Соловьев:2001] Соловьев О. Ф. Массонство. Словарь-справочник. М., 2001.
- [Соломеин:1933] Соломеин П. В кулацком гнезде. М., 1933.
- [Сорокин:1925] Сорокин В. Законы и обычаи юных пионеров. Что должен всегда знать, помнить и делать каждый пионер. Л., 1925.
- [Сотник:1973] Сотник Ю. Петкина авантюра. М., 1973.
- [Спутникюк:1923] Спутник юного коммунара на 1923 г. Харьков.
[Товарищзп:1955] Товарищ. 9403 Записная книжка пионера / Сост. В. С. Ханчин. М., 1955.

- [Сталинградский:1938] Сталинградский Г. С. Герой Советского Союза Валерий Павлович Чкалов. М., 1938.
- [Суворина:1959] Суворина Е. О. У горы Митридат. М., 1959.
- [Сухачевский:1967–1969] Сухачевский С. Коля Мяготин // Пионеры-герои: Альбом-выставка. М., 1967–1969.
- [Сценарий:1960] Сценарий и описание детского утренника на тему: «Вторая пионерская ступенька»/ Сост. Г. И. Левинсон, А. С. Михайлова. М., 1960.
- [Сценарии:1984] Сценарии массовых праздников для детей и подростков. Киев, 1984.
- [Творческие:1983] Творческие дела в пионерском лагере. Методические рекомендации старшим и отрядным вожатым, пионерскому активу. Л., 1983.
- [Театршкол:1924] Театр в школе. Л., 1924.
- [Ткачев:1982] Ткачев М. Жить ему хотелось долго // Воспитание школьников 1982, № 2, С. 57.
- [Товарищкомсомол:1969] Товарищ комсомол. Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918–1968). В 2-х тт. Т. 1 (1918–1941). М., 1969.
- [Товарищкомсомол:1969] Товарищ комсомол 1918–1968. Т. 1. М., 1969.
- [Товарищсппио:1967] Товарищ. Спутник пионера на 1967/68 учебный год. М., 1967.
- [Торжественно:1973] «Торжественно клянусь». Инсценировка по роману А. Фадеева «Молодая гвардия» // Репертуар для детской художественной самодеятельности. М., 1973. С. 73–80.
- [Торжественное:1958] Торжественное обещание пионера Советского Союза. М., 1958.
- [Трубигорнист:1970] Труби, горнист: Песенник пионера / Сост. И. Горинштейн. М., 1970.

- [Укостра:1961] У костра: Стихи, рассказы, сказки, пьесы, песни. Л., 1961.
- [Уставкиев:1915] Устав Киевской дружины юных разведчиков. Киев, 1915.
- [Фарафонов:1969] Фарафонов Н. Это начиналось так... // Всегда готов! Рассказы о ленинградских пионерах. Л., 1969. С. 34–43.
- [Федоров-Давыдов:1925] Федоров-Давыдов А. Звери // Юные строители. 1925. № 5.
- [Федяков:1987] Федяков Г. Пионерское лето с улыбкой. Миниатюры для детского эстрадного театра. М., 1987.
- [Федяков1:1987] Федяков Г. Сегодня в пять! // Федяков Г. Пионерское лето с улыбкой. Миниатюры для детского эстрадного театра. М., 1987. С. 2–5.
- [Херсонская:1924] Херсонская Н. Библиотека и пионерское движение // Красный библиотекарь. 1924. № 8. С. 29–33; № 9. С. 17–24.
- [Холопов:1974] Холопов Г. Мальчик в пионерском галстуке. Л., 1974.
- [Цытович:1919] Цытович Э. П. Русский скаут. Екатеринодар-Армавир, 1919.
- [Чарская:1916] Чарская Л. Дикарь // Задушевное слово. 1915. № 1–8; 1916, № 9–43.
- [Челюсткин:1924] Челюсткин И. А. Методы работы в трудовой школе. Л., 1924.
- [Четвериков:1926] Четвериков Д. Федька Кувылда. М.; Л., 1926.
- [Шапошников:1927] Шапошников Г. Ваня в Китае. Ростов-на-Дону, 1927.
- [Шильникова:1959] Шильникова М. Е. Учебно-воспитательная работа школы в 1930–1934 годах. М., 1959.
- [Школспект:1926] Школьные спектакли и инсценировки. М.; Л., 1926.
- [Школэстрада:1924] Школьная эстрада. М., 1924.

- [Шнирман:1933] Шнирман А. Пионер-городок. Драм-игра. // Школьный театр первой ступени. Л., 1933. С. 60–65.
- [Шпет:1933] Шпет Л. Теа-работа. М., 1933.
- [Шумяцкая:1967] Шумяцкая Н. Пионерский карнавал в школе (В помощь пионерскому и комсомольскому активу. Тбилиси, 1967.
- [Энский:1920] Энский Н. Очерки постановки // Раненый красноармеец. 1920. № 11. С. 8–10.
- [Юномуразведчику:1911] Юному разведчику десять главнейших законов в примерах из подвигов русского солдата / Сост. О. П. Станкевич. Двинск, 1911.
- [Юныегерои:1985] Юные герои Великой Отечественной войны (методико-библиографические рекомендации, посвященные пионерам-героям). Алма-Ата, 1985.
- [Юныепионеры:1922] Юные пионеры /Под. ред. В. Зорина. М., 1922.
- [Юныепионеры:1925] Юные пионеры (на обл. загл.). Организационное положение детской коммунистической организации юных пионеров имени т. Ленина. 3-е изд-е. Симферополь, 1925.
- [Юныепионеры1:1925] Юные пионеры. Самара, 1925.
- [Юныйпионер:1924] Юный пионер. Сборник лекций, читанных на первых Московских губернских курсах работников детских коммунистических групп тт. В. Зориным, М. Стремяковым, Я. Смоляровым, Л. Котенко. М., 1924.
- [Юрцев:1925] Юрцев Б. Друзья и враги // Юрцев Б. Театр юного пионера. М., 1925.
- [Юрцев:1925] Юрцев Б. Театральная работа у пионеров. М.; Л., 1925.
- [Юрцев1:1925] Юрцев Б. Ильичата. Материалы для пионерской живой газеты. М., 1925.
- [Юрцев2:1925] Юрцев Б. Театр юного пионера. М., 1925.

- [Ющенко:1958] Ющенко Е. А. Пионерские традиции и их значение в воспитании подрастающего поколения. АКДПН, Киев, 1958.
- [Яльцев:1925] Яльцев П. Галстук пионера. М., 1925.
- [Ясный:1925] Ясный А., Юм Ю. Повесть о красном галстуке. М., 1925.

Приложение

Пионерская идеология в Уставе пионерской организации: текстологический анализ

1.1. Состав уставных текстов

Создание пионерской организации сопровождалось появлением уставных документов, в число которых входили Положение о пионерской организации и другие инструктивно-регулирующие документы. Первым документом, информирующим о создании детского коммунистического движения, было Постановление РКСМ (Постановление II Всероссийской конференции РКСМ (май 1922 г.)), а к июню 1923 года было выработано Организационное положение детской коммунистической организации юных пионеров имени Спартака. Подобные тексты обычно именуются уставами, мы будем пользоваться этим словом в его терминологическом значении.

В 1922 году выходили авторские уставы, составленные бывшими скаут-мастерами, например, [Юныепионеры:1922], в дальнейшем при обращении к ним мы будем именовать их «переходными». «Самодеятельное» создание уставов довольно быстро было пресечено, скаутские «пережитки» изгонялись, и в 1924 году вышло последнее издание [Юныйпионер:1924], в котором принимали участие бывшие скауты и поэтому содержались немногочисленные остаточные черты скаутской идеологической платформы.

Официальный устав с 1923 года постоянно перерабатывался и неоднократно переиздавался (например, 3-е издание [Юныепионеры:1925]). И Постановление, и Организационное положение, и другие инструктивно-регулирующие документы перепечатывались не только в центральных издательствах, но и в региональных, по большей части в виде брошюр с однотипными названиями: «памятка пионера», «юные пионеры», «юный пионер» ([Юныепионеры:1925], [Юныепионеры1:1925], [Памяткаюп:1923], [Памятка:1925], [Памяткапш:1928], [Памяткапрп:1933] и мн. др.). В первом библиографическом

указателе по пионерской литературе [Разин:1926] эти виды текстов были отнесены к «руководящей» литературе и помещены в тематический блок «теория пионердвижения» (15 изданий) и в справочные издания.

За все годы существования Всесоюзной пионерской организации изменения, вносимые в устав, фиксировались как в отдельных изданиях, так и в сборниках документов комсомольской организации (например, [Оработе:1942], [Оработе:1954], [Сборникдок:1958], [Документы:1967], [Товарищкомсомол:1969], [Документы:1970], [Всесоюзная:1981] и др.). Изменения отражали смену идеологических и педагогических приоритетов пионерских работников. Но при всех изменениях эти документы имели довольно высокую степень устойчивости. Последнее объясняется тем, что тексты уставов любой организации (религиозной, юридической, общественной и пр.) обладают, во-первых, четкими структурными чертами и прагматикой, а во-вторых — языковой клишированностью.

Так, большое количество изданий 20-х годов, содержащих устав пионерской организации или приводящих из него выдержки, имеют разделы со следующими названиями: Цель организации / Формы организации / Порядок организации / Правила приема / Внешняя форма отрядов / Значок, девиз, основной лозунг, торжественное обещание, салют / Законы и обычаи юных пионеров / Праздники.

По совокупности признаков наиболее близкой к пионерской является скаутская организация. Более того, она была непосредственным предшественником пионерской. Преемственность этих организаций была заявлена и осмыслена еще при создании пионерского движения. Например, в статье Н. К. Крупской «РКСМ и бойскаутизм» указывается, что пионерская организация должна быть по форме скаутской, а по содержанию большевистской.¹²⁴ Подражательный характер пионерской организации выражен в сходстве уставов пионерской и скаутской организации: Состав дружины / Должности и обязанности / Состав разведчиков / Награды и отличия / Стяг и значки / Порядок суток / Законы чести / Законы помощи и дружбы / Вежливость и услужливость / Дисциплина и личность разведчика / Законы обихода /

¹²⁴О преемственности скаутской и пионерской организации в последнее десятилетие появилось много исторических и историко-педагогических исследований. Например, [Пионерия:1991], [История:1992], [Подтынная:1995], [Шободаева:1995], [Черных:1996], [Кудряшов:2000] и мн.др.

Законы здоровья [Устав:1915]. Различия в наименовании разделов выражаются в бóльшей подробности скаутского устава, особенно в части законов скаутов¹²⁵. В цитированном примере разделами задаются области воспитательных ситуаций, в которых следует руководствоваться некоторыми правилами (законами). Эти области можно вслед за приведенным вариантом структуры скаутского устава назвать «Честь», «Помощь и дружба», «Вежливость и услужливость», «Дисциплина», «Обиход», «Здоровье». Уже внутри этих областей могут быть как краткие клишированные формулировки, так и пространственные воспитательные сентенции в рамках указанных тем. В сентенционных рассуждениях скаутмастеров описываются воспитательные ситуации, но клишированных формулировок законов может и не быть. Приведенный случай дает возможность указать на тенденцию, которая вовсе отсутствует в пионерском уставе. Разделы отражают отсутствие принципиальной установки скаутской организации на список клишированных формулировок законов, объединенных под рубрикой, которая бы называлась «Законы разведчиков» (такой вариант существует на равных с остальными). Ничего подобного пионерский устав не знает: раздел «Законы пионеров» во всех редакциях содержит список формулировок законов.

В отличие от скаутских уставов, в пионерском уставе бóльшее внимание уделяется графическому выделению разделов. Это выделение состоит в нумерации разделов (чаще римскими цифрами), в смене шрифта и начертания (курсив), в разрядке названий разделов, в отбивке разделов друг от друга. Типографское выделение способствует семантизации принципа членения на разделы («устав должен иметь разделы»), который среди прочего создает автономность разделов друг от друга внутри устава и возможность в свою очередь автономного бытования каждого раздела за границами жанра устава. Часть разделов, о которых в дальнейшем пойдет речь, таким образом и использовалась отдельно от всего остального текста устава.

Наряду с названиями разделов (структурой устава), устойчив был и сам текст пионерского устава. Он демонстрирует высокую степень языковой клишированности. Это объясняется, по крайней мере, двумя причинами: во-первых, любые уставы содержат специальные лексические фор-

¹²⁵Справедливости ради надо отметить, что есть варианты уставов с меньшей дробностью разделов или вообще такие, в которых отсутствует рубрикация.

мулы и стереотипные грамматические и синтаксические конструкции (например, *устанавливается следующая форма/формула/образец/порядок; каждый N должен давать/иметь/выполнять; каждый N имеет имя/право/знамя/флажок/значок/номер; на N возлагаются обязанности/права/поручения*¹²⁶ и др.). Во-вторых, источником клише является язык советских официальных документов и публицистики (например, *рабочий класс, организованность и энтузиазм, вера в будущее коммунизма, общественно-полезный труд, бороться за победу своих отцов и братьев рабочих* и мн.др.). Время создания пионерских уставных документов — 20-е годы — совпадает с периодом становления советского «новояза», и тексты пионерского устава представляют собой одну из форм его бытования. (общие черты языковых явлений в этот период см., например, в [Селищев: 2003]).

Постоянное внимание к пионерскому уставу, работа с его текстом указывает на то, какое большое значение придавалось создателями организации этому документу. Он маркировал наличие самой организации: вне зависимости от того, как шел процесс становления пионерского движения в реальной действительности, устав должен был репрезентировать существование организации. Можно сказать, что он материализовал еще весьма эфемерное и по численности, и по организованности пионерское движение. На этом этапе (1920-е годы) устав во многом конструировал существование цельного пионерского движения прежде всего для самих ее создателей (комсомольских работников), нежели для рядовых членов, которые не имели возможности с ним познакомиться. Впрочем, это может объясняться и первоначальной неопределенностью постулатов и форм любой организации и необходимостью уточнений в период ее становления¹²⁷. Однако это не отменяет предыдущего соображения: устав играл важнейшую роль в манифестировании организации как таковой. Таким образом, главный документ пионерской организации стал в 1920-е годы самоцелью; в 1930-е и последующие годы редакторская

¹²⁶Здесь и далее курсив наш — С. Л.

¹²⁷Сходная ситуация сложилась и при создании уставов других советских организационных новообразований. Например, столь же кропотливую работу над текстом военных уставов вели уставные комиссии Всероссийской коллегии по организации и управлению Рабоче-Крестьянской Красной Армии в 1918–1920, создавая первые уставы РККА, и затем в 20-е годы (вплоть до 1929 года), когда с учетом опыта Гражданской войны велась и была закончена планомерная работа над созданием большинства военных уставов Красной Армии.

инициатива комсомольских работников значительно снизилась, устав правился приблизительно один раз в десятилетие.

В составе уставных документов можно выделить особые клишированные фрагменты. Они появились уже в первом Постановлении (май 1922 г.) и затем стали неотъемлемой частью любой редакции. Эти устойчивые тексты имеют особые жанровые наименования — **обещание**, **призыв** (или девиз, лозунг), **законы** и **обычаи** пионеров. Они составляют собой «словесное ядро» устава, их можно назвать «текстами в тексте»¹²⁸. Обычно разделы, в которые они входят, располагаются друг за другом: Торжественное обещание — Девиз — Законы и обычаи пионеров (не обязательно в такой последовательности комбинации, но всегда рядом). В них в лаконичной форме изложены основные идеологические принципы организации, ее система ценностей и приоритетов. Та же система ценностей рассредоточена по всему уставу в пространственных идеолого-педагогических сентенциях и постулатах («метатексте»), но именно в этих жанрах она заключена в жесткую форму¹²⁹.

Их тиражирование было более множественным и разнообразным, чем распространение остального текста устава. Они не только перепечатывались в составе устава, но и отдельно воспроизводились в массовых изданиях (брошюристика, периодика, справочные календари, детские энциклопедии, наглядная агитация и т. п.). Отдельные части этих текстов становились заглавиями книг, названиями сборов и т. д. (ср., например, название инсценировки по роману А. Фадеева «Молодая гвардия» — «Торжественно клянусь» [Торжественно:1973]).

Лаконичность этих текстов сделала их удобным материалом именно для наглядной агитации как в 1920-е, так и в последующие годы (многословность всего устава и сложность его языка для детского восприятия такой возможности не давали): «Красочные плакаты с текстом Обещания, с перечнем пионерских законов, с обращением XVI съезда ВЛКСМ к пионерам должны составлять обязательную деталь в оформлении пионерской комнаты. А в традицию пионерской дружины должно войти правило заканчивать пионерские

¹²⁸ Другое возможное наименование этого соотношения «текст и метатекст». Такое же соотношение вслед за П. Г. Богатыревым [Богатырев:1971] предлагает Т. В. Цивьян на фольклорном материале: «описание ритуала — словесные формулы» как «метатекст и текст» [Цивьян:1993, 111].

¹²⁹ Подобные формальные (устойчивость и клишированность формы) и функциональные (функционирует как идейное кредо) черты имеют, например, религиозные тексты (общие изустные молитвы, в частности «Символ веры»).

линейки провозглашением пионерского девиза» [Книгавож:1972, 24]. В отличие от остального содержания устава (предназначенного для ознакомления пионерских функционеров), именно эти тексты непосредственно использовались в ритуалах (прием в пионеры, пионерские линейки, пионерские сборы) и в ритуализованном этикете организации (пионерское приветствие). Рядовые члены пионерской организации могли быть незнакомы со всем содержанием уставных документов, но обязательно должны были знать эти тексты. Установка на такое выборочное использование уставного текста давалась в методической литературе еще в 20-е годы и сохранилась на протяжении всего существования организации: «Положение — документ, в целом адресованный взрослым — вожатым, учителям, пионерским и комсомольским работникам. Торжественное обещание, Законы пионеров Советского Союза — это адресовано ребятам» [Книгавож:1972, 22].

Еще в 1922 году в первом пособии по теории и практике пролетарской детской организации утверждалось, что «на право поступления в отряд *нужно иметь общее знакомство с законами и обычаями пионеров и твердое желание их исполнять*» [Юныепионеры:1922, 30], для присвоения звания «пионера 3-го разряда» нужно было «*помнить и исполнять законы и обычаи пионеров*» [Юныепионеры:1922, 30], а для присвоения звания «пионера 2-го разряда» уметь «*толково объяснять законы*» [Юныепионеры:1922, 30]. Вскоре знание этих текстов наизусть стало главным условием вступления в пионерскую организацию, требования ужесточились: от ознакомления — к знанию текстов наизусть. Призыв и торжественное обещание вступающие в пионерскую организацию произносили (и/или переписывали) во время ритуала приема, а знание законов и обычаев (и готовность их выполнять) постулировалось непосредственно в первом тексте торжественного обещания пионеров (распространено через текст Постановления II Всероссийской конференции РКСМ (май 1922)).

Торжественное обещание юного пионера

Честным словом обещаю, что буду верен рабочему классу, буду ежедневно помогать своим трудовым братьям, *знаю законы пионеров и буду им повиноваться*<курсив наш — С. Л.> [Комсомол:1925, 32].

О готовности выполнять законы пионеров заявлялось почти во всех последующих редакциях торжественного обещания. Таким образом внутри

самой группы текстов появилась связь по принципу вложенности, «матрешки»: текст торжественного обещания содержит указание на законы пионеров, а в обычаях пионеров есть цитата из призыва:

Пионеры не держат руки в карманах, ибо пионер, держащий руки в карманах, *не всегда готов* <курсив наш — С. Л.> [Памятка:1923, 23–24].

Отсылочность внутри этой группы уставной словесности демонстрирует ее комплементарность по отношению друг к другу и целостность всей группы жанров по отношению к остальному тексту устава.

При ритуальном использовании эту группу текстов старались воспроизводить без каких-либо изменений (сокращений, дополнений), в полном соответствии с последним опубликованным Положением. Более того, искажение этих текстов считалось недопустимым, что объясняется их особым семиотическим статусом среди остального уставного текста, и шире всей пионерской словесности. Им присваивалось значение не просто уставных текстов, а текстов, наделенных повышенным (сакральным) смыслом, текстов, скрепляющих организацию в единое целое и являющихся залогом ее существования. Такое понимание этой группы уставной словесности появилось уже в 1924 году, практически сразу после рождения организации. В составе решений VI Всероссийского съезда РЛКСМ (12–18 июля 1924 г) содержалась резолюция «Об организационном строительстве деткоммгрупп» [Товарищкомсомол:1969, 168–174]. В ней представлены сетования комсомольских работников на недостаточную работу среди пионеров и, в частности, отмечается, что «элементы символики, внешние знаки и особые Законы и обычаи, введенные еще V съездом для воздействия на детей, опираясь на их естественные запросы и психо-физиологические особенности, в процессе работы затушевывались или совсем игнорировались и комсомольцами, и руководителями, не уяснившими себе их значения.

Необходимо сохранение всех введенных форм революционной символики и их абсолютное единство для всех пионеров СССР.

Таковыми являются: а) единое название — Детская коммунистическая организация юных пионеров имени Ленина; б) *единые Законы и обычаи*; в) единые формы пионеров и красный галстук-косынка (обязательно); г) *единые значок, салют, девиз и Торжественное обещание* <курсив наш — С. Л.> [Товарищкомсомол:1969, 172].

Придание этим текстам особого статуса сохранилось на протяжении всей истории Всесоюзной пионерской организации. К примеру, в 1972 году в Положении о Всесоюзной ордена Ленина пионерской организации имени В. И. Ленина (Утверждено Бюро ЦК ВЛКСМ 17 марта 1967 года) значится: «Основные цели организации, ее требования к каждому пионеру выражены в девизе, Торжественном обещании и Законах пионеров Советского Союза <курсив наш — С. Л.> [Книгавож:1972, 22].

За семидесятилетний период существования пионерской организации каждый из этих жанров претерпел определенную эволюцию. Анализ изменений их формы и содержания посвящены следующие разделы главы.

1.2. Призыв

1.2.1. Термин

Термин **призыв** мы употребляем в соответствии с классификацией лозунговых высказываний Ю. И. Левина [Левин:1998]. В самой пионерской традиции *призыв* называли также *девизом* или *лозунгом*¹³⁰.

1.2.2. Генезис текста призыва

Призыв был заимствован пионерской организацией у скаутов. Впервые формулировка пионерского призыва встречается в первом пособии по пионерскому движению, составленному бывшим скаутмастером В. Зориным [Юныепионеры:1922].

1.2.3. Структура и функционирование призыва

Призыв представляет собой двухчастное высказывание: первая часть содержит императивное обращение (собственно призыв) к пионеру «Будь готов!», вторая часть — ответ на обращение, иначе «отзыв»: «Всегда готов!». Помимо формы 2 лица единственного числа употреблялась и форма 2 лица множественного числа: «Будьте готовы! — Всегда готовы!». В состав первой части высказывания могло включаться обращение, называющее адресата призыва: «Пионеры! Будьте готовы!», а позднее «Юные ленинцы! Будьте готовы!»

Призыв бытовал в устной форме. Его озвучивали, обращаясь к пионерской группе (отряду, дружине), то есть в составе ритуализованного обращения. Ситуации такого употребления регламентировались уставом:

¹³⁰ Лозунгом в двадцатые годы называли еще одно высказывание: «Основной лозунг — «Смена смене идет» (например, [Памятка:1925]). Он был зафиксирован в уставе. Но в тридцатые годы в тексте устава этого лозунга уже нет.

Пионерский девиз (лозунг) провозглашает вожатый в конце отрядного сбора; его провозглашают на парадах, на праздниках, в обращении к пионерам. [Пионерсимв:1938, 5]

Призыв пионера провозглашается на пионерских сборах, слетах и в речах, обращенных к пионерам [Товарищзп:1955, 55]¹³¹.

В ответ на первую часть призыва пионеры хором выкрикивали отзыв. Отзыв сопровождался символическим жестом (пионерским салютом): поднятием руки. Словесный текст и жест дублировали друг друга.

Подчеркнем, что, в отличие от других советских призывов, описанных в [Левин:1998, 543–544], пионерский призыв имеет обязательную вторую часть (отзыв), содержание которой жестко фиксировано («Всегда готов!»). Примеры призывов, приводимые в [Левин:1998, 543–544], второй части не содержат: «Планы партии выполним!», «Работники вузов! Улучшайте идейную закалку и профессиональную подготовку студентов!» и др. В устном бытовании (например, при выкрикивании на митингах и демонстрациях) у таких призывов подразумевается ответ (например, хоровое «Ура!» тех, к кому он обращен). Однако ответ в этом случае, во-первых, не задан заранее, а во-вторых, валентен призывам различной тематики. Наиболее часто в качестве ответа звучит крик «Ура!», но на его месте может выкрикиваться и просто громкое хоровое восклицание, передающее эмоциональную реакцию адресатов призыва. Таким образом, в обычном случае отзыв является частью речевой ситуации его употребления, а не принадлежностью структуры текста как такового. Пионерский же призыв представляет собой единый двухчастный текст, построенный в форме побудительно-ответного диалога.

Такое двухчастное строение позволяет сравнить призыв с так называемыми вербальными ритуалами (термин С. М. Толстой [Толстая:1994]), среди которых С. М. Толстая выделяет ритуальные диалоги¹³². Ритуальные диалоги можно считать «особым видом магических вербальных ритуалов» [Толстая:1994, 174] не столько на основании их функций, сколько их формы:

¹³¹Слово, употребленное для именованя способа произнесения, — «провозглашает» — указывает на особенности озвучивания призыва: громким голосом, иногда криком, с напряженной интонацией. Употребление именно этого глагола придает всему высказыванию патетический характер (в терминах стилистики — характер высокой книжной речи).

¹³²Ритуальные диалоги на материале фольклора рассматривались и в других исследованиях, например, [Толстой:1993].

вопросно-ответного (как у Толстой) или побудительно-ответного (в нашем случае) диалога. Ритуальный диалог как клишированное высказывание характерен для различных речевых ситуаций: например, вопросно-ответные гадания в традиционной культуре, произнесение пароля и отзыва в воинской караульной службе, приветственные формулы в речевом этикете. Их объединяет то, что они «не создаются в процессе их произнесения, а воспроизводятся в готовом виде» [Толстая:1994, 175]. Общими являются и особенности произнесения текста ритуального диалога: особым голосом. В случае с пионерским призывом это крик, напряженная интонация как при озвучивании первой части призыва, так и при отзыве.

Помимо устного ритуального использования, пионерский призыв употреблялся и в письменной/печатной форме: в качестве заголовков стенгазет, как элемент наглядной агитации и пр. Призыв мог отображаться как целиком (две части), так и по частям. В первом случае на стенде в качестве заголовка содержался весь текст призыва: «Будь готов! — Всегда готов!».

При использовании в качестве орнамента он располагался и по горизонтали, и по вертикали, его писали более мелким шрифтом по верхней границе стенгазеты (как бордюры или окантовка)¹³³.

Как уже отмечалось, такое двухчастное строение вообще нехарактерно для призывов. Обычно при публикации призывов в периодике (например, высказывания, помещаемые на передовицах газет, в частности «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» и др.) или на стендах устный отзыв опускается («Ура!», провозглашаемое на митинге/демонстрации)¹³⁴.

В тех же случаях, когда пионерский призыв публикуется частями, чаще это его первая часть: «Будь готов». Она использовалась в качестве заголовков стенгазет, молний, стендов и печатной продукции (например, выходили сборники с рассказами на пионерские темы и песенники под названием «Будь готов»; причем первый такой сборник вышел еще в скаутскую бытность призыва. См., например, скаутское издание [Будьготов:1916] и пионерские [Будьготов:1923], [Будьготов1:1923]).

¹³³ Любопытный пример бытования призыва в качестве орнамента представляет собой использование его в качестве набивного рисунка на тканях советского производства в тридцатые годы (образцы таких тканей представлены в музее политической истории Ленинграда).

¹³⁴ Исключение составляют стенограммы митингов/демонстраций.

При употреблении призыва в качестве наглядной агитации на первый план выступают орнаментальная и этикетная функции. Они «относятся к лозунгам не столько как к текстам, сколько как к физическим объектам, — и в этом плане лозунги взаимозаменяемы с нетекстовыми орнаментальными объектами, такими, как портреты или эмблемы (герб, серп и молот и др.) [Левин:1998, 542–543]. Пионерскому призыву также соответствуют определенные эмблематические изображения: пионерский галстук, пионерский значок, костер (поленница и языки пламени), пионерский горн, пионер с горном, пионер, отдающий салют, и др. То же относится и к призыву как заголовку, размещенному на стенде или стенгазете; на них он почти всегда соседствует с этими изображениями.

В связи с тем что пионерская организация позаимствовала призыв «Будь готов! — Всегда готов!» у скаутов, возникла потребность уточнить цели готовности пионера, указать на их отличие от скаутских. Для этого призыв был расширен целевым дополнением (о содержании и историческом изменении этого дополнения см. раздел 1.2.5.). Расширенный вариант призыва имел некоторые особенности употребления. Он использовался в особо торжественных ритуалах: приеме в пионеры, парадах на слетах пионеров и пр. Расширенный вариант употребляли в финальной части официальных документов партии, комсомола. К таким относились Постановления ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, (например, «Постановление Центрального комитета КПСС о 50-летию Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина» заканчивается словами: «Пусть всегда целью и высоким смыслом жизни и деятельности Всесоюзной пионерской организации остается боевой девиз «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!» [Книгавож:1972, 10]), Письма, Обращения, Выступления руководителей партии и комсомола (например, так заканчивается «Выступление товарища Н.В. Подгорного»: «Юные ленинцы!» К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!» [Книгавож:1972, 11]).

Исходный вариант призыва «Будь готов! — Всегда готов!» чаще использовался в пионерской повседневности, а именно в ритуализованном этикете.

1.2.4. Семантика и прагматика призыва

Прагматика призыва заключается в вызове определенной реакции адресата, под которой понимается «стремление к выполнению того действия,

к которому побуждает лозунг, т.е. соответствующее изменение внешнего поведения» [Левин:1998, 550]. Первая часть пионерского призыва побуждает к готовности к действию, а вторая часть констатирует наличие у адресатов состояния готовности. Направленность готовности может пониматься по-разному: скаутское понимание готовности существенно разнится с пионерским. Е. М. Балашов полагает, что «у скаутов этот девиз носил общий этический характер и не был связан ни с какими политическими идеями» [Балашов:2003, 114]. Правильнее будет сказать, что общий этический характер носили законы и обычаи скаутов (подробнее об этом в Приложении в разделе 1.4.2.), а именно этических норм в призыве не заложено. Призыв скаутов взывает к внутренней собранности, дисциплинированности скаута — а отзыв декларирует *готовность*. К воспитанию именно этих черт в скаутах стремились в первую очередь скаутские педагоги-инструкторы. Речь идет о волевых чертах личности ребенка, а куда направлены сформированные волевые навыки, являлось если не второстепенным, то, по крайней мере, для призыва несущественным. Именно поэтому он употреблялся без дополнений: направленность готовности вынесена за границы призыва, в другие жанры (заповеди, законы). Это не мешает скауту в момент произнесения призыва отдавать себе отчет, к чему в «общем этическом плане» он готов. Однако в самом призыве это фоновое знание не заложено. Хорошей иллюстрацией этому служит интерпретация призыва скаутмастером В. Зориным (уже, правда, в его бытность пионерским работником):

После этого <описывается вступление в пионеры, приводится текст торжественного обещания — С. Л.> вожатый отряда говорит: «Теперь ты становишься настоящим пионером Российской Советской республики! К борьбе за рабочее дело будь готов!»

Если пионер действительно захотел готовиться к борьбе, то он громко и смело крикнет: «Всегда готов!» Что означают эти слова? «Будь готов» — это девиз пионера; он служит всегда напоминанием пионеру о том, что *нужно всегда готовиться* <курсив наш — С. Л.>, нельзя терять ни минуты времени, нужно при каждом поступке вспоминать о том, к чему ты стремишься, не повредит ли этот поступок твоему стремлению [Памяткаюп: 1924: 31].

В интерпретации первой части призыва опущено (хотя в пионерском варианте уже есть дополнение и именно его и будут в дальнейшем коммен-

тировать пионерские работники), к чему должен готовиться пионер, только разворачивается формула «нужно всегда готовиться».

В этом комментарии отчетливо виден «скаутский подход» к пониманию призыва скаутскими педагогами, он сосредоточен вокруг темы самодисциплины: ограничение во времени и умение им распоряжаться, стремление и целеустремленность. Однако в пионерской практике толкования призыва этот скаутский подход не прижился.

Толкование призыва как демонстрации только волевой готовности было пресечено. Воспитание воли не являлось целью пионерской воспитательной системы. Задача идеологического воспитания виделась в политической ориентации детей, поэтому пионерские работники расширили призыв целевым дополнением политического характера. То, что у скаутов было вынесено за скобки высказывания, в его контекст, у пионеров вошло непосредственно в текст. Расширение текста четко очерчивало идеологические границы констатируемой готовности.

1.2.5. Текст призыва и его редакции

В первом Организационном положении детских коммунистических групп юных пионеров имени Спартака, принятом на июньской Всероссийской конференции ЦК РКСМ в 1923 году, призыв формулировался со следующим дополнением:

«К борьбе за рабочее дело — «Будь готов», ответ — «Всегда готов».
[Комсомол:1925, 47].

Смысловое поле, создаваемое дополнениями (N дат., N вин.), характерно для советского языка 1920-х годов: оно создается лексемами из военного (борьба)¹³⁵ и политического (рабочее дело) словаря.

В течение двадцатых годов второе дополнение (N дат. + Atr.) сохраняется, а в тридцатые годы текст отразит изменение партийных приоритетов, сохранив при этом начало лексико-синтаксической рамки *К борьбе за дело...*:

К борьбе за дело Ленина-Сталина, будь готов! [Пионерсимв:1938, 5]

¹³⁵ А. Н. Баранов и Ю. Д. Караулов утверждают, что военная метафора для советского словаря является ключевой [БарановКараулов:1991, 15–16].

В пятидесятые годы призыв был изменен в последний раз и в таком виде сохранился до конца 1980-х годов¹³⁶.

Приведем два примера за 1955 и 1967 годы :

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!» Ответ: «Всегда готов!» [Товарищзп:1955, 55].

На призыв: «Пионер, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!» — пионер отвечает: «Всегда готов!» [Все-союзная:1981, 130]

Синтаксическая конструкция призыва остается неизменной (К N дат. за N вин. + Atr.) Только одна позиция рамки, последняя, варьируется; она содержит либо определение-прилагательное либо существительное в значении атрибута:

«рабочее дело», под которым понимается дело многочисленной социальной группы — рабочего класса

«дело Ленина-Сталина» — объект получает характеристику за счет указания на вождей некоего дела (персонифицированный двойной субъект Ленин-Сталин)

«Коммунистическая партия» — субъектом дела становится социальный институт (партия как политическая организация)

Таким образом, направление готовности пионера переориентируется с политических интересов социальной группы на социальный институт (и его политическую программу). Несмотря на то что дополнение призыва недвусмысленно указывает на субъектов, задающих систему ценностей пионерской организации, пионерским работникам это указание не казалось исчерпывающим. В уставе и методической литературе заданная система ценностей развивалась и растолковывалась. Вожатые и те, кто непосредственно работал с детьми, должны были донести это толкование до рядовых членов организации. Например, при комментировании краткого варианта призыва в 1920-е годы давались отсылки к другим уставным текстам (законам). «Рабочий класс»

¹³⁶В постсоветское время в региональных пионерских организациях призыв изменялся в соответствии с новыми политическими приоритетами. Например, в Белоруссии призыв в 1992 году звучал следующим образом: «Девиз — краткое изречение, которое выражает основополагающую идею поведения и готовности к действию. Девиз Белорусской республиканской пионерской организации состоит из призыва: «К делам на благо Родины, к добру и справедливости будь готов!» и ответа: «Всегда готов!» [Пионерскиетрад:1992, 6].

являлся единственным имевшим право на идеологическую платформу политическим субъектом советского государства:

Это означает, что каждый пионер должен быть готовым к исполнению тех обязанностей, которые возлагаются на него законами «Юных пионеров» и долгом перед рабочим классом [Юные пионеры:1922, 14].

В 1960-е годы при разъяснении полного варианта упоминались партийные ценности (труд, борьба за счастье всех людей на Земле), а затем перечислялись актуальные социальные институты:

Разные бывают девизы... Но у ребят нашей страны, которые носят красный галстук, есть свой особый:

— ПИОНЕР, К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

СОВЕТСКОГО СОЮЗА БУДЬ ГОТОВ <выделение в тексте— С. Л.>!

Что означает этот клич? Призыв к труду, к борьбе за счастье всех людей Земли.

И тот, кто слышит этот клич, отвечает:

ВСЕГДА ГОТОВ <выделение в тексте — С. Л.>!

Что значит этот ответ? Готовность! Готовность учиться и трудиться, быть дисциплинированным, выполнять любую работу, которую поручит звено, отряд, дружина, а потом комсомол, Коммунистическая партия, народ [Товарищспино:1967, 24].

В перечне «работодателей» отражена двухступенчатая последовательность социальных институтов (детские и взрослые). Сначала перечисляется организационная иерархия пионерской организации (звено, отряд, дружина), а затем присоединяется иерархия второй ступени — «взрослой» партии (комсомол, партия). Тем самым выстраивается цепочка: пионерия — комсомол — партия. Последовательность звеньев цепочки демонстрирует идею преемственности трех поколений — одну из характерных воспитательных идей, обращенных к пионерам. Эта идея занимает важное место во всей пионерской словесности (примеры текстовой реализации этой идеи рассмотрены в главе 3 разделе 2.2.3. Декламация в ритуалах). В этой идее соположены два существенных признака пионерской социальной группы — возрастной (поколенческий) и политический. Оба устанавливают связь детей/пионеров с молодежью/комсомольцами и взрослыми/членами партии.

Не менее устойчива в советском дискурсе и связь концептов «партия» и «народ» («Народ и партия едины», «Планы партии — планы народа»), она также заявлена в приведенном толковании призыва и также указывает на иерархичность отношений: «народ» замыкает собой список социальных институтов и выводит список актуальных субъектов в иную плоскость: социальная группа, государство.

«Рабочий класс» 1920-х годов и «народ» 1960-х существенно отличаются. Эти отличия не сводятся к противопоставлению часть/целое, которое напрашивается в первую очередь. «Рабочий класс» — это некоторая политическая сила, противопоставленная иным (возможно, равноправным) политическим силам. Пионерский «долг перед рабочим классом» состоит в отмежевании от других политических сил и выполнении политической программы именно этого класса и его вождей (Ленина-Сталина). Для 1960-х годов оппозиция рабочий класс/не рабочий класс (столь важная в 1920-е годы) уже не считалась актуальной¹³⁷. Субъектом становится нерасчлененное монолитное сообщество «народ», лишенное национальных и политических признаков и соотносимое с государством (Советский Союз)¹³⁸. Соответственно и пионерские созидательные усилия согласуются с «планами народа» и «родной страны».

В пионерской литературе эта трансформация — рабочий класс — советское государство — отразилась в полной мере (об этом в главе 1 в разделе 2.2.3. Песенники 1930–80-х годов: состав и поэтика).

1.3. Торжественное обещание

1.3.1. Термин

Торжественное обещание представляет собой клятвенный текст, который произносят вступающие в пионерскую организацию. Других названий у этого жанра не было, хотя по отношению к нему можно было бы ожидать употребления синонимов *присяга*, *клятва*. Но такие словоупотребления если и встречаются, то изредка и только в «руководящей литературе» и публицистике, в уставных же документах клятвенный текст именуется

¹³⁷Как, впрочем, и оппозиция пионер/не пионер. Все дети советской страны в послевоенное время являются пионерами.

¹³⁸Указание на Советский Союз в названии партии не случайно для 1960-х годов, т.к. в это время уже существовали государства, во главе которых также стояли коммунистические партии и отношения с которыми были достаточно сложными. (например, Китай).

только *обещание*. Создатели пионерской словесности старались избежать возможных ассоциаций с прежними контекстами словоупотребления обоих терминов: *присяга* (присяга государю, присяга в царской армии, присяга сектантов), *клятва* (в религиозно-философских институтах, напр., масоны и пр.). На употребление терминов в 1920-е годы советской властью были наложены жесткие ограничения: «Религиозная клятва или присяга отменяется. В необходимых случаях дается лишь торжественное обещание» [Освободесовести:1980, 50]. Впоследствии с ослаблением антирелигиозной кампании слово *клятва* вернулось в словарь пионерской организации, но пионерское обещание не сменило названия. Предпочтение было отдано именно этому термину, потому что *обещание* не имело нежелательных коннотаций, его использовали в светских, секуляризованных речевых контекстах (например, именно *обещание* давали вступающие в добровольные пожарные дружины). Обещанием назывался клятвенный текст и у непосредственных предшественников пионеров — скаутов и «потешных»¹³⁹.

Показательно, что ритуальные тексты двух вновь созданных советских организаций (армия и пионерия) именовались одинаково: присяга воинов образованной в 1918 году Рабоче-Крестьянской Красной Армии тоже получила название «торжественное обещание».

Мы будем использовать термин *обещание* для обозначения всех перечисленных и подобных им клятвенных текстов.

1.3.3. Генезис текста торжественного обещания

Текст торжественного обещания не был раз и навсегда зафиксированным: при выходе очередной редакции устава он мог появиться в несколько измененном виде. Подобным же образом работа с текстом обещания велась не только в пионерской организации, но и при разработке армейской присяги или обещания скаутов.

¹³⁹ «Потешное» движение было в значительной степени милитаризовано, поэтому наравне с «обещанием» клятвенный текст в некоторых регионах получил название «присяги» (это не единственный случай использования «потешными» военной терминологии; военная лексика использовалась при наименовании подразделений и членской иерархии). Справедливости ради надо уточнить, что в скаутском движении клятвенный текст иногда обозначался термином «присяга». Это объясняется существованием скаутских авторских программ. В некоторых из таких уставов клятвенный текст называется «присяга», по большей части в силу личного пристрастия к военному антуражу авторов устава, например, Г. А. Захарченко [Захарченко:1910] и Я. Гудко [Гудко:1912].

В скаутской организации одновременно сосуществовало несколько печатно зафиксированных вариантов обещания, различия были несущественны, но сам факт наличия вариантов показателен. Различия отражают либо дословное следование английской клятве, составленной Баден-Пауэллом, либо личные идейно-педагогические позиции составителей.

Приведем примеры первых скаутских клятвенных текстов, созданных в момент зарождения скаутского движения его энтузиастами Г. А. Захарченко, О. И. Пантюховым и Я. Гудко (соответственно 1910, 1911 и 1912 годы):

Присяга

Верность Богу и Государю

Готовность во всякое время помогать ближним

Соблюдать законы разведчиков [История скаутизма:1992, 17]

Честным словом обещаю, что: 1) Буду исполнять свой долг перед Богом и Государем. 2) Буду делать все от меня зависящее, чтобы, помогать ближним. 3) Знаю разведческий закон и буду ему повиноваться. [Памятка юр:1911, 10]

Присяга разведчика

Честным словом обещаю, что буду исполнять свой долг перед Богом и Царем, буду помогать ближним; знаю разведческие законы и буду им повиноваться [История скаутизма:1992, 20].

Несмотря на содержательные и синтаксические различия в формулировках, а также различия в графическом оформлении текстов, все варианты сосуществовали на равных. Единого канонического текста не предполагалось, однако некоторые существенные изменения вносились во все варианты. Так было после революционных событий 1917 года, когда смена государственного строя отразилась в замене во всех региональных вариантах упоминания *Государя* на *Государственную власть*, например, в тексте обещания, изданном в Екатеринодаре и Армавире:

Честным словом обещаю, что

1. Буду исполнять свой долг перед Богом, Родиной и Государственной властью.

2. Буду ежедневно оказывать добрые услуги людям.

3. Знаю законы скаутов и буду им повиноваться [Цытович:1919, 88].

Хотя с централизацией скаутского движения (начиная с 1914) и появилась тенденция унификации текста, она не декларировалась руководителями движения, а скорее являлась следствием «подражательства» на местах. При возникновении нового отряда скаутов обещание не создавалось заново (равно как не осуществлялся заново перевод клятвенного текста Баден-Пауэрса), а принимался к использованию петроградский вариант, опубликованный большим тиражом, чем другие региональные тексты. Тем не менее, важной особенностью текста торжественного обещания скаутов было отсутствие единственного общепринятого и утвержденного варианта текста, региональные скаутские организации нестрого воспроизводили в своих уставах тексты обещания, взятые за основу.

1.3.4. Текст торжественного обещания и его редакции

При создании торжественного обещания пионеров сложилась принципиально иная ситуация: существовал единый кодифицированный текст для всех региональных пионерских отрядов и дружин. Канонический текст торжественного обещания входил в каждую из редакций устава, перед текстом всегда помещался заголовок «Торжественное обещание». В первых редакциях устава текст обещания непосредственно предварялся фразой: «Устанавливается следующая формула торжественного обещания» [например, Юныйпионер:1924, 57]¹⁴⁰.

Изменения в текст торжественного обещания вносились одновременно с другими изменениями устава, утверждались решением съездов и пленумов РКСМ/ВЛКСМ и публиковались в соответствующих изданиях. Например, [Юныепионеры:1925], [Юныепионеры1:1925], [Памяткаюп:1923], [Памятка:1925], [Памяткапш:1928], [Памяткапрп:1933] и мн. др. вплоть до последней редакции текста торжественного обещания, опубликованной, например, в [Книгавож:1972], [Детэнцикл:1978], [Всесоюзная:1981]. Так текст функционировал без каких-либо трансформаций до того момента, пока не возникала потребность внести новые изменения. Разные варианты текста не сосуществовали одновременно, и каждая следующая редакция торжественного обещания сменяла предыдущую. При этом предшествующий вариант был

¹⁴⁰ Такое словоупотребление — «формула» в значении «формулировка» — не было для 20-х годов исключением. В таком же значении «формула» употреблялась в воинских уставах тех лет.

исходным для последующего как по общей структуре, так и в конкретных формулировках. Последовательное сравнение сменявших друг друга вариантов позволит проследить, как изменения в формуле торжественного обещания отражают смену процедуры ритуала вступления в пионеры и изменения идеологических ориентиров и позиций.

Структура клятвенного текста состоит из четырех составляющих:

- клянущееся лицо
- действие, совершаемое клянущимся лицом
- свидетели клятвы
- содержание обещания

Рассмотрим в хронологическом порядке изменения, внесенные в различных редакциях в каждую из этих составляющих. Для удобства анализа текстов все редакции формулировок торжественного обещания, которыми мы располагаем, приведены ниже. Каждой редакции присвоен ярлык (жирный шрифт), в котором указан год выхода редакции. Это сделано для удобства дальнейших ссылок на тексты.

Тексты торжественного обещания

Обещание1 1922

Честным словом обещаю, что буду верен рабочему классу, буду ежедневно помогать своим трудовым братьям, знаю законы пионеров и буду им повиноваться» [Комсомол:1925, 32], [Деткомдвиж:1924, 22], [Товарищкомсомол:1969, 97].

Обещание2 1922

Даю торжественное обещание и скрепляю его своим словом, что буду:
Исполнять законы «Юных пионеров»

Помогать своим товарищам

Буду верен рабочему классу [Юныепионеры:1922, 14].

Обещание 1923

Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что

1). Буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира.

2). Буду честно и неуклонно выполнять законы и обычаи юных пионеров. [Комсомол:1925, 47], [Юныйпионер:1924, 57], [Всесоюзная:1981, 25]

Обещание 1924

Я, юный пионер СССР, пред лицом своих товарищей торжественно обещаю, что:

Буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира.

Буду честно и неуклонно выполнять заветы Ильича, законы и обычаи юных пионеров [Юные пионеры1:1925, 13], [Комсомол:1925, 125], [Резолюция:1933, 5].

Обещание1 1924

Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира. Буду честно и неуклонно выполнять заветы ИЛЬИЧА, законы и обычаи юных пионеров.

[Памятка:1925, 33], [Пионеру:1926, 78]

Обещание 1928

Я, юный пионер СССР, перед лицом товарищей торжественно обещаю, что: 1) Буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение трудящихся всего мира. 2) Буду честно и неуклонно выполнять заветы Ильича — Законы ЮП [Всесоюзная:1981, 55], [Положение1:1931, 4–5], [Положение2:1933, 5].

Обещание 1938

Я, ю. п. СССР, перед лицом товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение трудящихся [во — в тексте пропущено] всем мире, за построение социалистического общества. Буду честно и неуклонно выполнять заветы Ильича и правила поведения юных пионеров [Пионерсимв:1938, 7].

Обещание 1953¹⁴¹

Я, юный пионер (пауза) Союза ССР (пауза), перед лицом своих товарищей обещаю (пауза), что буду твердо стоять за дело Ленина-Сталина (пауза), за победу коммунизма (пауза). Обещаю жить и учиться так (пауза)

¹⁴¹Эта формулировка появилась между 1938 годом и 1953 годом. Нам не удалось обнаружить точной даты ее первой публикации. Таким образом, 1953 год — верхняя граница датировки этой редакции.

за), чтобы стать достойным гражданином своей Социалистической Родины [Пионерские:1953, 6].

Обещание 1955

Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю быть верным заветам Ленина, твердо стоять за дело нашей Коммунистической партии, за победу коммунизма. Обещаю жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей Советской Родины [Товарищсп:1955; 52], [Пионерская работа:1956, 132].

Обещание 1957

Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Советскую Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия [Всесоюзная:1981, 97].

Обещание 1967

Я (фамилия, имя), вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени

Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю

— горячо любить свою Родину,

— жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия

— всегда выполнять Законы пионеров Советского Союза» [Товарищсп-пио:1967, бс], [Всесоюзная:1981, 131].

Клянущееся лицо

С 1922 по июнь 1923 года в первом официальном варианте торжественного обещания пионеров Обещание1 1922, приведенного в Постановлении II Всероссийской конференции РКСМ (май 1922 года), и последовавшим за ним «переходном» издании В. Зорина **Обещание2 1922** лицо передавалось только личной формой глагола *обещаю*. С июня 1923 года и до последней редакции появилось личное местоимение *я*. В **Обещании 1923** определялся и порядок вступления (об этом выше в Приложении разделе 1.3.2.), в соответствии с которым торжественное обещание давалось уже после принятия в члены пионерской организации. Таким образом обещание давалось уже членом организации, а не готовящимся в нее вступить. Этим объясняется появление

в тексте аппозитивного определения *юный пионер СССР* — приложение при подлежащем имеет автоатрибутивную функцию: называет говорящего. Говорящий не называет свое личное имя, а только атрибутирует себя как члена организации, пионера.

По синтаксической структуре вариант **Обещания 1923** напоминает служебный документ (заявление и пр.) Но, в отличие от конструкций служебных документов «Я, имярек, обязуюсь», в обещании вступающий обозначается только личным местоимением в единственном числе (без называния личного имени) с приложением, указывающим на членский статус. Типологической аналогией такого имянаречения являются воинские присяги Красной Армии (а затем и Советской Армии). В торжественном обещании Красной Армии 1918 года приложение *сын трудового народа* атрибутирует присягающего по социальному происхождению¹⁴², а в присяге 1939 года по гражданской принадлежности¹⁴³.

¹⁴²Формула торжественного обещания,
утвержденная в заседании
Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов
от 22-го апреля 1918 года

1. Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии.

2. Пред лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.

3. Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского Правительства.

4. Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

5. Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов, и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братство народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

6. Если по злему умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона.

Председатель ЦИК
Я. Свердлов
Секретарь ЦИК В. Аванесов
«25» апреля 1918 года

В последней редакции **Обещание 1967** аппозитивное определение *юный пионер Советского Союза*, внесенное в обещание в 1923 году **Обещание 1923**, было снято. Это связано с принципиальными изменениями в ритуале: акт вступления в пионерскую организацию и акт дачи торжественного обещания стали тождественны. Поэтому в тексте заявляется не членство в пионерской организации, а констатируется акт вступления в нее: *вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина*.

Впервые в **Обещании 1967** за личным местоимением предполагается произносить личное имя и фамилию. По форме такая конструкция восходит к служебному документу «Я, имярек, заявляю, подтверждаю и пр.». Появление ее здесь можно интерпретировать двояко: как знак бюрократизации жанра клятвы и одновременно как маркер возрастания личного начала в тексте. Однако в ритуале личное начало если не нивелировалось, то значительно снижалось за счет коллективного произнесения текста обещания вслед за вожатым. В 1960–1980-е годы прием в пионеры осуществлялся не индивидуально, а группами по 5–15 человек. Текст произносился хором. Озвучивание личного имени в этом контексте, когда один за другим вступающие называют себя (при повышенном тоне речи), можно сопоставить с перекличкой в военном строю. Коллективная хоровая декламация доминирует над индиви-

Военная присяга

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Подпись

Звание — Член Главного Военного Совета РККА

Имя, отчество и фамилия — Иосиф Виссарионович СТАЛИН

Наименование части, управления, учреждения

«23» февраля 1939 г.

дуальным словом (именем) и служит скорее идентификации говорящего как «мы», а не говорящего субъекта «я».

Действие, совершаемое клянущимся лицом

В ходе развития ритуала приема в пионеры обещание заняло первостепенное место по отношению к другим ритуальным действиям, это произошло к концу 1920-х годов.

Перформативный глагол *обещаю* можно назвать ключевым словом текста обещания, а его произнесение — событием, ради которого акт дачи обещания проводится. Можно предположить, что по глаголу именовался и жанр: *обещаю* — *обещание* (причины предпочтения именно этого термина при назывании клятвенного текста у пионеров обсуждались выше в Приложении в разделе 1.3.1. Термин)

По этому глаголу и его зависимым элементам восстанавливается ближайшая аналогия пионерскому обещанию — обещание скаутов. Более того, можно утверждать, что обещание пионеров генетически восходит к скаутскому обещанию.

Первоначальное торжественное обещание **Обещание1 1922** полностью сохраняет структуру и синтаксис скаутского текста. Оно представляет собой предложение, которое начинается предикативной группой *честным словом обещаю*, за которой следует перечисление собственно обещаний. Такая конструкция *обещаю* + *что буду* сохранится во всех последующих редакциях текста. Перформативный глагол *обещаю* останется единственным неварьируемым компонентом текста. В пионерской традиции клятвенного текста было единственное исключение — в раннем авторском Временном уставе, составленном скаут-мастером В. Зориным, в **Обещании2 1922**, вместо *обещаю* используется другая предикативная группа — *даю торжественное обещание*. Значение перформативного действия переходит к глаголу *даю*, а название речевого действия, которое выражалось глаголом *обещаю*, трансформируется в именную группу.

В **Обещании1 1922** перформатив распространен именной группой (Attr + N твор.) *честным словом*. Клянущийся порукою своему обещанию дает честное слово. В клятвенных текстах других организаций в качестве пору-

ки может выступать *Бог, мать, крест, икона* и пр.¹⁴⁴ Появление в первой редакции пионерского обещания поруки честью связано скорее не с особым отношением к понятию «честь», а с механическим заимствованием. Именная группа *честным словом* была заимствована из скаутских клятвенных текстов. В скаутской организации, ориентировавшейся на кодекс офицерской (дворянской) чести, понятию чести уделялось особое внимание. Существовала особая организационная единица — Суд чести, который разбирал «вопросы чести и нарушения разведческих законов чести» [Уставкиев:1915, 4]. Отдельно формулировались Законы чести, среди которых были, например, такие положения: «Честь дороже жизни», «Разведчик предан своей организации и дорожит ее честью», «Преданность Вере, Царю и Отечеству дело чести разведчика» [Уставкиев:1915, 14–15]. «Честному слову» в законах чести придается особое значение перед другими обещаниями: «На честное слово разведчика может положиться каждый, и разведчик всегда исполняет то, что он обещал честным словом» [Уставкиев:1915, 14].

В масонской практике также встречались апелляции к кодексу чести, но насколько это было регулярным, сказать сложно. Можно сослаться лишь на отдельные зафиксированные тексты клятв¹⁴⁵, в которых клянущийся идентифицирует себя как «честного человека».

Клише «честное слово» в текстах скаутских и масонских обещаний появилось не случайно. Скорее всего эта одна из форм бытования распространенной в светском этикете речевой ситуации, когда клянущиеся подтверждают свое обещание словами «Честное слово!» В дворянской светской культуре XIX века понятие *честь* имело высокий аксиологический статус, и соот-

¹⁴⁴ Например, в скопческих клятвах порукою давался священный символ: «Даю я порукою Крест Животворящий, чтоб пива-вина не пить, матерно не бранитца, нечестиваго не поминать, по свадьбам, по родинам и по кстинам не ходить, никаких прелестей плотских не творить, молотцам не женитца, а девкам замуж не ходить, женам спать на ложе, а мужу на другом» [Высоцкий:1915, 55].

¹⁴⁵ Для периода 20-х годов XX века мы располагаем только одним клятвенным текстом, в котором употребляется слово «честный». В 1923 году Н. Н. Трубецкой при вступлении в эмигрантскую ложу Берлина Великий Свет Севера давал следующую клятву: «Я, нижеподписавшийся, как честный человек, согласно данной мною священной клятве, обязуюсь, что буду по мере сил и моего разума добросовестно и честно соблюдать возложенные на меня обязательства, буду держать себя везде, в ложе и вне ее, как честный и безупречный человек, как верный долгу и готовый на жертвы гражданин <... >» [Соловьев:2001, 121–122].

ветственно было распространено использование ее как поруки в клятвах¹⁴⁶. Поиск по разделу «Русская литература XIX века» электронной библиотеки М. Мошкова¹⁴⁷ позволяет оценить частотность и сферу употребления клише *честное слово* в XIX веке. В литературных текстах, представленных в этом разделе библиотеки, сочетание *честное слово* встречается преимущественно в произведениях второй половины века (в частности, в творчестве А. П. Чехова)¹⁴⁸. В 40 % случаев словоупотреблений оно сочетается с глаголом дать в 1 лице единственном числе настоящего времени — «даю честное слово». Именная группа (Attr + N твор.) *честным словом* встречается гораздо реже (3 случая на то же количество употреблений (50)); и сочетается с глаголом *уверяю*. Случаев употребления в литературных текстах честным словом обещаю не зафиксировано.

Однако в клятвенных текстах «потешных», скаутов, и первого пионерского обещания **Обещание1 1922** употреблялась именно форма в творительном падеже *честным словом* + *Verb*.

В «потешных полках», создаваемых приблизительно в 1910-е годы, честным словом сочеталось с глаголом удостоверяю. Например, такая сочетаемость обнаруживается в торжественном обещании Закаспийского потешного полка (Ашхабад), составленном в 1910 году:

«Честным словом своим удостоверяю, что поступаю в I Закаспийский потешный полк, любя и почитая Государя и Россию, и поэтому клянусь честью, что буду безусловно повиноваться уставам полка и поддерживать доброе имя и честь его» [Историяскаутизма:1992, 14].

В зафиксированных (и доступных для сопоставления) клятвенных текстах других организаций (в том числе взрослых) *честным словом* не употреблялось.

В **Обещании2 1922** вместо *честным словом* употреблено *своим словом*. Оно занимает зависимую позицию при глаголе *скрепляю* — *скрепляю своим словом*. Именная группа в творительном падеже (Prop + N твор.)

¹⁴⁶Феномену дворянской чести уделяется большое внимание в монографии А. Вострикова [Востриков:2004], например, на страницах 10–11, и мн. др.

¹⁴⁷<http://www.lib.ru/>

¹⁴⁸ Существует и произведение, название которого состоит из этой формулы, это пьеса А. С. Суворина «Честное слово».

передает отношения принадлежности (своим), а не качества (честным). По-видимому, можно говорить (только в порядке предположения), что в этом переходном варианте В. Зорин, создатель этого текста, будучи бывшим скаут-мастером, пытался исключить семантику, связанную с дворянской культурой («слово чести»).

Клише «честное слово» входило в официальный текст обещания в значении поруки до июня 1923 года, когда весь текст подвергся значительной переделке. В **Обещании 1923** при перформативе появляется наречие *торжественно*, характеризующее ритуальную ситуацию и заменяющее поруку — *честь*. Так в обещании снимается поручительство честью, но вводится обстоятельство, описывающее обстановку ритуальной ситуации, торжественность же этой обстановки заключалась среди прочего в ее публичности — присутствии других членов пионерской организации и авторитетных для организации гостей. Если для скаута поручительством служила его честь, то для пионера — общественное присутствие, а следовательно, общественная осведомленность в присвоении нового статуса клянущемуся — пионер.

Любопытно, что в воинской присяге 1939 года так же, как и в **Обещании 1923**, глагол-сказуемое (*обещаю/клянусь*) сочетается с качественно-характеризующим наречием *торжественно*. Возможно, это свидетельствует о некой общей тенденции означивать церемониальные особенности ритуалов в ритуальных текстах.

В **Обещании 1955** синтаксическая конструкция *обещаю + что буду* меняется на *обещаю + Inf*. Анализ состава этой конструкции приводится ниже в разделе (Содержание обещания)

Свидетели клятвы

В **Обещании 1923** глагол *обещаю* впервые распространяется предложной группой *перед лицом своих товарищей*. В нее *перед лицом* + N род. входит существительное *товарищ* во множественном числе (в воинской присяге того же периода: *трудящиеся классы*). Пионер таким образом подтверждает свою членскую идентичность перед членами пионерской организации, присутствующими на церемонии вступления. Поэтому в данном случае имеются в виду не столько личные друзья, сколько товарищи по организации. Значение слова *товарищ* в этом словоупотреблении очевидно восходит к наименованию партийного товарища, в частности товарища по партии боль-

шевиков. Кроме того, что слово *товарищ* употреблялось синонимично слову *коммунист* в советское время, оно использовалось еще в дореволюционной студенческой среде как обращение к другому человеку [Селищев:2003, 223]. Таким образом, появление слова *товарищ* в тексте обещания может объясняться двумя причинами: как слово, принадлежащее к партийному (а затем советскому) словарю, и следовательно маркирующему весь текст как текст советский, и как слово молодежной (студенческой) разговорной речи. Предложная группа *перед лицом своих товарищей* сохранится до последней редакции обещания.

Насколько можно говорить о влиянии воинского торжественного обещания на пионерское — неясно, приходится констатировать более или менее случайное совпадение: помимо общей грамматической конструкции (*обещаю* + Verb) в текстах обещаний совпадают отдельные фрагменты, в частности, с обещанием 1918 года совпадает предложная группа: *перед лицом* + N род.¹⁴⁹. И для пионерского, и для воинского обещания важным оказывается именно публичность, это связано с известными установками советской власти на отсутствие приватности и публичный характер жизни советского человека.

Содержание обещания

В **Обещании 1922** вслед за инициальной синтагмой честным словом обещаю, что буду перечисляются идеологические и поведенческие нормы члена пионерской организации:

буду верен рабочему классу

буду ежедневно помогать своим трудовым собратьям,

знаю законы пионеров и буду им повиноваться

Рассмотрим эти положения последовательно. В общем виде они сохраняют последовательность скаутских (к примеру возьмем скаутское обещание, составленное О. И. Пантюховым [Памяткаюр:1911, 10]): сначала главный идеологический ориентир (*Господь, Родина/рабочий класс*), затем нравственная норма (*помощь ближнему*), а в заключение констатация причастности основным принципам организации (*законы скаутов/законы пионеров*).

¹⁴⁹ А. М. Селищев приводит примеры распространенности словоформы *лицом* в лозунгах 20-х годов: «Лицом к деревне!», «Лицом к растратам!», «Лицом к тюрьме!», «Лицом к печати!» [Селищев:2003, 166].

Грамматический строй изменен только в первом случае: глагольно-инфинитивная группа заменена на глагольно-именную — *буду исполнять свой долг* заменяется в **Обещании1 1922** на *буду верен*. Эта трансформация существенным образом влияет на семантику: в первом случае грамматической формой (*буду что делать?*) передается обещание некоторого действия, а во втором случае (*буду каков?*) — обещание постоянного качества. Таким образом, предикативное значение заменяется качественно-характеризующим. В семантической плане это можно интерпретировать как замену идеи движения идеей признака. Соответственно скаут обещает совершать активное действие, а пионер обещает сохранять некое константное качество. Можно продолжить обобщение: предполагается, что образ скаута в обещании конструируется как образ активного и деятельного члена организации, напротив, пионер представлен как носитель определенного, неотторжимого и неизменного качества. Семантические изменения заключены и в том, что в первом случае отношения скаута и Государя (Бога, государства, Родины) интерпретируются как отношения долга *буду исполнять свой долг перед...*, то есть лишены каких бы то ни было религиозных коннотаций и скорее ассоциируются с воинским/гражданским долгом, а в пионерском варианте отношения пионера и рабочего класса заявляются как отношения верности *буду верен*, а следовательно укоренены в другой системе регулирования отношений: если не собственно религиозной (вера), то, по крайней мере, находящейся с ней в косвенной связи.

Второе положение **Обещания1 1922** совпадает грамматически — глагольно-инфинитивная конструкция *буду помогать* с дополнением в дательном падеже, — а дополнения различаются лексически: в скаутском варианте — *ближние*, а в пионерском — трудовые собратья. Из формулировки скаутского обещания Э.П.Цытовича [Цытович:1919, 88] переносится обстоятельство времени *ежедневно*. Очевидно, что в пионерском обещании реализуется не общечеловеческая нравственная система ценностей, как у скаутов, а партийная.

Третье положение **Обещания1 1922** грамматически не изменилось — это глагольная группа (Verb + N вин. + N род.), только в дополнении (N вин. + N род.) законы скаутов вместо одного существительного в значении атрибута подставлено другое — *законы пионеров*.

Таким образом, в скаутское обещание вносятся формальные и содержательные исправления, которые отражают пионерскую идеологическую платформу, в свою очередь опирающуюся на идеологию коммунистической партии. Деятельность пионера соответствует классовому делению общества: *верность рабочему классу, помощь трудовым братьям*.¹⁵⁰

Кардинальные изменения содержания обещания произошли год спустя — в 1923 году (после июньской Всерос. конференции ЦК РКСМ 1923 года). В Обещании 1923 вторая часть текста обещания так же, как и в Обещании 1922, состоит из перечисления идеологических и поведенческих норм члена пионерской организации. Однако представление о нормах меняется:

1. Буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира.

2. Буду честно и неуклонно выполнять законы и обычаи юных пионеров.

В первом положении **Обещания 1923** конструкция *буду верен рабочему классу* перестраивается в глагольную группу *буду стоять за* + N вин. Однако в семантическом плане динамичности предикату это не прибавляет, так как инфинитив имеет значение «неподвижности». Так сохраняется значение константности признака, бывшее в предыдущем **Обещании 1922**.

Падежная группа *за дело рабочего класса* появляется в **Обещании 1923** не случайно. Это знак вхождения этой формулы в «моду» среди уставных пионерских текстов. Иначе говоря, именно в редакции 1923 года во всех уставных текстах (призыв, обещание, законы) *рабочий класс* был заменен на *дело рабочего класса*. Соответственно в обещании *верен рабочему классу* замесилось на *буду стоять за дело рабочего класса*. С подстановкой слова *дело* значение сочетания несколько меняется: если в первой редакции утверждалась верность социальной группе как таковой, то во второй — заявляется приверженность его идеалам (идеям), начиная с 1920-х годов *дело* употреблялось синонимично идеалам (идеям).

¹⁵⁰Показательна аналогия торжественного обещания и присяги Красной Армии, принадлежащая самим пионерским работникам: они сопоставляют обе организационные структуры и находят единообразие не только в одинаковой ритуальной практике (дача обещания), но и в части идеологических ориентиров (рабочий класс): «Как Красная Армия первого мая прошлого года произносила во всех концах России слова красной присяги на верность трудящимся и их рабоче-крестьянскому правительству, так и юные пионеры дают свое торжественное обещание на верность рабочему классу и его борьбе. Слова его таковы <...>» [Памяткауп: 1924, 30], [Юныйпионер:1924, 57].

Глагол *буду стоять* сочетается с качественно-характеризующим наречием *твердо*. В **Обещании 1922** наречия этого типа отсутствовали (как отсутствовали и наречия *честно* и *неуклонно* во втором положении). К слову, конструкция *твердо стоять за дело* была широко распространена в газетно-плакатной речи 1920-х годов.

Новый фрагмент **Обещания 1923**, входящий в предикативную группу, *в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира* — раскрывает и конкретизирует суть дела рабочего класса, которое заключается в деятельности военного характера (борьба за освобождение) против предполагаемого неназываемого врага. Противник классово противопоставлен единой группе рабочих и крестьян, но при этом единстве они соположены как две подгруппы (в дальнейшем деление на подгруппы нивелируется, и тот же объект будет именоваться *трудящиеся всего мира*). Деятельность рабочего класса представлена как деятельность, распространяющаяся за пределы советского государства — *весь мир*. Мировой масштаб придает делу рабочего класса глобальный, «величественный» характер. А. М. Селищев делает следующее заключение по поводу частотности сочетания *весь мир* и подобных: «Представление величия задач революции, трудностей в осуществлении их, угроз и наступлений противника — все это отражается в частом употреблении форм превосходной степени, а также эпитетов и сочетаний для величественности, колоссальности» [Селищев:2003, 162]. Квантор всеобщности *весь* в этом случае служит «для выражения величественности» [Селищев:2003, 164].

Вся предикативная группа первого положения **Обещания 1923** представляет собой развернутую формулу, весьма популярную в советской газетно-плакатной речи.

Второе положение **Обещания 1922** (*буду ежедневно помогать своим трудовым братьям*) в **Обещании 1923** опускается — оно не сохранится и в законах пионеров этой редакции устава [Комсомол: 1925, 45–46]. Это опущение довольно показательно в плане характеристики эволюции основных принципов пионерской организации: из них планомерно удалялись поведенческие нормы нравственного порядка, лишённые какого бы то ни было классового содержания¹⁵¹.

¹⁵¹В 1932 году в законах пионеров смоленского издания устава появится положение: «Пионер беззаветно предан делу ленинского комсомола и партии, помогая строить бесклассовое обще-

Третьему положению **Обещания 1922** соответствует второе и последнее положение **Обещания 1923**: *буду честно и неуклонно выполнять законы и обычаи юных пионеров*. Скаутская формулировка *знаю законы скаутов и буду им повиноваться*, перешедшая в первый вариант пионерского обещания, уступает новой, с заменой глаголов. В зависимость от глагола группу *выполнять законы и обычаи юных пионеров* добавлен еще один, помимо законов, уставный текст — *обычаи*. Однако обычаи останутся в формулировке сравнительно недолго, в 1928 году их уже не будет. Обычаи как вид уставного текста, будучи периферийным уставным жанром, перестанут существовать сравнительно быстро. (подробнее об обычаях в Приложении в разделе 1.5. Обычаи пионеров)¹⁵².

При глаголе *буду выполнять* есть зависимые наречия *честно* и *неуклонно*. Первое наречие *честно* является дериватом *честный* (*честным словом*). Наречие производно от *честный*, и его связь с исходным словом честь ослаблена; скорее можно говорить об актуализации значения «правдиво» (*слово чести/честное слово* vs. *честность/правдивость*). Трансформация значения связана с вытеснением понятия «честь» как классово чуждого из пионерской системы ценностей.

Наречие *неуклонно* передает качественное значение волевого усилия. Оно характерно для газетно-плакатной речи 20–30 годов¹⁵³.

Вслед за переименованием детских коммунистических групп пионеров имени Спартака в детские коммунистические группы имени тов. Ленина (Решение экстренного пленума ЦК РКСМ от 23 января 1924 года) были внесены исправления и в торжественное обещание. В редакции устава, вышедшей

ство», — однако это положение противоречило большинству законов, описывающих деятельность пионеров с точки зрения классового деления общества (Например, «Пионер верный друг и товарищ детям рабочих, крестьян, трудящихся и угнетенных всего мира» [Положение 2:1933, 2]. Приведенный выше пример — единственный случай упоминания в законах пионеров бесклассового общества (а с ним, возможно, и подразумеваемых бесклассовых ценностей). По-видимому, его можно признать окказиональным, в то же время его единичность подчеркивает один из основных принципов пионерской организации — классовое деление.

¹⁵²Заметим, что глагол *выполнять* есть и в более поздней по времени воинской присяге 1939 года: «выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников». По-видимому, в текстах советских клятв отдается предпочтение этому слову перед другими.

¹⁵³Более близкие жанровые аналогии: воинская присяга. Сочетание *выполнять неуклонно* есть в воинской присяге 1939 года.

после VI съезда РЛКСМ (12–18 июля 1924 года), в **Обещание 1924** были внесены «заветы Ильича»:

Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что:

Буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира.

Буду честно и неуклонно выполнять заветы Ильича, законы и обычаи юных пионеров [Юныепионеры1:1925, 13], [Комсомол:1925, 125].

В этой редакции обещания имя вождя передано только отчеством. Именование человека по отчеству принято в достаточно закрытых сообществах (трудовой коллектив, деревенская община и пр.) с целью передать его особый статус: авторитетный старший товарищ. Этому не противоречит замечание А. М. Селищева о том, что такой способ именования партийного вождя объясняется «стремлением к опрощению личных взаимоотношений и языка» [Селищев:2003, 119]. Для пионерской литературы именно такое название вождя очень характерно, оно вносило семантику родства в отношения вождя и пионеров, обычно как отношения «дедушка-внуки», поэтому же распространенным было одно из перифрастических наименований пионеров — внуки Ильича (октябрят — внучата Ильича) (подробнее об этом см. в главе 3 в разделе 2.2.3. Декламация в пионерских ритуалах).

В Симферопольском издании устава имя вождя в **Обещании1 1924** выделено графически:

Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира. Буду честно и неуклонно выполнять заветы ИЛЬИЧА <выделение в тексте - С. Л.>, законы и обычаи юных пионеров.

[Памятка:1925, 33]

Графическое оформление текста обещания, в отличие от самого содержания текста, могло варьироваться. В региональных изданиях встречаются случаи различного оформления текста: выделение особо значимых слов в **Обещании1 1924** (ИЛЬИЧА в [Памятка:1925, 33] — см. выше), распределение абзацев: например, в самарском издании [Юныепионеры1:1925, 13] **Обещания 1924** абзацы отделяют каждое положение обещания, а в сим-

феропольском издании **Обещания1 1924** разделения на абзацы нет [Памятка:1925, 33]. В московском же издании **Обещания 1923** [Юныйпионер:1924, 57], помимо абзацного выделения, положения пронумерованы. Делать из этого наблюдения серьезные выводы не стоит, но графические разночтения позволяют судить о той степени свободы, которая была позволительна при публикации текста — эта свобода минимальна.

9 июня 1928 году вышло новое Положение о коммунистической детской организации юных пионеров им. В. И. Ленина (В соответствии с решениями VIII съезда ВЛКСМ 5–16 мая 1928 года). В нем представлена новая редакция устава, в том числе и торжественного обещания — **Обещание 1928**.

В **Обещании 1928** происходит уже отмеченная выше замена сочетания рабочих и крестьян всего мира на трудящихся всего мира. Помимо этого, текст имеет графические особенности: законы юных пионеров пишутся с большой буквы и юных пионеров сокращается по первым буквам ЮП.

В **Обещании 1938** идеологическая программа расширяется: цель деятельности рабочего класса, содержащаяся в предложной группе — за освобождение *трудящихся во всем мире*, дополняется сочиненной с ней предложной группой — *за построение социалистического общества*. Замена законов пионеров на правила поведения объясняется тем, что к 1938 году законы пионеров были переименованы в правила поведения, а в решении X пленума ЦК ВЛКСМ (от 20 октября 1939 года) эта замена документально подтверждена. Эта замена сохранится только в этом варианте текста, так как в нескольких следующих редакциях **выполнять законы пионеров** будет опущено.

К моменту выхода редакции **Обещания 1953** были внесены следующие изменения:

— *дело рабочего класса* заменяется на *дело Ленина-Сталина*: социальная группа сменяется атрибуцией по именам вождей. Изменяется наименование вождя: *Ильич* — на *Ленин*. Номинация по отчеству — на партийную кличку. Происходит очередная смена в интерпретации отношений вождь — пионеры. Родственные (дедушка — внуки) отношения заменяются на отношения партийно-иерархические (вождь — члены партии). С другой стороны, такая замена вызвана образованием нового двойного атрибутива Ленин-Сталин,

конструированию цельности которого служит ритмическое единство и рифма.

— сочетание *построение социалистического общества* заместится сочетанием *победа коммунизма*. Снова появляется военная лексика в сочетании с политической.. Замещение социализма на коммунизм отражает понимание политической обстановки в государстве. Фиксируется новый этап государственного развития: государство именуется Социалистическая Родина, под этим подразумевается, что построение социалистического государства закончено и следующим этапом станет построение коммунистического, в чем и обещает участвовать вступающий в пионерскую организацию.

— в **Обещании 1953** полностью меняется второе положение: *обещаю жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей Социалистической Родины*. Перформатив *обещаю* сочетается с новыми для текста обещания инфинитивами *жить* и *учиться*. Сочинительное соположение этих двух глаголов служит их семантической дистрибуции. Первый глагол с нежесткими смысловыми границами позволяет широко трактовать зависимость жизни вступающего в организацию от ее идеологических принципов, второй глагол свидетельствует об особом значении учебы для члена пионерской организации. В первые годы создания пионерской организации ее члены были сильно перегружены общественной работой, вскоре эта перегруженность стала настолько проблемной, что даже дискутировалась в руководящих пионерских органах (например, в 1932 в Известиях ЦК ВЛКСМ было опубликовано письмо ЦК ВЛКСМ комитетам ВЛКСМ, Бюро пионеров и всем вожатым пионеротрядов «О перегрузке пионеров и школьников»). В 1933–1934 годах пионерская организация окончательно была переведена на базу общеобразовательной школы [Басов:1987, 13], и к этому времени в руководстве организации наметился, а затем и закрепился новый подход к оценке пропорций учебы и общественной работы: приоритет был отдан учебе, что и отразилось в тексте обещания. Оба глагола сохранялись в тексте до последней редакции — **Обещания 1967**.

— в **Обещании 1953** появляется понятие *гражданин*, ранее не актуальное для обещания. Несмотря на то что наименование *гражданин* широко употреблялось уже в 1920-е годы [Селищев:2003, 189, 242], в текст обещания оно попадает сравнительно поздно, только к тому моменту, когда в

программу пионерской организации проникает понятие гражданственности, государственности. В тексте новое государство получает именование *Социалистическая Родина* и притяжательное значение, выраженное местоимением *своя*. Последнее необходимо для указания на конкретное среди других государств: СССР.

Второе положение содержит новую конечную цель вступающего в пионеры: *стать достойным гражданином своей Социалистической Родины*. Синтаксическая конструкция (обещаю + Inf так, чтобы Inf) задает семантику высказывания — двойной результат, второй из которых мыслится в неограниченной перспективе. Первый результат (жить и учиться так) является стадийно промежуточным по отношению к конечному (стать достойным гражданином своей Социалистической Родины). Таким образом, временные рамки действия обещания стремятся за границы членства в пионерской организации.

В **Обещании 1955** имя Сталина в связи с изменением политической конъюнктуры было снято из текста обещания. Наименование второго вождя по партийной кличке сохранится — *Ленин*, оно займет атрибутивную позицию при вернувшемся слове *заветы*, с которым в предыдущих редакциях сочеталось *Ильич*.

Из первой редакции — **Обещание1 1922** — возвращается предикативная группа *быть верным* (в **Обещании1 1922** — *буду верен*); она имеет в зависимой позиции дополнение *заветы Ленина* (в **Обещании1 1922** — *рабочий класс*).

В предложной группе *за дело* + N род. персонифицированный двойной субъект *Ленин-Сталин* заменяется на социальный институт *Коммунистическая партия*.

Социалистическая Родина заменяется *Советской Родиной*, видимо по той же причине, по которой вводилось притяжательное местоимение *своя* — в обещании заявляется гражданская принадлежность именно к СССР, поэтому с развитием социалистического лагеря потребовалось внести уточнения: *Советская* могло относиться только к СССР, а ни к каким-то другим социалистическим странам.

В **Обещании 1955** положения расположены в порядке:

1. идеологические ценности и ориентиры (заветы Ленина, Коммунистическая партия)

2. отношение к государству (гражданин Советской Родины)

В редакции **Обещания 1957** они меняются местами: на первый план выходит отношение к Родине, формулируемое, в отличие от **Обещания 1955**, в котором отношения пионера и государства передавались как отношения гражданского долга, в терминах любви: *горячо любить*. Причем глагол с эмоциональным значением *любить* получает дополнительную экспрессивную окраску, сочетаясь с наречием *горячо*.

Семантика борьбы, скрыто присутствовавшая в выражении *твёрдо стоять за дело*, номинализируется в слове *бороться*. В зависимости от сочиненных инфинитивов *жить, учиться, бороться* находится не придаточное цели (*чтобы стать...*), а придаточные изъяснительные (*как завещал, как учит...*) с активными субъектами действия (*Ленин, партия*), ранее выступавшими в роли атрибутов. Последовательность глаголов в форме прошедшего времени (*завещал*) и настоящего (*учит*) демонстрирует преемственную связь идеологических фигур (*Ленин завещал — партия учит*).

Ленин наделяется эпитетом *великий*, устойчивым эпитетом для именования вождя в официальном советском дискурсе (ср., то же в [Тумаркин:1997]).

Меняется характеристика социального института — Коммунистической партии: он выступает в роли учителя, наставника (*как учит Коммунистическая партия*), то есть персонифицируется, приобретает черты субъекта. В предыдущей же редакции в сочетании дело Коммунистической партии такой персонифицированности нет, есть только значение атрибута при лексеме дело (= идея).

В **Обещании 1967** — последней редакции пионерского обещания — апозитивное определение *юный пионер Советского Союза*, внесенное в обещание в 1923 году, было снято. Это связано с принципиальными изменениями в ритуале: акт вступления в пионерскую организацию и акт дачи торжественного обещания стали тождественны. Поэтому в тексте заявляется не членство в пионерской организации, а констатируется акт вступления в нее: *вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина*.

В этой редакции вновь появляется положение о законах пионеров, снятое к 1938 году — *всегда выполнять Законы пионеров Советского Союза*. Инфинитив *выполнять* в этом случае сочетается с наречием со значением непрерывности *всегда*, близким к *неуклонно* (например, в **Обещание 1923**, **Обещание 1924**, **Обещание 1928**).

Таким образом, на основе результатов анализа словоупотреблений и их сочетаемости, можно сделать вывод, что наиболее активно торжественное обещание перерабатывалось в 1920-е годы, что совпадает с периодом становления и оформления идеологической платформы пионерской организации. Вслед за первым вариантом, опубликованным в Постановлении 1922 года, появилась новая редакция в составе Организационного положения детских коммунистических групп юных пионеров имени «Спартака» (после июньской Всерос. конференции ЦК РКСМ 1923), затем редакция 1928 года. В последующие годы обращались к тексту реже, несколько активизировался интерес к нему в 1950-е годы, но затем снова ослаб, а после 1967 года в текст обещания и вовсе прекратили вносить изменения.

Можно назвать две редакции, в которые были внесены наибольшие структурно-содержательные изменения. Это редакции 1923 года и 1957 года. В них отражался существенно новый этап в развитии текста (а вместе с ним и развитии пионерской идеологии) и задавались границы дальнейшей редакции.

1. 4. Законы пионеров

1.4.1. Термин

Законы пионеров — это текст, состоящий из нескольких предложений (от 5 до 16), каждое из которых представляет одно (реже два) положение, содержащее идейно-воспитательный принцип пионерской организации. По определению одного из пионерских пособий: «Все законы юных пионеров тесно взаимосвязаны, так как они представляют собой конкретное содержание идеала коммунистической нравственности наших детей на современном этапе строительства коммунизма» [Кузьмин:1961, 4].

Термин *законы пионеров* восходит к термину, обозначающему аналогичный жанр у скаутов, — *законы скаутов / разведчиков*. В таком же значении словосочетание *законы + именная группа* (со значением лица) в

родительном падеже встречается в масонских уставах — например, Законы Ордена Свободных Каменщиков [Соколовская: 1907].

1.4.2. Генезис законов пионеров

Структура законов в виде списка положений и частично их содержание были заимствованы у скаутов. Сопоставим с пионерскими законами петроградский вариант законов скаутов:

Законы разведчика:

1. Исполнять свой долг перед Богом , Родиной и Государем;
2. Любить свою Родину и всеми силами стремиться быть полезными и честными гражданами России;
3. Оказывать услуги и помогать всем, особенно старым людям, детям и женщинам;
4. Быть всегда правдивым и верным данному слову;
5. Беспрекословно исполнять приказания своих начальников;
6. Быть другом животных;
7. Быть веселым и никогда не падать духом;
8. Быть вежливым и аккуратным;
9. Быть верным законам разведчиков;
10. Подчиняться Суду Чести [Будьготов1916:49], [Жуков:1916, 12].

Синтаксически положения представляют собой глагольные группы: Inf + N, Inf + Atr. Такими синтаксическими конструкциями передается важная для скаутской воспитательной программы позиция: скаут должен выполнять некоторое количество требований, в законах декларируется программа его действий, в которой нет конечного предела, она открыта личностному развитию, формированию определенных качеств.

Лексика, употребляемая в формулировках, создает характерный «идеологический универсум» (термин Левина., см. в [Левин:1998, 552]). Он складывается из следующих элементов: *Бог, Родина, Государь, гражданин, Россия, старые люди, дети, женщины, слово, долг, начальник, животные, Суд Чести*. Круг этих понятий непосредственно не связан с политическими структурами, лишен каких-либо узких идеологических ориентиров, кроме патриотически-гражданских¹⁵⁴.

¹⁵⁴Свидетельством распространенности этих этических и поведенческих нормативов служит, например, сходная идейная платформа масонов. Между тем имеющиеся различия «идеологических

Вторую группу сочетаний составляют Inf + Atr. Второй член сочетания выражен атрибутивными лексемами: вежливый, аккуратный, веселый, полезный, честный. Среди личностных качеств, которыми стремится обладать скаут, — вежливость и аккуратность — качества светского этикета. Показательно и наличие качества, описывающего эмоциональное настроение, — *веселый*.

В пионерских законах этих трех качеств не станет, например, в одной из переходных редакций, составленной В. Зориным в 1922 году, сохранится только одно — веселый:

1. Юный пионер верен рабочему классу;
2. Честен, скромн и правдив;
3. Друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу;
4. Исполнителен;
5. Трудолюбив, весел и никогда не падает духом;
6. Бережлив и уважает общепольный труд [Юные пионеры: 1922, 16].

Уже на основании «переходного» варианта В. Зорина можно судить о том, насколько отличаются пионерские и скаутские законы как в синтаксическом, так и в содержательном плане. Законы призваны сконструировать идеальный образ члена организации через перечисление его свойств. Если проанализировать синтаксическую структуру, частотность лексических еди-

универсумов» масонов, с одной стороны, и скаутов и пионеров — с другой, отражаются в структуре списка и содержании формулировок.

В Законах Ордена Свободных Каменщиков [Соколовская: 1907] есть следующие разделы:

1.
 - a) О должностях к Богу и религии
 - b) Бессмертие души
 - c) О должности к Государю и Отечеству
 - d) О должности к человеку вообще
 - e) О Благотворении
 - f) О других должностях к ближнему
 - g) О нравственном совершенствовании самого себя
 - h) О должности к братьям
 - i) О должности к Ордену

Пункты законов представляют собой заголовки подрубрик, в которых разъясняются масонские идейные принципы. Лексика и синтаксис внутри подрубрик соотносимы с библейскими, например, в этом уставе: *прощай врагу твоему, да не унижит никогда характера твоего скупость, люби ближнего* и т. п.

ниц и их соотнесенность с определенными синтаксическими позициями, то станет очевидна существенная разница скаутской и пионерской идеологии.

Синтаксическая структура, представленная в первой «переходной» редакции законов пионеров, иная, нежели у скаутов. В законах скаутов инфинитив передает значение долженствования, повелительного наклонения, понуждая скаута к действию, причем по возможности многократному. А в законах пионеров нормы в 10 случаях из 12 передаются краткой формой адъектива (*верен, исполнитель, трудолюбив* и т.д.) или существительным (*друг, брат*). Так синтаксически конструируются неотчуждаемые качества пионера. Подтверждению этого вывода служит частотность глагольных лексем: в скаутских законах — 8, а в пионерских — 1.

И если грамматико-синтаксическая структура скаутских законов задает черты скаута как рекомендованные личные качества, к которым должно стремиться, предпринимая некоторые действия, то в пионерском варианте пионер представлен как набор приписываемых ему константных черт. Соответственно член пионерской организации должен идентифицировать себя как соответствующего/несоответствующего заданному образу пионера¹⁵⁵. Поэтому можно назвать пионерский вариант закрытым, предполагающим только самоидентификацию и самооценку члена организации, напротив, скаутский вариант — открытый, он предполагает воспитательный рост и совершенствование члена организации.

Большинство словоформ в формулировках пионерских законов — качественные прилагательные в краткой форме: *верен, честен, скромн, правдив, исполнитель, трудолюбив, весел, бережлив*. По самой грамматической форме законы скаутов призывают следовать правилам, то есть совершать поступки, в то время как законы пионеров констатируют свойства идеально-

¹⁵⁵При перепечатывании в 1923 году варианта законов В. Зорина в текст будет внесено подлежащее — субъект действия:

1. Пионер верен рабочему классу.
2. Пионер честен, скромн и правдив.
3. Пионер друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу.
4. Пионер исполнитель.
5. Пионер трудолюбив, весел и никогда не падает духом.
6. Пионер бережлив и уважает общепольный труд [Памяткаюп:1923, 19–22].

Единоначалие и синтаксический параллелизм положений перечня создает значительное суггестивное напряжение.

го пионера, предлагая только идентифицировать себя на соответствие этим качествам. Все вместе они составляют набор добродетелей, воспитываемых в ребенке и вне пионерской организации. Однако сочетаемость по крайней мере одного из прилагательных (первого по порядку, задающего идеологический ориентир) показывает узость приложения этих качеств: *верен рабочему классу*. Разительно отличаются от скаутских и объекты «идеологического универсума»: *класс, брат, пионер, комсомолец, труд*. В последующих редакциях политический характер положений законов не только сохранится, но и в значительной степени расширится.

1.4.3. Текст законов пионеров и его редакции

Изменения в текст законов пионеров вносились как одновременно с другими изменениями устава, так и отдельно. В последнем случае выходили отдельные постановления о внесении изменений.

Первые сформулированные законы были опубликованы в Приложении Б к Постановлению II Всероссийской конференции РКСМ (май 1922), 17 октября 1922 года решением V съезда РКСМ они были утверждены. После июньской Всероссийской конференции ЦК РКСМ 1923 года вышло Организационное положение детских коммунистических групп юных пионеров имени Спартака [Комсомол:1925, 45–46]. В 1924 году были обнародованы в журнале Вожатый дополнения, выдвинутые совещанием (16–19.04.1924) перед VI съездом РКСМ: «Законы и обычаи должны быть переработаны в смысле большого пропитывания их ленинским духом и приближения к пониманию масс ребят» (Вожатый 1924 № 1 С. 5.). В июле вышло новое Организационное положение детской коммунистической организации юных пионеров имени т. Ленина, которое тиражировалось неоднократно (об этом выше в разделе 1.1.).

Говорить о существовании единого кодифицированного варианта (как в случае с торжественным обещанием) приходится с осторожностью по двум причинам. Во-первых, в доступных сборниках документов пионерской организации ([Сборникдок:1958], [Документы:1967], [Товарищкомсомол:1969], [Документы:1970], [Всесоюзная: 1981]) собраны не все редакции законов пионеров, так как сами уставы в этих сборниках публиковались выборочно, кроме того в опубликованных уставах некоторые фрагменты пропущены, среди этих фрагментов, возможно, и законы пионеров. Количество редакций, привлеченных к анализу (общим числом 10), пополнилось за счет брошюрных и

энциклопедических изданий. В то же время складывается впечатление, что пионерские работники нерегулярно редактировали уставы (и вместе с ними законы пионеров), есть периоды, за которые не удалось найти ни одной редакции законов пионеров (например, с 1939 года по 1957 год).

Во-вторых, существовали многочисленные региональные варианты законов пионеров (например, [Положение1:1931], [Положение2:1933] [Резолюция:1933]), и, возможно, эти варианты не были согласованы с центральными органами пионерской организации, следившими за единообразием текста. Для удобства анализа текстов все редакции формулировок законов пионеров, которыми мы располагаем, приведены ниже. Каждой редакции присвоен ярлык (жирный шрифт), в котором указан год выхода редакции. Это сделано для удобства дальнейших ссылок на тексты.

Тексты законов пионеров

Законы1 1922 май

1. Пионер верен рабочему классу и коммунизму.
2. Пионер друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу.
3. Пионер честен и правдив. Его слово как гранит.
4. Пионер дисциплинирован.
5. Пионер ежедневно помогает трудовым братьям в строительстве коммун. об-ва.
6. Пионер трудолюбив и уважает полезный труд.
7. Пионер чист в мыслях, словах и на деле. [Комсомол:1925, 31]

Законы2 1922 октябрь

принятые на V съезде РКСМ (11–17 октября 1922г.)

1. Пионер верен рабочему классу и коммунизму .
2. Пионер — друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу .
3. Пионер честен и правдив . Его слово — как гранит .
4. Пионер дисциплинирован .
5. Пионер ежедневно помогает трудовым братьям в строительстве коммунистического общества .
6. Пионер трудолюбив и уважает полезный труд .
7. Пионер чист в мыслях , словах и на деле .

[Товарищкомсомол:1969, 96–97], [Деткомдвиж: 1924, 21].

Законы 1923

1. Пионер верен делу рабочего класса

Пионер»—младший брат и помощник комсомольцу и коммунисту

Пионер»—товарищ пионерам и рабочим ребятам всего мира

Пионер трудолюбив, настойчив.

Пионер смел, честен и правдив (его слово как гранит)

Пионер здоров, вынослив, и никогда не падает духом

Пионер стремится к знанию. Знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело.

Пионер свое дело делает быстро и аккуратно

[Юныйпионер:1924, 55], [Комсомол:1925, 45–46], [Всесоюзная:1981, 24]

Законы 1924

Региональный вариант: Симферополь

1. Пионер верен делу рабочего класса — заветам Ильича.

2. Пионер»—младший брат и помощник комсомольцу и коммунисту.

3. Пионер»—товарищ пионерам, рабочим и крестьянским детям всего мира.

4. Пионер организует окружающих детей и участвует с ними во всей окружающей жизни. Пионер»—всем детям пример.

5.Пионер стремится к знанию. Знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело [Памятка:1925, 124].

Законы 1924

Региональный вариант 1925, Самара

1. Пионер верен делу рабочего класса»—заветам Ильича.

Пионер»—младший брат и помощник комсомольцу и коммунисту.

Пионер»—товарищ пионерам, рабочим и крестьянским детям всего мира.

4. Пионер организует окружающих детей и участвует с ними во всей окружающей жизни. Пионер»—всем детям пример.

5. Пионер стремится к знанию. Знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело [Юныепионеры1:1925, 12].

Законы 1928

Пионер — верен делу рабочего класса, заветам Ильича

Пионер — товарищ пионерам, рабочим и крестьянским детям всего мира. Пионер — всем детям пример.

Пионер стремится к знанию. Знание и умение — силы в борьбе за рабочее дело.

Пионер — охраняет здоровье свое и других. Он не ругается, не курит и не пьет. Встает рано утром, тщательно умывается, занимается физкультурой.

Пионер — трудолюбив и настойчив, умеет работать при любых обстоятельствах [Всесоюзная:1981, 54].

Законы1 1929

Утверждены Бюро ЦК ВЛКСМ 6 февраля 1929 г.

Пионеры верны делу коммунизма и заветам Ленина.

Пионеры — младшие братья и помощники комсомольцам и коммунистам в общей борьбе за дело рабочего класса.

Пионеры — товарищи детям рабочих и крестьян всего мира, всех народов.

Пионеры под руководством партии и комсомола сами строят свою организацию.

Пионеры стремятся к знанию и помогают учиться другим. Знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело.

Пионеры стремятся вовлечь в свою организацию и работу детей всех трудящихся.

Пионеры ведут общепользную работу в школе и вне школы, в Советах, профсоюзах, кооперации, учатся работать по плану, берегут свое и чужое время.

Пионеры — достойные члены своей организации, никогда и нигде они не ругаются, не хулиганят, не пьют, не курят.

Пионеры помогают слабым, охраняют природу, не позволяют мучить животных.

Пионеры соблюдают чистоту, охраняя здоровье свое и других.

Пионеры уважают свой и чужой труд, они дисциплинированы, вежливы и исполнительны.

Пионеры не боятся трудностей, они бодро и весело строят новую жизнь [Всесоюзная:1981, 55–56].

Законы2 1929

Региональный вариант: Иркутск.

1.Пионер верен делу рабочего класса и заветам Ленина.

2. Пионер — враг кулаков и буржуев, за интернационал рабочих.
3. Пионер-верный друг и товарищ детям рабочих, крестьян и трудящихся всего мира.
4. Пионер — младший брат и помощник коммунисту и комсомольцу в борьбе за коммунизм.
5. Пионер готовится стать самоотверженным борцом против нищеты и гнета, за социализм.
6. Пионер стремится к знанию и помогает учиться другим. Знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело.
7. Пионер — за дисциплину в учебе и труде, за бережливость к общественному имуществу.
8. Пионер — деятельный помощник совету, профсоюзу, кооперации. Пионер — друг, помощник, будущий боец Красной Армии.
9. Пионер — за рост фабрик и заводов, за технические знания, за трудовую дисциплину.
10. Пионер — друг бедняку, активный участник в борьбе за урожай, помощник колхозу, совхозу и коммуне.
11. Пионер — против национальной розни и вражды, за интернациональный союз всех рабочих и трудящихся.
12. Пионер — борется против пьянства, хулиганства, против религиозного дурмана.
13. Пионер — организует и объединяет детей под знаменем Ильича. Пионер — всем детям пример.
14. Пионер — все делает быстро и точно. Дорожит своим и чужим временем. Пионер — работает, учится и отдыхает дружно и организованно.
15. Пионер — враг грязи и куренья. Пионер — охраняет здоровье свое и других.
16. Пионер — трудолюбив и упорен. Пионер — трудностей не боится, всегда вынослив и бодр [Памяткап:1929, 1–2].

Законы 1931

Пионер предан делу рабочего класса, заветам Ильича. Всегда и везде дает отпор классовому врагу.

Пионер борется против национальной розни и вражды. Пионер — товарищ пионерам и рабоче-крестьянским детям всего мира.

Пионер — помощник партии и Ленинскому комсомолу в строительстве социализма. Организует детей на выполнение планов фабрик, заводов, МТС и колхозов.

Пионер стремится стать членом Ленинского комсомола.

Пионер за большевистские темпы и качество, за коммунистическое отношение к труду. Пионер — активный участник социалистического соревнования и ударничества.

Пионер — активный строитель политехнической школы. Пионер в учебе и труде — пример всем ребятам.

Пионер стремится овладеть техническими знаниями. Знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело.

Пионер готовится стать бойцом Красной Армии. Пионер крепит оборону Страны Советов.

Пионер — активный разведчик природных богатств СССР. Пионер помогает поставить природу на службу социализму.

Пионер борется за новый быт против неграмотности, бескультурья и религиозного дурмана. Пионер охраняет здоровье свое и других [Положение1:1931, 2].

Законы 1939

Пионер горячо любит Родину, Коммунистическую партию...

Пионер помнит: знание — великая сила в борьбе за коммунизм. Он учится упорно и терпеливо.

Пионер любит Красную Армию, Военно-Морской Флот и сам готовится защищать Родину от врагов.

Пионер — товарищ и друг детям трудящихся всего мира.

Пионер как зеницу ока бережет социалистическую собственность.

Пионер любит трудиться. Он знает, что для блага Родины всякий труд почетен.

Пионер стремится быть здоровым и сильным. Он каждое утро делает гимнастику, всегда чист и опрятен.

Пионер — Друг октябрат. Пионер вежлив, дисциплинирован, уважает старших и не обижает младших.

Пионер — всем детям пример. Пионер не боится трудностей и доводит начатое дело до конца

Пионер носит красный галстук — знак единения трех большевистских поколений [Всесоюзная:1981, 74].

Законы 1957

Утверждены Бюро ЦК ВЛКСМ 25 декабря 1957 г.

1. Пионер любит свою Родину, Коммунистическую партию Советского Союза. Он готовит себя к вступлению в члены ВЛКСМ.

2. Пионер чтит память тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу и процветание Советской Родины .

3. Пионер дружит с детьми всех стран мира.

4. Пионер прилежно учится, дисциплинирован и вежлив.

5. Пионер любит трудиться и бережет народное добро.

6. Пионер — хороший товарищ, заботится о младших, помогает старшим.

7. Пионер растет смелым и не боится трудностей.

8. Пионер говорит правду, он дорожит честью своего отряда.

9. Пионер закаляет себя, каждый день делает физкультурную зарядку.

10. Пионер любит природу, он — защитник зеленых насаждений, полезных птиц и животных.

11. Пионер — всем ребятам пример [Всесоюзная:1981, 97].

Законы 1967

Пионер предан Родине, партии, коммунизму.

Пионер готовится стать комсомольцем.

Пионер держит равнение на героев борьбы и труда.

Пионер чтит память павших борцов и готовится стать защитником Родины

Пионер настойчив в учении, труде и спорте.

Пионер — честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду.

Пионер — товарищ и вожак октябрят.

Пионер — друг пионерам и детям трудящихся всех стран [Товарищсп-пио:1967, бс]

Изменения, вносимые в текст законов, не были такими регулярными, как при редактировании призыва и торжественного обещания. Редактирование отдельных редакций законов состояло, например, в добавлении одного пункта (как в **Законы 1923**), а в других редакциях происходил резкий ко-

личественный скачок: текст возрастал на несколько пунктов (например, на 6, как **Законы1 1929**).

Добавление или, наоборот, изъятие каких-либо положений законов осмыслились самими пионерскими работниками прежде всего как требование времени, выражающее насущные идеологические и воспитательные потребности. Позволим себе в качестве примера лишь одно свидетельство. В журнале «Пионер» в 1987 году приводится следующее рассуждение: «Среди Законов юных пионеров, принятых в феврале 1929 года, был такой:

«Пионеры — достойные члены своей организации, никогда и нигде не ругаются, не хулиганят, не курят, не пьют».

Шли годы, крепла организация, все пионеры теперь учились в школе, читали книги, занимались спортом. И не было нужды оговаривать, что пионер не может ругаться, хулиганить, пить или курить. Все было ясно и так. Этот пункт сняли из Законов юных пионеров» (Пионер. 1987, № 9. С. 16). Далее в заметке продолжается рассуждение о заново возникшей проблеме — курении пионеров. Любопытно в этом контексте указать на педагогическую идею о существовании «золотого века», во время которого нет нужды формулировать некоторые законы, они и так общеприняты и всеми разделяемы — в этом проявляется мифологизирующая функция таких квазиисторических описаний пионерских текстов. Другая примечательная черта этого текста — неопределенно-личное значение глагола сняли. Составители законов не называются, они представлены как неопределенная сила, фиксирующая объективные изменения в жизни пионерской организации. Соответственно и текст законов имеет если не мистическую природу, то, по крайней мере, умалчиваемое и таинственное происхождение, как доисторические скрижали.

Различались центральные и региональные издания. Так, например, в иркутском варианте **Законы2 1929**, встречаются содержательные отличия от центральных изданий того же года. Положений, приведенных ниже, в центральном издании нет:

10. Пионер — друг бедняку, активный участник в борьбе за урожай, помощник колхозу, совхозу и коммуне.

11 Пионер — против национальной розни и вражды, за интернациональный союз всех рабочих и трудящихся.

12. Пионер — борется против пьянства, хулиганства, против религиозного дурмана.

Изменялся и порядок следования положений. Уже в первых законах пионеров **Законы1** 1922 май, а затем и в **Законы2** 1922 октябрь очередность формулировок относительно скаутского порядка изменилась. В первых трех пунктах разместились положения, содержащие классовые ориентиры организации¹⁵⁶.

В некоторых случаях порядок отражает изменения отношения к какому-либо идеологическому или воспитательному постулату, он может передвигаться ближе к началу списка или, наоборот, при снижении его значения смещаться в конец или удаляться из текста законов (так произошло, например, с положением о национальной розни, об этом ниже). Показательным примером является отношение руководителей пионерской организации к учебе и ее роли в жизни пионера. Изменение педагогических идей об учебе отчетливо прослеживается по всем редакциям. Меняются и формулировки, и порядковый номер закона об учебе в общем перечне законов. Для наглядности приведем список редакций, цифрами в скобках обозначая общее количество законов редакции, а без скобок — порядковый номер закона об учебе:

Законы 1923 на 7 месте (из 8)

Законы 1924 5 (5)

Законы 1928 3 (5)

Законы1 1929 5 (12)

Законы2 1929 7 (10)

Законы 1931 7 (10)

Законы 1939 2 (12)

Законы 1957 4 (11)

Законы 1967 5 (8)

К 1928 году значение учебы среди прочих идеалов организации возросло, а к 1939 году значительно опередило все остальные положения. Эта

¹⁵⁶В методической литературе неоднократно указывалось на главенство первого положения перед другими: «Основополагающим, главным законом юных пионеров является 1-й закон, а главным качеством пионера является советский патриотизм и пролетарский интернационализм. Именно 1-й закон определяет качественное своеобразие всех остальных законов, их единство. Об этом забывать нельзя» [Кузьмин:1961, 5].

динамика объясняется сменой руководящих установок: политико-идеологические ценности отступают перед учебно-трудовыми. О том, как кардинально в начале 1930-х годов поменялось отношение к учебной деятельности, говорилось в связи с аналогичными изменениями в тексте торжественного обещания (в Приложении в разделе 1.3.4. Текст торжественного обещания и его редакции).

Описанное варьирование законов пионеров: скачки в количестве положений, которые зачастую трудно мотивировать, перестановки положений местами, замены положений, количественные и содержательные отклонения в региональных редакциях и просто многочисленные лексические и грамматические изменения — обуславливает, в отличие от других уставных текстов (призыва и торжественного обещания), несколько иной принцип анализа текстов законов.

В анализе мы будем опираться на статистическую выборку словоформ, сгруппировав их по однокоренным гнездам, а не на последовательное сравнение целых текстов редакций. В основу анализа положена выборка наиболее частотных лексем (и их дериватов) — более десяти словоупотреблений. Лексемы (и их дериваты), встречающиеся менее десяти раз, привлекаются при анализе сочетаемости словоформ. Таким образом мы проанализируем лишь некоторые наиболее устойчивые концепты законов пионеров, а анализ сочетаемости словоформ, которыми эти концепты выражены (и в этом случае мы будем придерживаться хронологического принципа), позволит сделать выводы о наиболее устойчивых областях значений. При анализе мы будем привлекать региональные варианты на равных правах с центральными. Анализ мы построим в порядке убывания частотности лексем.

Наибольшее количество словоупотреблений приходится на слово *пионер* — 120 случаев. Дериватов, которых можно было бы ожидать (прежде всего прилагательное *пионерский*), не встречается. Во всех редакциях *пионер* является обязательным компонентом каждой формулировки положения и выступает в роли субъекта (в синтаксической функции подлежащего). Например, *Пионер — враг кулаков и буржуев, за интернационал рабочих*. Кроме этого, он употребляется в качестве атрибутива к слову товарищ — *товарищ пионерам*.

Следующую по частотности группу (далеко отстоящую по количеству словоупотреблений от предыдущего слова) составляют гнезда однокоренных слов к лексемам: *работа* (29)¹⁵⁷, кванторы всеобщности (27), *труд* (25), *дело* (22).

О популярности кванторов всеобщности (все, вся, весь, всегда, всякий) уже говорилось выше в связи с их употреблением в торжественном обещании (например, **Обещание1923**), в частности в именной группе *весь мир*.

Что же касается остальных лексем, то создаваемое ими семантическое поле — трудовая деятельность — свидетельствует, с одной стороны, о ее приоритетном значении для идеологической платформы пионерской организации: она понимается как основополагающий воспитательный принцип. С другой стороны, на 5 употреблений лексемы *работа* 24 раза употребляются его дериваты: *рабочий класс*, *рабочие дети*, *рабочее дело*. То, с какими словами сочетается прилагательное *рабочий*, показательно: это или социальные группы, или идеология социальной группы. Тем самым задаются классовые границы в социальной ориентации пионера. Классовый подход особенно контрастирует с отсутствием таких границ у скаутской организации, равно как и трудового воспитания в пионерском его понимании (к нему мы еще вернемся ниже). Так же, то есть для обозначения социальной группы, употребляется и прилагательное *трудовой* — *трудовые собратья*. Причем концентрация этих лексем приходится на первые по счету формулировки законов.

Первый закон начинается с сочетания *верен* + *Н*. В самых ранних редакциях это *рабочий класс*, *коммунизм* **Законы1 1922 май**; **Законы2 1922 октябрь**.

Затем произошла общая для всех уставных текстов замена на *дело рабочего класса*, *заветы Ильича* **Законы 1923**; **Законы 1924**; **Законы2 1929**. В 1929 году *дело рабочего класса* меняется на *дело коммунизма*, а *заветы Ильича* на *заветы Ленина* **Законы1 1929** — тем самым идеология социальной группы сменяется партийной идеологией (в целом во всех текстах количество словоупотреблений *коммунизм* — 11). А о замене *Ильич* — *Ленин* говорилось выше в связи с аналогичными изменениями в торжественном обещании (общее количество словоупотреблений лексемы *Ленин/Ильич* и ее деривата *Ленинский* — 9).

¹⁵⁷ В скобках указано количество словоупотреблений во всех текстах законов.

В редакции **Законы 1939** *верен* заменяется на *любит* + *Родина*, *Коммунистическая партия* — употреблений соответственно (7) и (5); все они встречаются только в редакциях, вышедших после 1939 года включительно. Эта замена объясняется появлением и утверждением идеи государственности. Она сохраняется и в последней редакции: *Пионер предан Родине, партии, коммунизму Законы 1967*. Для языка советской эпохи характерна взаимотсылка этих лексем, которую можно трактовать более точно как отношения кореферентности (ср. [Серио:1999]). Несмотря на то что лексемы обозначают разные объекты (государство, политическая организация, партийная идеология), лишь метонимически связанные друг с другом, они кореферентны. Семантическое тождество этих объектов подтверждается их частым совместным употреблением (в том числе в качестве единого отдельного высказывания (лозунга)), взаимодополнительностью и сочетаемостью.

Вернемся ко второму значению слов *работа*, *труд*. Можно обнаружить редакции, в которых дериваты *работы* (и *труда*) в в этом значении наиболее частотны. Это редакции с 1929 по 1939 год. Сочетаемость слов, обозначающих трудовую деятельность, тоже изменяется со временем. Эти изменения отражают изменения в области педагогики трудового воспитания и партийных установок. Если в 1920-е годы *трудолюбив* сочиняется с *настойчив*, и тем самым демонстрируется связь труда и усердия в его выполнении, то в конце 1920-х и в 1930-е годы заметно, как акцент смещается на социальные и идеологические характеристики труда: *общепользная работа в школе и вне школы, в Советах, профсоюзах, кооперации, трудовая дисциплина, коммунистическое отношение к труду*.

В советском пропагандистском дискурсе принято было оперировать объектами социалистического строительства: фабрики, заводы, колхозы и пр. В законах упоминаются как знаковые объекты, традиционно связанные с рабочим классом и его гегемонией — фабрики и заводы, так новые и важные реалии советской жизни конца двадцатых годов, например, МТС, профсоюзы и колхозы¹⁵⁸. В 1930-е годы появляются такие явления, как социалистическое соревнование и ударничество, и сразу же составители устава помещают

¹⁵⁸ Аналогичные изменения приоритетов происходили и в развивающейся в 1920-е годы радиовещательной системе. Она, как и пионерские законы, чутко реагировала на новые партийные установки, точнее будет сказать, их реализовывала. В одном из исследований становления радиовещания в СССР отмечается, что начиная с 1928, «меняется характер комментированных транс-

их в законы пионеров (см. **Законы 1931**). В редакции 1939 года в соответствии с укрепляющейся идеей государственности формулируется новый контекст трудовой деятельности: *для блага Родины всякий труд почитен*. Перечисленные факты свидетельствуют о стойкой связи текста законов с политическими переменами в стране.

В послевоенное время значение труда для пионерской идеологии снизится, и заявление пионерского трудолюбия станет более лаконичным и одновременно менее специфичным: *настойчив в учении, труде и спорте*.

Второй десяток наиболее употребительных слов открывает лексема *дети*. (19). Синонимично ей употреблялось слово *ребята* в сочетании с прилагательным *рабочие* (впервые в **Законы1923**). Само же слово дети появляется в **Законы1924** и сохраняется во всех последующих редакциях вплоть до последней. Оно входит в состав растиражированной формулы: *Пионер — всем детям пример*. Противопоставление пионеров и остальных детей, или, как называли последних в двадцатые годы, «неорганизованных ребят», — ключевая установка пионерской организации. Пионеры мыслятся в законах пионеров, как особые дети, обладающие по отношению к остальным повышенным статусом и патронажными функциями — *организует окружающих детей и участвует с ними во всей окружающей жизни* **Законы 1924** (такие черты пионера зафиксировались в стереотипии изображения характера пионера-героя, об этом в главе 2 в разделе 5.2.3. Описание раннего детства: жанровые и стилистические традиции).

С лексемой *дети* самым непосредственным образом связан концепт *дружбы* (количество словоупотреблений лексемы *друг* и ее дериватов — 9, *товарищ* соответственно — 11). В самых первых редакциях в друзьях пионера числятся только члены пионерской организации или комсомольцы (ср. *друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу* **Законы1 1922** май; **Законы2 1922 октябрь**). Этот очевидный перегиб в искусственном отборе потенциальных друзей был исправлен уже в Организационном положении 1923 года: *товарищ пионерам и рабочим ребятам всего мира* **Законы 1923**. Интернационализм (*весь мир*) в сочетании с классовым подходом в ограничении друзей сохранится до 1957 года (количество словоупотребле-

ний — из залов съездов, конференций, собраний микрофон перемещается на стройки, заводы и рабочие клубы, дополняя эфир «трансляциями жизни» [Шерель 2004, 59].

ний лексемы *класс* и ее дериватов — 9; хотя они перестанут употребляться после 1931 года, классовый принцип как таковой останется). Состав друзей дополнится *крестьянскими детьми*, когда станет определяться отношение партии к крестьянству как опекаемому партией: *товарищ пионерам, рабочим и крестьянским детям всего мира* **Законы 1924**, **Законы 1928**. На рубеже 1920–1930-х годов особо сакцентировано отрицание национальной розни: *товарищи детям рабочих и крестьян всего мира, всех народов* **Законы1 1929**; **Законы2 1929**¹⁵⁹

В этот период осуществлялась кампания по созданию интернационального государства с равными правами для всех национальностей и народностей, но к середине 1930-х годов она закончилась (об этом подробнее, например, в [Алпатов:1994], [Алпатов:2000]), и вместе с ее окончанием было изъято положение о национальной розни.

На приведенных примерах хорошо видно, как классовый подход постепенно мутировал в сторону слияния внутриклассовых групп: дети рабочих и крестьян — рабоче-крестьянские дети — дети трудящихся (*товарищ и друг детям трудящихся всего мира* **Законы 1939**)¹⁶⁰. В **Законы 1957** классовые границы для друзей пионеров будут сняты: *дружит с детьми всех стран мира*. Впрочем, в **Законы 1967** классовая ограниченность вернется на прежнее место в прежнем объеме: *друг пионерам и детям трудящихся всех стран*.

С концептом дружбы тесно связано понятие братства, родства (количество словоупотреблений лексемы *брат* и ее дериватов — 8). Через идею братства формулируется преемственность партийных поколений (коммунисты — комсомольцы — пионеры). В ранних редакциях утверждается их дружеское и родственное равноправие: *друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу коммунизм* **Законы1 1922 май**; **Законы2 1922 октябрь**. А в последующих редакциях отношения задаются как отношения подчиненности

¹⁵⁹В эту же редакцию попало злободневное указание на то, что пионер — друг бедняку **Законы2 1929**; пионер борется против национальной розни и вражды. Пионер — товарищ пионерам и рабоче-крестьянским детям всего мира **Законы 1931**.

¹⁶⁰ Ср. установочные постулаты руководящих текстов, сочетающие в себе идею государственного патриотизма и интернационализма: «Социалистическая идеология проникнута духом патриотизма и интернационализма. Горячая любовь к своей Родине, к своему народу неразрывно связана в сознании советских людей с уважением к другим народам, с братским отношением к трудящимся всех стран» [Глезерман:1954, 287]

и преемственности: *младший брат и помощник комсомольцу и коммунисту* **Законы 1923; Законы 1924; Законы1 1929; Законы2 1929**. С 1957 года преемственность ограничивается только комсомолом: *он <пионер — С. Л.> готовит себя к вступлению в члены ВЛКСМ* **Законы 1957**.

Именная группа *помощник комсомольцу и коммунисту* встречается до 1929 года, с этого года и в последующих редакциях пионер помогает не старшим товарищам, его идеологическим вожатым, а трудится на конкретных объектах социалистического строительства: колхоз, совет, профсоюз, кооперация и пр. Конкретные поля деятельности пионера складываются по преимуществу из политически значимых объектов. Об этом свидетельствует сочетаемость слов, входящих в лексическое гнездо, связанное со словом *помогать* (количество словоупотреблений лексемы *помогать* и ее дериватов — 15): по большей части это политические термины: *помогает трудовым собратьям в строительстве коммунистического общества, помогает поставить природу на службу социализму*, и лишь в отдельных случаях общенравственные, в частности: *помогают слабым, помогают старшим*.

Существенное место в законах занимает местоимение *свой*. В довоенных редакциях оно как правило стоит в паре с антонимами: *здоровье свое и других, свое и чужое время, свой и чужой труд*. Так задается система ценностей, в которой есть разделение на личное и общественное. К 1957 году эта оппозиция на синтаксическом уровне будет снята *своя Родина, своя жизнь, свой отряд* — чужие объекты не названы. Столь высокая частотность этого местоимения (14) среди других частей речи указывает на особую значимость для идеологического универсума законов оппозиции *свой-чужой*, которая для советского дискурса была одной из основных.

К ключевым концептам пионерских законов относится и *борьба* (количество словоупотреблений лексемы *борьба* и ее дериватов — 18). Эта лексема сочетается со словами, описывающими политические явления общего порядка: *борьба за рабочее дело, борьба за коммунизм, борьба за свободу и процветание Советской Родины* или конкретно-политические явления, а точнее явления, которым придан политический статус — *борьба за урожай*. Причем в 7 случаях *борьба за рабочее дело/коммунизм* входит в состав предложения об учебе. Во всех довоенных редакциях учеба определяется через слово *знание* (16), в 8 случаях совместно с *умением*: *знание и умение*. Со

словом знание в 6 случаях сочетается глагол *стремиться* (при общем количестве слова — 10). В редакциях двадцатых годов описывается стремление пионера учиться безотносительно к учебным предметам: *Пионер стремится к знанию. Знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело. Законы 1923, Законы 1924, Законы 1928 Пионеры стремятся к знанию и помогают учиться другим. Знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело. Законы1 1929, Законы2 1929*

В 1931 году область учебных занятий сужается до технических: *Пионер стремится овладеть техническими знаниями. Знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело Законы 1931.*

В 1939 году устойчивая формула предыдущих редакций знание и умение — сила дополнится эпитетом для выражения значимости — *великий*: *Пионер помнит: знание — великая сила в борьбе за коммунизм. Он учится упорно и терпеливо. Законы 1939.* В этой же редакции появится характеристика учебного процесса за счет качественных наречий (*упорно и терпеливо*), она сохранится и в следующей редакции 1957 года (*прилежно учится*). В последних редакциях учеба пионера поставлена либо в ряд волевых и этикетных качеств (*дисциплинирован и вежлив*), либо в ряд с другими видами деятельности (*труд, спорт*): *Пионер прилежно учится, дисциплинирован и вежлив. Законы 1957 Пионер настойчив в учении, труде и спорте Законы 1967.*

И в том, и в другом случае значимость учебы в системе ценностей организации убывает.

Свидетельством убывания значимости учебы для пионерских педагогов служит и следующий факт: в первых редакциях устава отдельно от текста законов приводился так называемый «железный закон юных пионеров» — «Буду стремиться всегда, везде, где возможно, получить знания для того, чтобы употребить их на пользу трудящихся» (например, [Комсомол:1925, 32]). К 1928 году железный закон перестают помещать отдельно, положение о «знании — силе» становится одним из многих. О том, как в разные годы порядок следования положений отражал изменение отношения к учебе, уже говорилось выше .

1.5. Обычаи пионеров

1.5.1. Термин

Обычаи пионеров — это текст, состоящий из нескольких предложений (от 5 до 10), каждое из которых представляет одно положение гигиенически-воспитательного содержания. Термин был заимствован у скаутской организации.

1.5.2. Генезис обычаев пионеров

Обычаи пионеров так же, как и законы, находятся в непосредственной генетической связи со скаутскими. Они заимствуют и форму списка, и большей частью содержание. Приведем для сравнения один из вариантов обычаев скаутов и «переходный» вариант обычаев, составленный В. Зориным:

Обычаи скаутов

Разведчики — всего мира: не валяются в постели утром, а поднимаются сразу, как Ванька-встанька.

Стелют постель своими, а не чужими руками

Моются тщательно, не забывая шею и уши.

Чистят зубы и помнят, что зубы — друзья желудка.

Стоят и сидят прямо, не горбясь.

Не боятся предлагать свои услуги людям.

Не курят: курящий скаут уже не скаут.

Начатое дело доводят до конца.

Улыбаются, когда больно, и насвистывают, когда тяжело.

Не держат руки в карманах (не будешь «готов»).

Они всегда чисты в мыслях, в словах и делах.

Они вежливы со всеми.

Не ложатся спать, пока не развяжут узелки на галстук.

Они знают адреса: Ближайшего доктора, ближайшей аптеки, ближайшей больницы и ближайшей пожарной команды, чтобы быть всегда готовым помочь людям в беде [Жуков:1916, 12].

Обычаи юных пионеров

1. Пионер не валяется в постели утром, а поднимается сразу, как ванька — встанька;

2. Пионеры стелют постели своими, а не чужими руками;

3. Пионеры моются тщательно, не забывают мыть шею и уши, чистят зубы и помнят, что зубы — друзья желудка;

4. Пионеры точны и аккуратны;

5. Пионеры стоят и сидят прямо, не горбясь;
6. Пионеры не боятся предлагать свои услуги людям;
7. Пионеры не курят; курящий пионер уже не пионер;
8. Пионеры не держат руки в карманах, ибо пионер, держащий руки в карманах, не всегда готов;
9. Охраняют полезных животных;
10. Помнят всегда свои обычаи и законы [Юные пионеры:1922, 16], [Памятка:1923, 23–24].

Синтаксическая структура обычаев пионеров повторяет структуру законов и отличается от скаутской наличием подлежащего — пионер. Содержание пионерских законов несколько сокращено: например, убраны положения о вежливости и чистоте помыслов. Эти изменения носят скорее «косметический», нежели идеологический характер. Гигиенические требования, предъявляемые скауту, в точности переносятся на пионера. И если в случае со скаутами эти требования могут объясняться условиями походной и лагерной жизни, которую вели скауты, то гигиенические поведенческие нормы, приписываемые пионеру, могут быть связаны с разнородным социальным составом первых пионеров, немалую часть которых составляли беспризорные дети (вовлечение беспризорных детей в пионерскую организацию было плановым). Требования, аналогичные скаутским, должны были способствовать ликвидации гигиенической «отсталости» у первых пионеров, для многих из которых чистота и аккуратность были навыками чуждоклассовыми или утраченными во время беспризорной жизни. Таким образом обычаи, будучи вставлены в новый контекст, приобретали новое значение.

1.5.3. Текст обычаев пионеров и его редакции

В отличие от остальных уставных текстов, обычаи пионеров просуществовали недолго, только на протяжении двадцатых годов. Мы располагаем только одной редакцией, принятой после VI Съезда РЛКСМ :

1. Пионер охраняет здоровье свое и других, он вынослив и бодр . Встает рано утром, тщательно умывается и делает гимнастику .
2. Пионер дорожит своим и чужим временем. Свое дело делает быстро и аккуратно .
3. Пионер трудолюбив и настойчив, умеет работать коллективом при любых условиях, находит выход при всех обстоятельствах .

4. Пионер бережлив к общественному имуществу, аккуратно относится к книгам, одежде и к принадлежностям мастерских .

Пионер не ругается, не курит и не пьет

[Памятка:1925, 32], [Юныепионеры1:1925, 12].

Эта редакция заметно короче предыдущей за счет сокращения конкретных гигиенических требований. Текст окончательно теряет непосредственность и живость языка скаутского предшественника, например, составителями пионерских обычаев изымается сравнение с Ванькой-встанькой или домашнее предостережение «не лягут спать, пока. . . ». Официозно-назидательный тон пионерских обычаев совпал с таким же тоном законов. Это могла быть одна из причин, по которой к 1929 году обычаи как отдельный уставный текст перестали существовать. Как раз в 1929 году вышла значительно расширенная редакция законов пионеров, в том числе и за счет введения туда положений из обычаев пионеров. **Законы1 1929, Законы2 1929**

На основе уставных текстов создавались художественные тексты-декларации, в том числе и в стихотворном переложении ([Каринский:1925], [Савельев:1926]). В задачи этих вторичных по отношению к уставу текстов входила доступная детям популяризация устава. Об особенностях поэтики этих текстов есть исследование В. А. Рогачева [Рогачев:1970], который указал на их агитационную функцию и рассмотрел тексты переложений с точки зрения их эстетической ценности.

В то же время исходя из того, что уставные тексты, являясь фундаментом пионерской литературы, стали одним из способов формульной фиксации пионерской идеологии, логично было предположить, что эта идеология нашла свое воплощение и в основных видах пионерской литературы.